

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В. Н. ЩЕПКИН

РУССКАЯ
ПАЛЕОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

Книга является ценным пособием по русской палеографии. В ней содержатся краткие и точные формулировки по вопросам времени и места написания рукописей; в яркой форме прослеживается эволюция русского письма с древнейших времен до XVIII в. Монография совмещает в себе черты серьезного научного труда и полезного учебного пособия. Впервые выпущенная в 1918—1920 гг. ограниченным тиражом эта книга быстро разошлась и стала в настоящее время библиографической редкостью.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. В. ЩЕПКИНА

Вячеслав Николаевич Щепкин

Русская палеография

Утверждено к печати Отделением литературы и языков
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Ф. Журавлева*
Технический редактор *Ф. М. Хелюх*

Сдано в набор 9/1 1967 г. Подписано к печати 21/VIII 1967 г. Формат 60 × 90^{1/16}.
Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 6000. А-02599. Бумага № 1. Тип. зак. 26.
Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, 12

7-1-1

20-Б 3-5-67

**В. Н. ЩЕПКИН
И ЕГО КНИГА ПО РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ**

Профессор Московского университета Вячеслав Николаевич Щепкин (1863—1920) был выдающимся лингвистом, одним из учеников Ф. Ф. Фортунатова, виднейшим представителем созданной последним московской лингвистической школы. Однако В. Н. Щепкин был не только лингвистом — он славист широкого профиля, которому в равной мере близки проблемы как языковедения, так и истории славянской материальной и духовной культуры и литературы. Его работы относятся к старославянскому языку и к истории болгарского языка — основной специальности ученого, а также к сравнительному славянскому языкознанию, русскому языку, к славяно-русской палеографии, к истории славянского изобразительного искусства и литературы. Среди этих многочисленных отраслей науки о славянстве палеография в его творчестве занимает особое место: ею он занимался на протяжении всей своей 35-летней научной деятельности¹.

В. Н. Щепкин родился 25 мая 1863 г. Вся его научно-педагогическая деятельность протекала в Москве, с которой он был связан своим происхождением. Он был родным внуком великого русского актера М. С. Щепкина и племянником известного русского философа Н. В. Станкевича (мать В. Н. Щепкина была родной сестрой Н. В. Станкевича). Близкими людьми в семье родителей В. Н. Щепкина, помимо М. С. Щепкина, Н. В. Станкевича, были Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев и другие замечательные деятели общественной русской мысли, науки и искусства.

В 1881 г. В. Н. Щепкин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Это было время расцвета языкознания в Московском университете, связанного с деятельностью выдающегося русского лингвиста-теоретика, основателя московской лингвистической школы профессора (впослед-

¹ О жизни и научной деятельности В. Н. Щепкина см.: С. Б. Берштейн. Вячеслав Николаевич Щепкин. М., 1955.

ствии академика) Ф. Ф. Фортунатова. Щепкин прослушал лекции Фортунатова по введению в языковедение, сравнительной грамматике индоевропейских языков, старославянскому, литовскому, готскому языкам, санскриту. Он продолжал посещать лекции Фортунатова и по окончании университета. Щепкин писал в некрологе о своем учителе: «Фортунатов писал мало, но продукты своей оригинальной, глубокой и точной мысли он вкладывал в свои на редкость законченные курсы. Фортунатов был воплощением чистого научного творчества; атмосфера бескорыстной пытливости и незабываемой логики была разлита в его аудитории. Сама личность Фортунатова распространяла совершенно особое обаяние какого-то большого и благотворного природного явления»². Именно занятия с Фортунатовым главным образом и определили специализацию Щепкина в области языкознания и научное направление его деятельности как лингвиста.

Занимался В. Н. Щепкин также и у другого выдающегося лингвиста того времени — профессора (позже академика) Ф. Е. Корша, под руководством которого прошел серьезную школу в области классической филологии. Наконец, большое значение для формирования В. Н. Щепкина как учёного имели лекции проф. Н. С. Тихонравова по славянской палеографии и занятия по славянскому и русскому языкознанию у проф. А. Л. Дювернуа. На этих лекциях он приобщился к болгароведению (В. Н. Щепкин наряду с другими учениками проф. Дювернуа принял участие в составляемом последним большим болгарском словаре и подготовил к печати уже после смерти своего учителя букву «к»).

По окончании университета (1885 г.) Щепкин был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1887 г. по предложению И. Е. Забелина — основателя московского Исторического музея — Щепкин поступил в этот музей, где проработал всю жизнь — сначала хранителем, а затем заведующим созданного им Отдела рукописей и книг старой печати. Одновременно Вячеслав Николаевич был активным деятелем историко-филологического факультета Московского университета. В 1889 г. он защищает диссертацию на степень магистра славянской филологии, а с 1900 г. он — приват-доцент Московского университета. Щепкин читает курсы отдельных славянских языков и ведет занятия по чтению древних славянских текстов. В 1906 г. Вячеслав Николаевич защищает докторскую диссертацию и становится экстраординарным профессором, с 1912 г. он — ординарный профессор Московского университета. С 1906 г. он преподает также на Высших женских курсах в Москве. В 1913 г. его избирают членом-корреспондентом Академии наук.

² В. Н. Щепкин. Филипп Федорович Фортунатов (некролог). «Русские ведомости», 21 сентября 1914 г.

На протяжении 20 лет (с 1900 г. до конца своей жизни) В. Н. Щепкин читал многие курсы — введение в славяноведение, старославянский язык, палеографию, отдельные славянские языки, славянские литературы. Некоторые из этих курсов были изданы литографическим способом и пользовались широкой известностью. Однако среди указанных курсов совершенно особое место занимал курс палеографии, создание которого было связано не только с преподавательской деятельностью в университете, но и прежде всего с повседневной и многолетней постоянной и подвижнической работой Щепкина в Историческом музее. В некрологе В. Н. Щепкина так характеризуется его деятельность в Историческом музее: «Вячеслав Николаевич Щепкин в качестве одного из хранителей Исторического музея (с 1887 и до смерти) был истинным создателем Отдела рукописей и книг старой печати в музее. В его ведении находились поступающие в музей собрания славяно-русских рукописей, под его руководством и по его выбору приобретались рукописи и старопечатные книги, им же они описывались и регистрировались до 1912 г., когда главным образом при его же участии и по его же плану создано было до тех пор не существовавшее в музее Отделение рукописей и книг старой печати, ставшее вскоре одним из наиболее крупных русских собраний письменных памятников, миниатюры и старой печати»³.

Через руки В. Н. Щепкина на протяжении многих лет прошло огромное количество древних рукописей, которые им внимательно изучались и всесторонне описывались. Именно это дало Щепкину возможность создать курс палеографии, с одной стороны, опирающийся на огромный фактический материал, с другой — поднимающийся над этим материалом и дающий широкие обобщения, которые замечательно ориентируют не только студента, но и ученого-специалиста при работе над древними рукописями.

«Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина имеет свою историю. Еще до чтения курса палеографии в Московском университете (1910 г.) Щепкин обладал огромным опытом практической работы над рукописями в Историческом музее. Это дало ему возможность сразу же выпустить соответствующее литографическое пособие: «Конспект курса славяно-русской палеографии» (М., 1910). В 1915 г. московскими Высшими женскими курсами был издан также литографским способом «Конспект курса славяно-русской палеографии (пособие к лекциям и программа)». Наконец, в качестве результата дальнейшей работы над курсом явился «Учебник русской палеографии. 6 таблиц и 42 рис. в тексте. Издание общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1918». (Таковы выходные данные

³ Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 135.

на титульном листе; на обложке после заглавия и указания на таблицы и рисунки следует: «Государственное издательство. М., 1920»).

«Учебник» В. Н. Щепкина построен по следующему плану: Предмет, цели и метод палеографии; старославянский язык, славянские азбуки; изводы; материалы и орудия письма; вязь; орнамент; миниатюра; водяные знаки; кирилловские почерки (устав, полуустав, скоропись); русские почерки в пергаментных рукописях (по векам, начиная с XI в.); югославянская письменность; югославянское влияние в России; русские полууставные почерки (XV—XVIII вв.); скоропись; тайнопись; летоисчисление; поверка дат; описание рукописей. В приложении: Хронология славянская и русская.

Не будет преувеличением сказать, что все разделы учебника Щепкина написаны на основе огромного опыта работы над рукописями. Некоторые же разделы в значительной мере были разработаны автором вновь. Таковы разделы о начертаниях букв по векам, о вязи, орнаменте, миниатюре; во многих разделах излагаются итоги проведенных и частью опубликованных специальных исследований автора.

Стремление к точности при одновременной лаконичности изложения — характерная черта книги В. Н. Щепкина. Палеография исследует «письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения», — пишет Щепкин («Учебник», стр. 1). «Собственный метод палеографии состоит из индуктивных, обобщающих наблюдений над письменными знаками рукописей датированных и из дедуктивных применений наблюденного к рукописям недатированным» (там же стр. 2). В связи с взаимодействием письменной культуры разных мест, а также влиянием южнославянского письма на восточнославянское определить место возникновения рукописи по собственно палеографическим приметам не всегда оказывается возможным. «Место написания югославянской или русской рукописи устанавливается на основании ее языка, и только после этого мы получаем возможность судить, на какую эпоху указывают в ней» начертания той или иной буквы (там же, стр. 4). «При таких условиях, — пишет автор, — методически необходимо: сначала установить место написания рукописи, потом время ее написания» (там же). «Таким образом, — читаем мы далее, — на один из двух своих основных вопросов славяно-русская палеография отвечает не собственным методом, а с помощью лингвистики» (там же).

Вообще В. Н. Щепкин-палеограф всегда остается в то же время лингвистом и притом строгим лингвистом фортунаатовской школы, что его отличало от таких выдающихся палеографов, как А. И. Соболевский и Е. Ф. Карский, носителей лингвистических традиций дофортунатовской эпохи. Изучая даже такие, ка-

залось бы, далекие от лингвистики вопросы палеографии, как вязь, он связывал их разрешение с характером языка. Как известно, вязь была заимствована южными славянами из Византии, где она не получила широкого развития. Она употреблялась у южных славян с XIII в. Однако «падение югославянских государств еще в XIV веке остановило развитие югославянской вязи» (там же, стр. 34). Напротив, на Руси вязь, появившись в XIV в. вместе с другими чертами югославянского влияния, с XV в. получает широкое развитие. Объясняет это Щепкин как влиянием кирилловской графики, так и прежде всего характером фонетической системы языка восточных славян в эпоху после падения редуцированных. Как известно, в основе вязи лежит мачтовая лигатура, т. е. соединение двух смежных вертикальных линий в одну. Из 36 знаков кириллицы 26 имеют мачты, в то время как в греческой азбуке их было значительно меньше. Огромные возможности для развития вязи на древнерусской почве объясняются тем, что она «возникла после исчезновения слабых полугласных ъ и ь, т. е. в такую эпоху славянских языков, когда соприкоснулись самые разные согласные» (там же, стр. 33), а именно когда появилось значительное количество разнообразных сочетаний согласных, начертания которых преимущественно имели мачты. Большое научное значение имеют разделы, посвященные орнаменту и миниатюре, которыми много занимался Щепкин и которые впервые вполне органически входят в общее палеографическое исследование. Весьма ценны сводные таблицы начертаний отдельных букв, позволяющие проследить эволюцию букв в течение веков.

В отличие от своих предшественников — А. И. Соболевского и Е. Ф. Карского⁴ он не указывает, из какого памятника заимствовано то или иное начертание, так как мыслит свое пособие не как справочник, заключающий в себе описание материала, а как теоретический труд, дающий читателю общие представления об эволюции основных элементов письма и ориентирующий его в практической работе по палеографическому изучению рукописи с целью ее датировки и локализации. Сказанное отнюдь не умаляет значения справочных пособий и альбомов по палеографии, лучшие из которых (прежде всего «Славянская кирилловская палеография» Е. Ф. Карского) обязательно должны быть переизданы.

В. Н. Щепкин стремится к максимальной точности изложения, вырабатывает во многом свою, очень четкую, яркую, образную терминологию, которую в настоящее время можно считать в значительной мере общепринятой. Для него характерны сле-

⁴ См. А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб., 1908; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1928.

дующие строки: «При описании рукописей огромное значение имеет точность языка: все сообщаемые факты должны быть выражены в суждениях, которые ничего не оставляют недосказанным, а сами допускают только одно понимание, а не несколько» (там же, стр. 167).

В своем представлении факультету старшие его товарищи проф. М. Н. Сперанский и проф. В. К. Поржезинский писали: «В. Н. Щепкин известен как выдающийся знаток и исследователь славянской палеографии, художественной археологии и истории славянских литератур. При этом труды В. Н. Щепкина по палеографии и художественной археологии неотделимы в большинстве случаев от работ по языкам славянским, связанные с ними целостностью воззрения на изучаемый памятник, широтой и всесторонностью», отличающей все работы В. Н. Щепкина; труды его содержат «тонкую наблюдательность, чутье к извлечению фактов, скрытых под часто совершенно чуждой оболочкой, и строгий научный критицизм»⁵. Даже в небольших работах Щепкина сказывается, по словам Сперанского и Поржезинского, мастерское умение заставить заговорить мертвую букву.

Проф. А. С. Орлов (позднее академик), сам тонкий знаток палеографии и древнерусской литературы, писал вскоре после выхода «Учебника русской палеографии» В. Н. Щепкина: «Не смотря на то, что В. Н. Щепкин имел в сфере руководства на данную тему таких предшественников, как П. А. Лавров и особенно А. И. Соболевский, ему удалось создать палеографическое руководство совершенно самостоятельное и оригинальное. Здесь он выявил себя во всей сложности своих научных интересов и как разносторонний славист, и как историк средневекового искусства и литературы. Основанное, по словам автора, на университетских лекциях, руководство В. Н. по палеографии является учебником не только для учащихся, но и для учащихся, так как прежде всего здесь в область палеографии вошли впервые новые мотивы, а затем и новая формулировка, вплоть до терминологии, в общем чрезвычайно удачная»⁶.

В высшей степени меткую характеристику В. Н. Щепкину как ученому дал проф. П. С. Кузнецов: «Лингвист и палеограф, филолог, литературовед и историк искусства, он не замыкался в какой-то одной области человеческого знания, но плодотворно работал в различных смежных областях. При этом он умел связывать эти области в единую стройную систему, умел исполь-

⁵ Архив МГУ им. М. В. Ломоносова. Личное дело В. Н. Щепкина.

⁶ А. Орлов. Проф. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920. — «Задруга», декабрь, 1921, № 1, стр. 15. О В. Н. Щепкине как палеографе см. Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 85—89.

зовать достижения, полученные в одной области, для плодотворной разработки основных проблем другой»⁷.

«Учебник русской палеографии» В. Н. Щепкина, вышедший в 1918—1920 гг. и сразу же ставший библиографической редкостью, в полной мере сохраняет свою научную ценность и для нашего времени, так как опубликованные после него руководства и пособия, если они не носили характера компилятивных работ, представляли собой очень почтенные и нужные, насыщенные большим материалом пособия чисто справочного характера. «Учебник» же В. Н. Щепкина — оригинальное и цельное построение, заключающее в себе широкие обобщения, основанные на изучении огромного фактического материала, одинаково нужные как для студента при первоначальном ознакомлении с предметом, так и для научного работника, исследующего древнерусскую рукопись.

«Учебник русской палеографии» будет служить превосходным пособием для студентов и аспирантов исторических и филологических факультетов университетов, историко-филологических факультетов педагогических институтов. Он будет нужен и для музейных работников, для всех тех, кто изучает древнерусские рукописи. Вне всякого сомнения, он окажется желанным пособием в славянских странах, в особенности в южнославянских, где было развито кирилловское письмо, а также во всех зарубежных университетах, имеющих кафедры славяноведения.

Переиздание «Учебника русской палеографии» В. Н. Щепкина вне сомнения будет хорошим подарком для славистов всех специальностей — лингвистов, литературоведов, искусствоведов, историков.

Член-корреспондент АН СССР *Р. И. Аванесов*

⁷ П. С. Кузнецов. В. Н. Щепкин как исследователь старославянского и русского языков. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 2, 1947, стр. 81—82.

Проф. В. Н. Щепкинъ.

УЧЕБНИКЪ
РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ.

ИЗДАНИЕ

Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ
Университетѣ.

МОСКВА.

1918.

Рис. 1. Титульный листъ перваго изданія книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга основана на лекциях по русской палеографии, читанных в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве. Весь материал этих лекций автор старался переработать в учебник, отвечающий практическим требованиям и наглядности. Автор должен напомнить, что преподавание палеографии в нашей высшей школе было поставлено на научную почву трудами И. И. Срезневского, акад. Соболевского, проф. Лихачева, Лаврова, Карского и других русских палеографов. Но в этих первых строках автор считает своей прямою обязанностью высказать искреннюю признательность также своим ученикам и ученицам, работавшим над сырым материалом палеографии под руководством пишущего эти строки. В этой книге автор не дает общего списка источников и не ссылается на свои специальные работы. То и другое читатели найдут в книге акад. Соболевского «Славяно-русская палеография» (СПб., 1908, изд. 2). Одно из приложений учебника (Образцы изводов и их анализ) автор был вынужден отложить до иного времени.

Москва, 15(2) июня 1918 года. Вячеслав Щенкин

І. ЦЕЛИ И МЕТОД ПАЛЕОГРАФИИ

§ 1. Палеография¹ есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения. Славяно-русская палеография рассматривает письменность трех православных славянских народов: сербов, болгар и русских. Если разуметь под письменным памятником всякое зрительное выражение человеческой мысли на поверхностях, то в область палеографии войдут, кроме памятников литературы, также дипломатические памятники, монеты, печати, а равно надписи, резаные на камне и ином твердом материале. Кроме того, при таком определении в сферу палеографии вошли бы и все памятники живописи, а из памятников ваяния — все барельефы. Все перечисленные разряды памятников содержат человеческую мысль, выраженную зрительными знаками на поверхностях. Действительно, можно говорить о палеографии искусства, имея в виду, что стиль и содержание художественных форм меняются по эпохам и странам и таким образом отвечают на вопросы когда? и где? Но обыкновенно палеографию ограничивают исследованием знаков человеческого языка, наносимых на поверхность каким-нибудь красящим веществом. Такое ограничение чисто искусственное, но влечет за собою очень практическую классификацию материала: письменные памятники нарезные или чеканные, находящиеся на разных бытовых предметах, отходят в область эпиграфики; палеография ведает только рукописи и книги. Материал обеих дисциплин из практических соображений подвергается еще дальнейшему ограничению: монеты и печати (в которых в сущности изучаются не выпуклые знаки оттисков, а нарезные знаки их штампов) выделяются в особые дисциплины — нумизматику и сфрагистику, а писанные дипломатические и юри-

¹ Термин «палеография» составлен из греческих слов *palaiós* «древний» и *grápho* «пишу». Его создал основатель научной палеографии Монфокоп (1655—1741).

дические памятники (грамоты) исследуются дипломатикой; все это памятники, служащие не высшим духовным целям, а различным целям практическим. Нумизматика, сфрагистика и дипломатика выделены в особые дисциплины в качестве вспомогательных отделов истории, они служат к установлению лиц, событий, учреждений и отношений прошлого и, таким образом, исследуют свои памятники не только с внешней стороны. С внешней стороны те же памятники не перестают быть объектом эпиграфики и палеографии, которые служат вспомогательными дисциплинами для всех наук историко-филологического разряда. В широком смысле слова объем палеографии определяется главным образом ее основной целью: выяснением времени и места возникновения письменных памятников человеческой речи. Практическая потребность выделить эпиграфику в особую дисциплину сказалась главным образом в классической филологии вследствие обилия дошедших до нас античных надписей и ограниченного количества дошедших античных рукописей. В славянской филологии наблюдается как раз обратное.

Мы называем палеографию дисциплиной, а не наукой историко-филологического цикла. Мы исходим при этом из старого определения «наука есть система знания, дающая нам возможность предсказывать будущее». Палеография есть система знания, но она обращена к прошлому и имеет своей исключительной целью ответить на вопросы, где и когда возник письменный памятник. Рядом с палеографией и на том же материале стоит наука истории письмен, наука, отвлекающая общие законы, по которым развивается зрительное обозначение человеческой мысли. История письмен предсказывает последовательные звенья этого развития и делает указания о том, в каком направлении должны развиваться существующие алфавиты и орфографии. Если наряду с обобщающими науками различать также науки регистрирующие, то наряду с историей письмен должна быть поставлена внешняя история письменности, содержащая историю рукописи и книги.

§ 2. Собственный метод палеографии состоит из индуктивных, обобщающих наблюдений над письменными знаками рукописей датированных и из дедуктивных применений наблюденного к рукописям недатированным: рукописи определенного времени (датированные) приводятся в хронологический порядок, и знаки их изучаются в своем появлении, изменении, исчезновении и замене другими знаками; при этом обнаруживается, что известные типы отдельных букв и других знаков, известные сокращения, известные общие особенности почерка, известные украшения свойственны исключительно той или другой эпохе и таким образом позволяют отличить эту эпоху от ближайшей предшествующей и ближайшей последующей. Недатированные рукописи с известного рода приметам относятся палеографом к той эпохе, которая имеет те же приметы в рукописях датированных. Эта «эпоха»

может заключать в себе десятилетие, четверть века, век, несколько веков, может относиться ко всей территории данной письменности или только к какой-нибудь части этой территории. Таким образом, добываемые палеографом приметы бывают более широкими и более узкими. Ясно, что наиболее узкие приметы суть в то же время и наиболее ценные, ибо они содержат наиболее точную дату. Как широкие, так и узкие палеографические приметы остаются приметами общими, т. е. систематически в известную эпоху повторяющимися. Приметы частные или случайные, свойственные отдельному памятнику и вне его не встречаемые, отмечаются палеографом как факты, ожидающие объяснения, но непосредственного методологического значения они не имеют. Ясно, что под приметами мы разумеем «всякие внешние знаки, содержащие косвенное указание на время и место». В западной палеографии приметы называются датами. Но мы сохраняем слово дата в его первоначальном смысле «цифровые знаки, содержащие прямое указание на время возникновения памятника».

Палеографический метод основан на том общем наблюдении истории письмен, что общепринятые знаки письменности не остаются неизменными: эти знаки подвержены эволюции и «революции»: они или постепенно изменяются, или быстро сменяются знаками существенно иного характера, — заимствованными со стороны или из прошлого или вновь изобретенными. Славяно-русская палеография знает несколько «революционных» эпох: эпоху замены глаголицы кириллицей (X—XII вв.), эпоху югославянского влияния в России (к XIV—XV вв.), эпоху введения гражданского алфавита (нач. XVIII в.). Не все знаки письменности одинаково способны к эволюции; так, например, к и л мало менялись в течение славяно-русской письменности, а ч менялось безостановочно по эпохам и по территориям. Наиболее изменчивые знаки дают палеографу и наиболее ценные приметы хронологические и территориальные.

§ 3. Всего полнее палеографическим методом определяется время возникновения письменных памятников, гораздо менее полно и гораздо менее точно определяется им место возникновения памятников. Конечно, распределяя точно датированные рукописи одной и той же письменности по территориям их возникновения, мы делаем общие выводы также и относительно местных, территориальных особенностей графики. Но территориальные приметы далеко не так многочисленны и безошибочны, как приметы хронологические, ибо в одной и той же письменности происходит взаимодействие местных особенностей, причем одни местные особенности исчезают, другие ограничивают свою территорию или распространяются за ее пределы. В последнем случае одна и та же графическая особенность несколько ранее характеризует одну территорию, несколько позднее — иную. Так, например, в Рос-

сии зеленый колорит орнамента в XIII в. распространен по всей территории, в XIV — только вне Новгородского государства. То же имеет место, когда письменность одного народа влияет на письменность другого: графические явления, с известным опозданием, переходят из одной письменности в другую. В славяно-русской палеографии последний случай очень распространен, так как до турецкого ига и падения югославянских государств русская графика не переставала испытывать влияния графики югославянской, и по временам эти влияния становились очень сильны (X—XI и XIV—XV вв.). Установлено, что такие заимствованные особенности графики в русской письменности сказываются средним числом на 100 лет позднее, чем они возникали у южных славян. Этот средний срок установлен эмпирически на основании дошедших до нас рукописей, и он вовсе не означает, что русско-балканские сношения были редки или медленны. Дело объясняется тем, что первые поколения рукописей, заключающие новую примету, были немногочисленны и потому не дошли до нас, а дошедшие многочисленные рукописи с тою же приметой относятся, очевидно, к такой эпохе, когда данная примета успела распространиться по русской территории. Таким образом, время уходило не столько на перенос, сколько на распространение новых примет по обширной русской территории с разбросанными по ней культурными очагами.

Как бы то ни было, в русской палеографии много таких графических примет, которые веком ранее уже известны у южных славян; так, например, односторонний несимметричный начерк ч указывает на Болгарию и Сербию XIV в. и на Россию XV в. При таких условиях методологически необходимо: сначала установить место написания рукописи, потом — время ее написания. Место написания югославянской или русской рукописи устанавливается на основании ее языка, и только после этого мы получаем возможность судить, на какую эпоху указывает в ней, например, начертание ч. Таким образом, на один из двух основных своих вопросов славяно-русская палеография отвечает не собственным методом, а с помощью лингвистики, о чем подробнее говорится несколько ниже, в главе об изводах, или редакциях. Заметим здесь, что в такой письменности, как церковнославянская, где каждый писец вносил в текст особенности своего говора, лингвистика обыкновенно весьма точно определяет родной язык писца и этим способом в громадном большинстве случаев указывает и место написания рукописи, т. е. на основании вероятности мы принимаем как правило, что рукопись, содержащая сербизмы, писана на сербской территории, содержащая русизмы — на русской и т. д. На практике исключения из этого правила действительно очень редки, и главное исключение состоит в том, что серб, болгарин и русский писец могли писать не на своей родине, а в одном из Афонских монастырей, или русский писец —

в Константинополе, где до падения города существовала деятельная русская колония. Лингвистика нередко бросает свет и на время возникновения памятника, но эти ее указания не имеют большой точности вследствие наличности многочисленных переживаний как в письменности, так отчасти и в самом языке, на пример в словаре.

§ 4. Так как собственный метод палеографии сравнительно узок, эта дисциплина для проверки своих выводов широко пользуется помощью остальных отраслей историко-филологических знаний. Как мы видели, особенно важна для палеографа помощь лингвистики. Помощью истории искусств палеограф пользуется при исследовании орнаментов и миниатюр, находимых в письменных памятниках, а по тесной связи между славяно-русской миниатюрой и иконописью он прибегает и к указаниям этой последней. Помощью истории палеограф пользуется, исследуя летопись (т. е. запись о времени написания рукописи) и различные другие записи ее (владельческие, вкладные, купчие, продажные, памятные), а равно упоминаемые в записях или в самом тексте памятника исторические имена, и извлекая из них даты. Методом дипломатики палеограф пользуется, поверяя формулы записей, методом истории литературы — определяя состав письменного памятника и время возникновения входящих в него литературных произведений. Во всех этих случаях палеограф, очевидно, не ограничивается изучением одной только внешней стороны письменных памятников, т. е. выходит из пределов собственного метода своей науки. Но чьею бы помощью ни пользовался палеограф, он всюду вносит и свой собственный метод, он старается факты истории, литературы, искусства привести в самую строгую хронологическую или территориальную классификацию, чтобы получить ответ на основные вопросы палеографии: где? и когда?

При этом палеограф постоянно имеет в виду, что материал, который исследуют науки историко-филологического цикла, заключает в себе многочисленные переживания: орнамент русской рукописи может заключать в себе мотивы XIV и XV в., ее текст — статьи XI, XII и XIII вв.; или орнамент может иметь отчасти более старый югославянский, отчасти более поздний русский колорит, а текст — содержать статьи сербские, болгарские и русские, возникшие неодновременно. Для определения места и времени написания палеограф вследствие этого должен взвесить все приметы и руководиться самой последней датой: датой самого позднего из начерков (т. е. буквенных начертаний), а равно самого позднего из художественных мотивов или литературных произведений, представленных в рукописи, если дело идет о времени; самой последней лингвистической датой (т. е. говором последнего переписчика), если дело идет о месте написания. Определение подделки производится тем же способом и есть лишь частный случай ответа на вопросы где? и когда? Так, например,

надпись (конца XVI в.), содержащая три начерка е: **Е** (древний), (средний), **Е** (поздний), или принадлежит литовско-русскому государству, где начерк **Е** действительно появляется в конце XVI в., или же эта надпись (в том случае, если сама она утверждает, что возникла в Московском государстве) есть подделка, ибо в Московском государстве **Е** появляется только в петровскую эпоху. Возможен, конечно, и третий случай: надпись могла быть сделана в Москве западнорусским или южнорусским выходцем; но вне эпохи усиленного юго-западного влияния в Москве (к XVII в.) третий случай явился бы очень редкою возможностью, которую палеограф обязан подтвердить приметам языка, или извода самой надписи.

§ 5. Различные науки историко-филологического азряда, особенно история и история литературы, иногда датируют рукопись с такою точностью, которая недоступна для метода палеографии. Так, например, Синодик (книга поминаний), заключающая в царских поминаниях писанное первым, древнейшим почерком имя Петра Великого, а вторым, позднейшим почерком — имя Екатерины I, возник, очевидно, между 1725 и 1727 гг. Месяцеслов, пасхальный указатель которого начинается с 1672 г., писан, вероятно, в этом году или предыдущем. Иногда время точно определяется летописью памятника (т. е. записью самого писца о времени написания памятника), которая не содержит года, но упоминает два исторических лица, сосуществование или совместная деятельность которых продолжалась немногие годы; такой случай представляли бы документ или надпись, содержащая рядом имена короля польского Владислава (вступил на престол в 1632 г.) и патриарха Филарета Никитича (ум. 1633). Сборник, содержащий статьи известного писателя, очевидно, писан не ранее известного года; экземпляр жития, содержащий сведение о чуде 1690 г., очевидно, писан не ранее этого года и т. д. Таким образом, датированные рукописи с помощью вспомогательных наук могут получить точную дату и увеличить число рукописей определенных лет.

§ 6. Взвешивая приметы памятника — палеографические, художественные, исторические и другие, палеограф сравнивает их и находит, что эти приметы либо просто подтверждают друг друга, либо ограничивают друг друга, либо друг другу противоречат. Так, например, пергамент и особый почерк, называемый уставом, подтверждают друг друга, одинаково указывая на первые четыре века русской письменности (XI—XIV вв.); пергамент и почерк, называемый полууставом, взаимно ограничивают друг друга: пергамент указывает на XI—XIV вв. и максимум на начало XV, а полуустав — на эпоху с конца XIV по начало XVIII в.; таким образом, вместе эти приметы указывают на конец XIV и начало XV в. Взаимоограничение примет есть наиболее выгодный случай для палеографа, так как при этом условии дата рукописи опре-

деляется всего точнее. Противоречия должны быть примирены каким-нибудь вероятным предположением. Так, например, пергамент и поздняя скоропись противоречат друг другу, так как первый указывает на XI—XIV вв., последняя — на XVI—XVIII вв.; это противоречие примиряется употреблением пергамента для грамот и в позднее время, или же предположением, что пред нами запись, сделанная в позднее время на свободной странице старой пергаменной рукописи. Иногда дата оказывается старше, чем можно бы ожидать, судя по почерку: это может значить, что перед нами список, воспроизводящий летопись своего оригинала. Иногда почерк кажется старше даты, которая читается в рукописи: это может значить, что пред нами почерк исчезающего поколения, что рукопись писана стариком; найдя в летописи, что писцом был игумен или епископ, мы находим подтверждение нашей догадки. Иногда писец нарочно архаизирует свой почерк, — если он дополняет более древнюю рукопись, утратившую несколько листов, или если он копирует очень древний оригинал. Если противоречия неустранимы, можно думать о какой-нибудь нам неясной случайности или же о подделке. В последнем случае должны быть найдены доказательства подделки, т. е. приметы заведомо подражательные, симулирующие древность и в то же время точно выдающие другое (обыкновенно — наше) время. Так, например, в рукописи, желающей казаться древнею, употребление берлинской лазури в инициалах обличает поддельность этих последних, ибо названная краска найдена лишь в начале XVIII в. Или в рукописи, которая всеми признаками указывает на вторую половину XVII в., летопись начала XVII должна быть признана подделанною, если окажется, что в ее дате цифра десятков писана по подскобленному и на свет имеет другой цвет, нежели остальные цифры. Палеограф старается также определить цель подделки, которая может быть юридической, коммерческой, любительской. В России подделки и подчистки дат XVII в. имеют в виду покупателей-старообрядцев: изменив П=80 в П=50, или реже — в К=20, фальсификаторы превращают рукопись из «Никоновской» в «дониконовскую». Если подложной кажется не отдельная цифра, а целая летопись, необходима проверка ее формулы и содержания. К формуле относится очередь упоминаемых фактов (например, в летописи — год, имя государя, имя иерарха. .) и неизменные термины, в которых обозначаются некоторые факты (имя государево или боярское — с *вичем*, имена черного духовенства — совсем без отчества, имя женское — с отчеством на *-вна*, но даже боярское женское имя с названием по мужу на *-ва* и т. п.). Здесь, как и всюду, могут встретиться исключения (сложные случаи): патриарх Филарет Никитич продолжал титуловаться отчеством в качестве именитого боярина и родителя государева. Для проверки формул служат издания записей. Проверка содержания состоит в том, что дата сравнивается

с годами жизни упоминаемых лиц, их титулы также проверяются данными истории и т. п.

§ 7. Обратимся теперь к вопросу о точности палеографических выводов. Вопрос «где», как мы видели, обыкновенно разрешается в славяно-русской палеографии анализом языка, причем во многих случаях мы можем различать не только страну, но и ее главные диалектические территории. Почерки, орнаменты, миниатюра, как мы видели, не решают этого вопроса, а ввиду различных переживаний и переходов из территории в территорию часто даже не наводят на правильное решение его. Что касается вопроса когда, то лучшие наши палеографы на основании опыта полагают, что ошибка при определении времени югославянских и русских рукописей может доходить до полувека. Это, конечно, только крайний предел, и во многих случаях мы можем достигнуть значительно большей точности. Возможность таких ошибок объясняется, во-первых, плохую сохранностью славянской и русской письменности: греческое духовенство еще в XIX в. сжигало целые библиотеки болгарских рукописей; в Москве в 1382 г. при внезапном набеге татар кремлевские храмы до стропа, т. е. до свода, были наполнены рукописями, навезенными бегущим населением Московской области — и все это сгорело; московские рукописи XIV в. представляют вследствие этого чрезвычайную редкость. От начала русской письменности дошли лишь датированные рукописи второй половины XI в.; по ним главным образом принуждены мы судить о недатированных рукописях XI в., — очевидно, ошибка на полвека вполне возможна в этом случае. Во-вторых, палеография извлекает свои приметы прежде всего из датированных рукописей, а таковые составляют лишь незначительный процент всей массы рукописей каждого века. Наконец, мы уже видели, как медленно обобщаются на огромной русской территории новые графические факты (под которыми следует разуметь не только появление отдельных новых знаков, новых манер почерка, новых стилей орнамента, но также появление самой русской письменности, ее распространение на новые центры и т. п. общие явления). Ясно, что все графические факты размножаются путем списывания одной или нескольких начальных рукописей (протографов), содержащих такой факт. Непосредственные списки с протографа, относящиеся к первым десятилетиям после его появления, очевидно, составляют какой-нибудь десяток рукописей; списки со списков, возникающие в дальнейшие десятилетия, насчитываются десятками; быть может, только в течение полувека протограф производит в стране 100 списков, да и эта цифра не преувеличена лишь по отношению к памятникам особенно распространенным. Сам протограф доходит только в виде редчайшей случайности, ближайшие к нему списки, исчисляемые единицами или десятками, также по большей части погибают для нас. Только тогда, когда какой-нибудь протограф представлен

в стране сотней списков, несколько из них могут дойти до нас, и среди них может оказаться один датированный. Очевидно, начальные стадии (или, что то же, первые десятилетия) всякого графического факта не доходят до славяно-русского палеографа. Даже такое обширное явление, как югославянское влияние XIV—XV вв., с самого начала представленное многими югославянскими выходцами и многими рукописями, и то может быть установлено методом палеографии, как общий факт, для Московского государства только со второй четверти XV столетия, между тем, как история учит нас, что усиленное югославянское влияние началось с 90-х годов XIV в., после падения югославянских государств. Кроме того, очевидно, что до сознания палеографа доходят только крупные, или общие графические явления, получившие распространение в стране. Графические факты, распространявшиеся медленно или совершенно не распространявшиеся на весь общественный союз, не доходят до нас по той же причине, по которой не доходят и начальные стадии более общих явлений: по ограниченному числу своих представителей. Для каждой эпохи, достаточно представленной датированными памятниками, мы узнаем только главное русло графики. Специальные графические школы, как-то графика какой-нибудь замкнутой секты, какого-нибудь центра отдаленной окраины, какого-нибудь резко обособившегося говора со своей особой орфографией остаются совсем не представленными, или представлены так отрывочно, что не доходят до нашего сознания. К тому же и то, что сохранилось в России и у южных славян, и сейчас еще не приведено в общую известность, не издано, отчасти остается рассеянным на огромной территории или замкнуто в малодоступных местах. Для начальных и вообще недостаточно представленных эпох палеографу принципиально необходимо тщательнее считаться со случайностью; это можно уяснить себе, взяв крайний случай; если от какой-нибудь эпохи дошел всего один памятник, мы все еще считаем вероятным, что он представляет большинство, а не меньшинство памятников своего времени; но эта вероятность слаба; если эпоха представлена двумя, тремя, десятью однородными памятниками, вероятность быстро возрастает и наконец приближается к достоверности.

§ 8. Главные методологические ошибки, которых должен остерегаться палеограф, стоят в теснейшей связи с недостаточностью дошедшего до него палеографического материала, который притом весь относится к прошедшему. Эти ошибки представляют, разумеется, частные случаи наиболее общих логических ошибок. Это, во-первых суждение о недошедшем до нас (*argumentum a silentio*), во-вторых, частные выводы из таких общих тезисов, которые не извлечены из материала самой палеографии (*petitio principii*). Возьмем опять крайние примеры: если какая-нибудь эпоха представлена всего одной и притом пергаменной рукописью, мы не имеем права утверждать, что в эту эпоху столь же часто не упо-

треблялась и бумага. Но даже если пред нами факт, что с XI и до конца XIV в. среди сотен русских рукописных книг мы не имеем ни одной датированной рукописи, писанной на бумаге, можем ли мы утверждать, что в эту эпоху в России писали только на пергаменте? ² Также нет, хотя благодаря большому количеству дошедшего материала значительно уменьшилась возможность ошибки, а также ее возможные размеры: бумажные рукописи в указанной эпохе, очевидно, или не существовали действительно, или не дошли потому, что составляли ничтожный процент ³. Но палеограф и в этом случае отвергает вывод от молчания и формулирует только то, что знает: «из эпохи с XI по конец XIV в. дошли только пергаменные русские рукописи» или: «с начала русской письменности и до конца XIV в. пергамент был обычным материалом рукописей». Такой общий вывод, отвлеченный от материала самой палеографии, может быть употребляем для частных применений. Но, пользуясь помощью историко-филологических наук, лишенных точного метода вследствие сложности своего материала, палеография должна исходить либо от отдельных удостоверенных фактов, либо от выводов специального характера, опирающихся на очень определенный материал. Мы без колебания отнесем к XI в. русскую рукопись, имеющую букву ѿ известного рисунка, или носящую имя русского князя XI в., но как шатки будут такие общие соображения, как ссылка на каллиграфический вкус эпохи, обусловленный набожной целью письма, или на недостаток грамотных людей в XI в. Распространение пергамента по векам, изменение типов знака ѿ установлены статистически; но что мы знаем о статистике грамотных людей в XI веке? И разве для палеографов не было неожиданностью узнать, что грамотна́ была дочь Ярослава Мудрого ⁴ Анна?

✠ Как общее правило следует принять: 1. Отсутствие приметы не доказывает, что памятник создан ранее возникновения этой приметы. 2. Общие тезисы истории, истории литературы, истории искусств не могут быть положены в основу частных палеографических выводов.

§ 9. Славяно-русская палеография делится на два главных отдела — основной и вспомогательный. Основной рассматривает:

² Береста не дошла, но сохранилась под землей и найдена в 1951 г. — *Прим. ред.*

³ На самом деле, под конец эпохи, т. е., например, с XIV в. могли быть отдельные русские рукописные книги на бумаге или на пергаменте попеременно с бумагой (каковые и указываются специалистами среди рукописей недатированных), а русские грамоты на бумаге сохранились с 40-х годов XIV в. Древнейшая датированная русская книга, писанная на бумаге, есть Исаак Сирия 1381 г. (ГБЛ Троицко-Сергиевой лавры, № 172).

⁴ Анна Ярославна была замужем за французским королем Генрихом I; оставшись вдовой, в малолетство своего сына короля Филиппа I, она исполняла обязанности регента и подписывала акты по-латыни, кирилловского подписью *ана р'анна*, т. е. «Анна-королева».

1) материалы и орудия письма; 2) историю почерков и отдельных буквенных знаков, или начерков. Вспомогательный отдел заключает главным образом следующие главы, заимствованные у различных наук историко-филологического цикла: 1) славянские азбуки; 2) изводы славяно-русской письменности; 3) вязь; 4) орнамент; 5) миниатюра и иконопись; 6) летосчисление; 7) описание рукописей. В главу о материалах и орудиях письма входят также вопросы о разлиновке, переплете и водяных знаках; в главу об истории почерков — также вопрос о тайнописи. Из практических соображений в настоящем курсе большинство глав вспомогательного отдела предшествует главному отделу в качестве введения.

II. СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ

§ 10. Старославянским называется тот древний славянский язык, на который в IX в. было переведено Священное писание первоучителями славян Кириллом и Мефодием. В настоящее время преобладает взгляд, что язык первоучителей был одним из наречий древнеболгарского языка, именно — древним солунским наречием. Старославянский язык давно является мертвым языком, и вопрос о его родине долго занимал славянскую науку. Еще в начале XIX в. Востоков указывал на ближайшее родство старославянского языка с болгарским по фонетической примете: праславянское *tj* = старославянскому и болгарскому *шт*, а Шафарик указывал, что, по свидетельству главного исторического источника, так называемых «Паннонских» житий первоучителей, славянская азбука была изобретена и перевод евангелия начат Кириллом еще в Константинополе и что, следовательно, в основу славянской письменности положен язык, который ранее был известен Кириллу, т. е. всего вероятнее — солунское наречие. Весьма важно также свидетельство Паннонских житий, что в Константинополе на придворном соборе Кириллу было сказано: «вы родом из Солуны, а солуняне чисто говорят по-словенски». Эта фраза свидетельствует об известной византийскому правительству двуязычности солунских греков. Иные взгляды на родину старославянского языка могли держаться, пока оставались недостаточными наши сведения о наречиях болгарского языка. Именно тогда должно было удивлять, что указанной фонетической чертой *tj* = *шт* язык первоучителей гораздо ближе к восточноболгарскому наречию, чем к македонскому, между тем как Солунь относится к последнему. С тех пор, однако, на востоке от Солуны, в недалеком от него расстоянии, открыто македонское поднаречие, по происхождению принадлежащее к наречию восточноболгарскому, и в современных солунских говорах найдены черты перехода от македонского

наречия к восточному. Этими наблюдениями устранено кажущееся разногласие между фактами языка и фактами истории. Очевидно, что Кирилл в IX в. мог получить свой словенский язык в Солуне или его окрестностях.

Литературный язык первоучителей дошел до нас в двух азбуках — в «глаголице» и «кириллице». Слово «глаголица», подобно слову «буквица», обозначает азбуку вообще. Термин «глаголица» сохранился у хорватов, еще имеющих славянскую глаголическую литургию⁵. Термин «буквица» в западносербских областях (Босния) обозначает особую азбуку, заимствующую свои знаки из кириллицы и из глаголицы. Термин «кириллица», очевидно, обозначает «азбуку, изобретенную Кириллом». Однако древность этого термина, в этом смысле, не доказана; до сих пор он мог быть прослежен в таком значении только до Киевской духовной школы XVI в. Рукописи эпохи первоучителей не дошли до нас, а с XI в. мы уже знаем обе азбуки и даже для X в. они удостоверены: глаголица — Киевскими отрывками, кириллица — надписью западноболгарского царя Самуила (993 г.).

Ни одно историческое свидетельство не говорит о двух славянских азбуках: житие Кирилла первоучителя сообщает только, что им были изобретены славянские письма. Черноризец Храбр, писатель так называемого Золотого века болгарской письменности (школа царя Симеона, X в.), в своем сказании о письменах словенских указывает время изобретения их — 863 г. (6363), защищает эти письма и говорит, между прочим, что они подвергались и подвергаются исправлениям, но ни слова не говорит о существовании двух различных азбук. Некоторые фактические сведения, Храбром приводимые, например о количестве знаков (38) славянской азбуки, по-видимому, более применимы к глаголице, чем к кириллице. Мнение, что в эпоху Храбра существовала только одна азбука, должно быть отвергнуто, ибо, с одной стороны, известно, что школа Симеона пользовалась кириллицей, с другой — глаголические Киевские отрывки могут быть современны Храбру.

§ 11. До открытия ряда древних глаголических памятников можно было говорить о первенстве, или большей древности кириллицы; теперь эта возможность исключена. Правда, весь наличный материал до того отрывочен, что допускает только гипотетическое решение вопроса. Однако еще в середине XIX в. постепенное накопление материала позволило славному чешскому слависту Шафарику выступить с научно обоснованной гипотезой, которая с тех пор признана большинством славистов. Шафарик пришел к выводу, что Кириллом изобретена глаголица, а наша кириллица возникла полувеком позднее, в школе царя Симеона. Оди из до-

⁵ У хорватов слово *glagolica* удостоверено с XVI в., но в латинских документах термины *glagola*, *glagolita* «служащий по глаголическим церковным книгам» удостоверены с XIV в.

водов Шафарика должен быть устранен в настоящее время: Шафарик ссылался на то, что в кратком (греческом) житии Климента (ученика первоучителей, умершего при Симеоне епископом в Македонии) прямо говорится: «он изобрел также, для большей ясности, новые буквы». Но краткое житие Климента оказалось недостоверным, полным ошибок и вымыслов, сокращением пространного (также греческого) жития Климента; в полном житии приведенная фраза отсутствует. Но вполне вероятным остается предположение, что кириллица возникла при византизирующем дворе Симеона в качестве прямого подражания греческому уставу. Обратимся к тем соображениям Шафарика, которые сохраняют свою доказательную силу.

I. В областях, где началась или куда рано проникла проповедь первоучителей, мы не находим кириллицы, а находим глаголицу⁶.

1. Киевские глаголические отрывки — единственная старославянская рукопись, которая по палеографическим признакам древнее XI в., — указывают на западнославянские области: это богослужебная книга католического состава. (Миссал), переведенная с латинского, заключающая такие латинизмы, как *мыша* (латинск. *missa* «обедня»), *прѣфациа* (латинское *praefatio* «предисловие»), зват. *Богъ* вм. *Боже* (ср. лат. зват. *Deus*). Старославянский язык этой рукописи содержит совершенно особые западнославянские черты, коих происхождение одни исследователи объясняют тем, что писец рукописи был моравянином; другие исследователи, и с большим основанием, видят в языке Киевских отрывков особый диалект старославянского, точнее словенского⁷ языка, именно диалект переходный, который граничил в современной Венгрии с чехо-моравскою территорией и имел в своей фонетике черты, роднившие его с западнославянскими языками. Иначе — одни видят в Киевских отрывках моравский извод старославянского языка, другие — живой переходный говор, каких немало знает славянская филология. По первому мнению, рукопись возникла там, где проповедовали первоучители, по второму — вблизи этой территории, притом в ближайшее столетие после смерти Мефодия (ум. 885 г.), т. е. в эпоху латинизации славянской литургии Моравии и Паннонии.

⁶ Кирилл и Мефодий проповедовали в Великоморавском государстве (теперь — северо-западный угол Венгрии) и в Паннонии, именно — в Блатенском княжестве (теперь — крайняя западная часть Венгрии с озером Блатно — ныне оз. Балатон. — *Прим. ред.*) На юг от этой последней территории, за рекою Дравой, начинается территория хорватов (теперь — Кроация и Славония, или юго-западный угол Венгрии).

⁷ Словенцами называл себя славянский народ, живший к югу и к северу от нижнего Дуная; только к югу от Дуная этот народ получил впоследствии имя болгар; к северу от Дуная словене были ассимилированы румынами и венграми. Термин «старославянский» применяется к солунскому говору первоучителей, а равно к другим древнеболгарским, т. е. южнословенским говорам.

2. Пражские глаголические отрывки представляют чешский извод старославянского текста, чем ясно указывают национальность своего писца. Шафарик относил эти отрывки к IX—X вв. и связывал их со свидетельством Паннонских житий о крещении князя Боривоя чешского Мефодием и с показаниями легенды о святом Вячеславе чешском. Новейшие палеографы относят Пражские отрывки к XII—XIII вв. и, таким образом, возникает вопрос, следует ли видеть в них отголоски литургии первоучителей в Чехии, или — вторичное заимствование глаголицы от хорватов. Заметим, что теперь слависты высказываются за то, что литургия первоучителей действительно проникла в Чехию при Мефодии, так как древнейшие дошедшие до нас отрывки святого писания в чешском переводе содержат заимствования из старославянского перевода.

3. У далматинских хорватов с XII—XIII вв. и до наших дней удостоверена только глаголица. Древнейший памятник этой глаголицы — Венские отрывки XII в. — представляют хорватский извод старославянского языка; они открыты после Шафарика, но последний уже мог основательно сослаться на широкое, исконное распространение глаголической письменности у хорватов и говорит о непрерывной глаголической традиции, идущей в глубь веков. А между тем еще в начале X в., на поместном соборе в Сплато, славянская литургия осуждалась как зло, уже укоренившаяся в хорватских областях. В эту эпоху она могла проникнуть только из Паннонии.

4. Дошедшие памятники старославянского (древнеболгарского) извода по языку своему делятся на два класса: глаголические своей фонетикой указывают на Македонию, где проповедовал ученик первоучителей Климент, кирилловские — на восточную Болгарию, где основал свою литературную школу царь Симеон. В литературных памятниках, восходящих к Симеоновской школе, до сих пор не найдено никаких следов глаголицы. Таковы, например, роскошные русские списки XI в. с восточноболгарских рукописей X в.: Остромирово евангелие, Чудовская псалтырь, Изборник Святослава (собственно — Симеона) 1073 г.

II. В 1047 г. поп Уширь Лихой в Новгороде написал рукопись Пророков с толкованиями. Эта рукопись не дошла до нас, но сделанные с нее списки сохранили летопись, или послесловие Уширя Лихого; оно начинается словами: «слава тебѣ господи царю великому, ако сподоби ма написати книги сия ис кириллицѣ». Два древнейших дошедших списка относятся к XV в., и в обоих содержатся буквы и целые слова, писанные глаголицей. Отсюда очевидный вывод, что в Новгороде XI в. кириллицей называлось глаголическое письмо. Последнее было известно в Новгороде в XI—XII вв., как доказывают две глаголические надписи этой эпохи, найденные на стенах новгородского Софийского собора. Глаголические буквы и слова встречаются и в древнейших ру-

кописях русских (XI — XII вв.), отчасти в тексте, отчасти в приписках⁸.

Гипотеза Шафарика оказалась одной из тех живучих гипотез, которые способны бесконечно совершенствоваться и черпать от времени новые силы. Очищенная от ошибок усилиями славистов второй половины XIX в. гипотеза Шафарика до сих пор удовлетворительно истолковывает все вновь открываемые факты и вновь возникающие вопросы; все попытки поколебать выводы Шафарика иным толкованием или иной комбинацией фактов до сих пор остаются несостоятельными. Однако следует помнить, что по ограниченному и отрывочному характеру материала, на котором покоятся выводы Шафарика, они принципиально могут быть названы только гипотезой. Мы уверены только в том, что дошедший материал не допускает иного, более вероятного вывода, но не можем утверждать, что этот материал вообще достаточен для полного обнаружения истины. Подобное ограничение сохраняет силу и по отношению к самым плодотворным научным гипотезам.

§ 12. Относительно источника обоих алфавитов мнения громадного большинства ученых согласны: кириллица — точное повторение греческого литургического устава IX—X вв., глаголица основана на греческой скорописи приблизительно того же времени. В IX в. в Византии были в употреблении оба вида письма, с X в. византийский устав (т. е. прямое, раздельное и тщательное письмо) перестал быть обычным почерком, он сохранился лишь в литургическом употреблении, т. е. для роскошных, каллиграфически исполненных церковных книг — евангелий, апостолов, псалтырей. Но неосторожно было бы извлекать из этого факта какие-нибудь даты для славянских азбук; так, например, нельзя утверждать, что славянская кириллица могла быть создана только в IX в., а не в X, ибо ничто не мешало, например, школе Симеона создать литургическое письмо в подражание греческому литургическому уставу, или воспользоваться для кириллицы тем греческим уставом, который был в употреблении в годы молодости Симеона, проведенные им в Царьграде (ранее 893 г.), или еще более древними рукописями. Наконец, надо помнить, что культурные течения, особенно на окраинах, не сменяются моментально, и исчезновение делового устава в X в. не означает его повсеместного исчезновения с первых же лет этого века.

§ 13. Глаголица. Знаки глаголицы ясно делятся на два класса: 1) знаки, свойственные греческому языку и алфавиту; 2) знаки, чуждые греческому языку и алфавиту. Знаки первого класса по большей части непосредственно заимствованы из византийской скорописи и мало похожи на соответствующие кирилловские буквы, заимствованные из византийского устава. Обилие округ-

⁸. Отголоски глаголических начертаний имеются в кирилловских надписях на монетах X в. киевского князя Владимира Святославича. — *Прим. ред.*

лостей и петель в греческой скорописи побудило изобретателя глаголицы стилизовать почти все знаки при помощи петель, но снятия которых мы узнаем греческую скорописную букву. ср. греческие и глаголические г, д, і, л, в, ю (рис. 2 на стр. 28, ряды I и II). Не все буквы объяснены таким образом; некоторые буквы объясняются различно различными исследователями, но самый принцип объяснения, найденный англичанином Исааком Тайлором («The Alphabet», London, 1883), несомненен. Даже знаки второго класса, обозначающие звуки, чуждые греческому языку и алфавиту, отчасти легко объясняются из лигатур (соединения) двух греческих знаков, так, например, глаголическое б — греческому скорописному **ΠΙ**, а все славянские аффрикаты в своих глаголических знаках содержат, по-видимому, греческое σ (сигма, звук s), ср. глаголическое ц (*ts*), з (зело-звук *dz*), ч (*tš*). Знаки, чуждые греческому языку и алфавиту, интересны в другом отношении: многие из них обнаруживают в глаголице близкое родство с соответственными кирилловскими знаками, чего совершенно не находим в знаках, свойственных греческому языку и алфавиту (г, д, л и др.). Родство обнаруживают: в, ц, з (*dz*), у, ж, ш, щ, ж, л, ъ, ѣ (рис. 2, ряды IV и V).

В некоторых случаях сходство непосредственно ясно (шипящие и свистящие), в других оно обнаруживается, если глаголический знак поставить на бок (юсы), причем кириллица кроме геометрического стиля всюду вносит также упрощение. Геометрический стиль некоторых из этих глаголических знаков можно объяснить тем, что не вся глаголица стилизована в извивы и петли, так, например, начальные знаки глаголицы а и в геометричны. Таким образом, нет необходимости принимать, что такие знаки, как ш, приняты в позднейшую глаголицу из кириллицы. Такое предположение вообще имело бы смысл только при априорном допущении, что кириллица изобретена Кириллом, и что древнейшая глаголица — докирилловское народное письмо очень несовершенного характера; да и то трудно допустить, чтобы эта предполагаемая «древнейшая» глаголица была совершенно лишена самостоятельных знаков для специально славянских звуков. Обратимся к анализу этих сходных знаков глаголицы и кириллицы. Нам важны те из них, которые решают вопрос о заимствовании из глаголицы в кириллицу или обратно.

§ 14. Знак ш выводится из очень близкого еврейского знака или из греческой лигатуры **σς**; щ обозначает группу шт и таким образом кирилловское щ лучше выражает назначение знака; однако нельзя утверждать, что глаголический знак (там же, IV, 7) заимствован из кирилловского щ, ибо остается очень вероятным предположение, что глаголическое щ содержит греческое τ, стилизованное при помощи петли, ср. другую глаголическую стилизацию т (там же, II, 7). Знаки глаголический ъ и глаголический ѣ имеют ту особенность, что древ-

нейшие их варианты объясняются из самой глаголицы, как варианты знаков *o* и *e*, а более поздние варианты (там же, IV, 12, 13), по-видимому, послужили прототипами для кирилловских *ѣ* и *ѥ*, которые сами не объяснимы ни из греческого, ни из кирилловского алфавита. Глаголические юсы ясно разлагаются на *o*, *e* + знак, подобный кирилловскому *е*, выражающий, очевидно, носовой оттенок гласной и родственный, как думают, глаголическому *Ѣ*, греческому скорописному (там же, I, 10 и II, 10). Таким образом, это носовые *o* и *e*. Кирилловские знаки *ж* и *л* (как и *ѣ*, *ѥ*) ничего не выражают своим составом, но зато походят на поставленные боком и геометрично перестилизованные глаголические юсы (там же, IV, V, 8—10). Наконец, глаголическое «ять» (там же, IV, 11) разлагается на упрощенные глаголические *i* и *a* (ср. там же, II, 1 и II, 4, второй вариант), таким образом глаголическое «ять» выражает *ia*. Кирилловское *ѣ* разлагается на *ѥ* и *ѣ*, т. е. содержит в себе крестовидный глаголический знак *a* (там же, II, 1). Наконец, глаголическое *ю* (там же, II, 11) содержит стилизацию греческого *υ* (другая стилизация того же *υ* есть глаголическое *в* — там же, II, 6), а кирилловское *ю* — лишь перестилизация глаголического *ю*. Во всех рассмотренных случаях глаголические знаки являются, вероятно, непосредственными источниками кирилловских, а кирилловское *ѣ* в своей верхней части сохраняет в качестве документа заимствования глаголическую букву.

§ 15. Из сравнения различных глаголических знаков с кирилловскими мы извлекаем интересные лингвистические выводы. Знак *ю* (= греч. *υ*), очевидно, обозначает звук *й*, а не *у* с предшествующей мягкостью. В эпоху Кирилла греческое *υ* еще не повсеместно обратилось в *i*, и как раз в Македонии есть греческие диалекты с выговором *υ* = *й*. Что же касается новоболгарского *ю*, то оно и сейчас выговаривается как известного рода *й*. Глаголическое «ять» (там же, IV, 11) обозначает не только *ѣ*, но также *ѥ*; это — или некоторая неточность в обозначении двух различных звуков, или указывает, что в говоре первоучителей оба звука совпали в дифтонге *ia* с неслоговым *i*. В кириллице *ѣ* и *ѥ* различаются, причем *ѣ* разлагается на *ѥ* + *a*, т. е. обозначает, вероятно, дифтонг *ea* с неслоговым *e*; современное восточнoболгарское наречие во многих случаях до сих пор сохраняет именно такой выговор старого *ѣ*. Кирилловское *ѡ* («юс малый иотованный») как знак более сложный, очевидно, соответствует глаголическому, более сложному знаку IV, 9, кирилловское *л* — глаголическому знаку IV, 10. Однако некоторые глаголические памятники (и среди них — древнейшие Киевские отрывки) знают только знак IV, 9, который, как мы видели, разлагается на *e* + *n* и таким образом первоначально обозначает только *e* носовое, а вовсе не *ѡ*,

α	⊕	Δ	μ	Ϸ	Б
γ	Ϸ	Γ	ϳ	ϳ	4,Ц
δ	ο	Δ	ϳ	ϳ	2,С
ι	ϳ	Δ	ϳ	ϳ	Υ
λ	ο	Λ	ϳ	ϳ	Ж
υ	ρ	Υ	Ш	Ш	
τ	σσ	Τ	ϳ	ϳ	
σ	δ	С	ϳ	ϳ, ϳ	
χ	ο	Χ	ϳ	Α, Η	
μ	ρ	Ν	ϳ	Α	
υ	ρ	Η	Δ	ϳ	
ο	ρ	Ο	ϳ	ϳ	Σ
ϳ	ρ	Ε	ϳ	ϳ	Б

Рис. 2. Византийская скоропись, лаголица и кириллица

т. е. не ѡ иотованное. С другой стороны, глаголический знак IV, 10 (как видно из сравнения с глаголическим юсом большим IV, 8 = н + о) обозначает только н и таким образом первоначально и не мог употребляться в смысле е носового. Глаголица первоначально вообще не обозначала так называемой иотации: глаголическое е (II, 13) употреблялось в значениях ѳ и к, глаголическое ѳ (IV, 11) в значениях ѳ и в значении ѡ. Очевидно, что только позднее более сложный знак (IV, 9) стал обозначать ѡ, а для ѡ из того же глаголического знака был механически отвлечен более простой знак (IV, 10). Быть может, разделение на ѡ и ѡ возникло в глаголице не самостоятельно, а под влиянием появившейся кириллицы, в коей обозначается так называемая иотация (т. е. присутствие перед гласными неслогового *i* или согласных смягченных). Глаголица и кириллица, очевидно, созданы для близких, но все же различных говоров древнеболгарского языка; один говор произносил, вероятно, ѳ как *ia*, другой как *ea* (где *i* и *e* были неслоговыми). Что то были болгарские говоры, ясно из наличности в обоих алфавитах особого знака ѱ = *št* (там же, IV, 7), что понятно лишь в азбуке языка, так часто имеющего фонетическую группу *št*. Группа *шт* чрезвычайно распространена в старославянском языке, ибо получилась из пяти различных праславянских групп: 1) из *tj* *платити* — *платѣж* «я плачу», праслав. *platjǫ*, 2) из *stj* *простѣти* — *проштѣ* «я прошу», праслав. *prostjǫ*, 3) из *skj* *искати* — *нштѣ* «я ищу», праслав. *iskjǫ*, 4) из *sk'* (т. е. из *sk* перед мягкими гласными): *дѣска* — *дѣштѣца* «дощечка», праслав. *dǫskika*, 5) из *kt'* (т. е. из *kt* перед мягкими гласными): *режѣ* — *решѣти* «сказать», *тежѣ* — *тешѣти* «течь», «направляться», праслав. *rekti*, *tekti*.

III. ИЗВОДЫ

§ 16. Изводами называются местные варианты старославянского литературного языка. Слово извод переводит греческое *αρχήτυπος* (читай *archeturon*) «главный тип». Старославянский язык Кирилла и Мефодия (правда, в значительном изменении) до сих пор сохраняется в церковном употреблении у русских, болгар, сербов и отчасти у хорватов; кроме того, у первых трех народов он много веков оставался литературным языком. Вследствие близости его к языкам русскому, болгарскому, сербскому и хорватскому местные особенности всегда проникали в памятники старославянского языка при списывании и, таким образом, возникли изводы, или редакции литературного языка — русская, болгарская и т. д. Существенно иначе обстоит дело, например, в средневековой латинской письменности, где для многих народов латинский язык был совершенно чужим, и потому особенности местного языка только

случайно отражались на латинском тексте. Наряду с указанными «главными типами» литературного старославянского (или позднее — церковнославянского) языка существуют и некоторые другие, более редкие изводы, так, например, выше мы говорили о чешском списке со старославянского оригинала (Пражские отрывки). Этот памятник представляет чешский извод. Другой случай чешского извода — глаголическая часть Реймского евангелия, писанная чехом в 1395 г.⁹ Выше упомянуто, что некоторые видят моравский извод в Киевских отрывках. Говорят также о румынском изводе церковных книг, но последний в сущности местная разновидность болгарского извода, ибо в средние века Румыния имела значительное словенское (болгарское) население и до XVII в. сохраняла в церкви среднеболгарский извод старославянского языка. Наряду с этими изводами в принципе следует различать и извод старославянский, или чистый язык первоучителей. На самом деле до нас не дошло рукописей от эпохи первоучителей (середина IX в.), древнейшие дошедшие до нас памятники славянского письма относятся к концу X и особенно — к XI в. Старославянскими в науке принято называть те из них, которые не содержат ни русских, ни сербских, ни поздних болгарских особенностей, т. е. по большей части это древние списки, сделанные в различных областях болгарского племени, или памятники древнеболгарской редакции XI в., отражающие в своем языке особенности различных древнеболгарских говоров. Ввиду древности этих списков, а главное — ввиду особой близости древнеболгарского говора первоучителей к остальным древнеболгарским говорам, эти памятники XI в. действительно дают наиболее точное понятие о старославянском языке. Востоков и его последователи, с самого начала настаивая на болгарском происхождении старославянского языка, ввели для более поздних болгарских памятников (XII—XV вв.) термин «среднеболгарская редакция», который может быть сохранен и нами. Особенности русского, сербского, болгарского языков, внесенные писцами этих национальностей в старославянский текст, принято называть русизмами, сербизмами, болгаризмами. Но в палеографии приходится говорить также об антирусизмах, антисербизмах, антиболгаризмах, понимая под этими терминами такие ошибочные написания, которые вносятся в текст русским, сербом и так далее из желания избежать русизма, сербизма, болгаризма. Так, например, болото будет русизм, а написание в злене содержит антирусизм — ошибочное злен; русскому берег соответствует старославянское врѣгъ, но русскому зелен соответствует старославянское, серб-

⁹ Кроме глаголической части 1395 г., Реймское евангелие содержит кирилловскую часть русского извода XI в. Этот памятник, занесенный случайно в гуситскую эпоху в Реймс, хранился с тех пор в Реймском соборе, где во время коронавания короли Франции приносили свою королевскую присягу над текстом Реймского евангелия.

ское и болгарское **зѣленъ**, а не **зѣлнѣ**. Написание в злене» будет заключать, кроме того, и русизм: русское **е** вм. старославянского **ѣ** в предполагаемой форме **зѣлнѣ**.

§ 17. Сербский, болгарский и русский изводы имеют каждый немало лингвистических особенностей, сказывающихся наружных старославянской орфографии, ср. подробнее ниже, в образцах изводов. Некоторые из этих особенностей встречаются недостаточно часто, другие встречаются не в одном изводе, а в двух или трех различных изводах, между тем для палеографа важно быстро и точно отличить каждый извод от всех остальных. Кроме того, палеография должна дать точное средство определения изводов и для всех незнакомых со славянскими языками — для историков, археологов, архивистов, нумизматов, антиквариев и пр. С этой точки зрения самую ценную примету составляет употребление знака **ѣ**, который в старославянском изводе обозначает **е** носовое, полученное из праславянского носового **e**. Русский язык имеет из праславянского носового **e** звук **а** с предшествующей мягкостью, которая в известных случаях исчезла или только не выражалась на письме, вследствие чего в русской письменности наблюдается смешение знаков: вместо старославянского **ѣ** употребляются также знаки **ѣ** и **а** и наоборот употребляется **ѣ** вместо старого **ѣ** (и отчасти вм. **а**), например: **рекоша**, **пѣстниша** вм. **рекоша**, **пѣстниша**; **ѣсто** вм. **ѣсто**, **ѣзыкъ** вм. **ѣзыкъ** и наоборот **ѣко**, **ѣко** вм. **ѣко**. Случаи обратного смешения основаны на том, что знаки **ѣ**, **ѣ**, с одной стороны, и **ѣ**, **а** — с другой, находясь в старославянских текстах в строго определенных случаях, для русского писца были равнозначащи и потому безразличны в таком положении; позднее эти дублиеты получили определенное орфографическое назначение, о чем далее. В сербском языке праславянский **е** носовое изменилось в **е** чистое (неносовое), вследствие чего в сербском изводе пишется **е** вм. **ѣ** и **ѣ** вм. **ѣ**, например, **нме** вм. **нѣмѣ**, **рекоше** вм. **рекошѣ**, **ѣсто** вм. **ѣсто**, **ѣзыкъ** вместо **ѣзыкъ**, обратный случай не встречается. Потому что в сербской письменности знаки **ѣ** и **ѣ** в качестве ненужных дублиетов были очень рано устранены совсем. Только в немногих древнейших сербских рукописях еще встречаются иногда юсовые знаки. В болгарском языке в настоящее время праславянский **е** носовое изменилось, за редкими диалектическими исключениями, в **е**, но эта стадия была достигнута только в конце среднеболгарского периода, а ранее звук **е** носовое не совпадал с **е** и обыкновенно не смешивался с ним на письме. Зато звук **е** носовое после шипящих **ж**, **ш**, **џ** (=шт) и **жд** (а диалектически также после **ѣ**, **ц**, **с** после **з** из **с** и после **ј**а) в среднеболгарском приблизился к звуку, полученному из праславянского **о** носового, и потому в таком положении вместо знака **ѣ** последовательно изображалось на письме **ѣ**, например,

рекошѣ в м. рекоша, диалектное ѹжсто в м. ѹжсто, жѹзыкѣ в м. ѹзыкѣ (ж в среднеболгарской письменности почти не употреблялся). С другой стороны, праславянское о носовое в среднеболгарском после согласных сильномягких (из праславянских групп *nj, lj, rj* губная + *j*) приблизилось к звуку, полученному из праславянского *e* носового, и в таком положении писалось ѡ в м. ѡж, например, хвалѡ в м. хвалиж (ѡ в среднеболгарской письменности почти не употреблялось), вин. ед. вола в м. воляж. Диалектически в среднеболгарском мягким было и ѹ, почему диалектически существовало и правописание плаѹл в м. плаѹж «я плачу». Таким образом, в точно определенных случаях в среднеболгарской письменности находим ж в м. ѡ и ѡ в м. ж — явление, которое принято называть (графической) «сменой юсов». Ясно, что все три языка расходятся в передаче праславянского звука *e* носового и все три извода расходятся в употреблении старославянского знака ѡ, почему изводы и могут быть точно различаемы по этой примете. Следует, впрочем, помнить: 1) что в конце слова праславянский звук *e* носовое известного происхождения дал в русском языке звук *ѣ*, откуда позднее *е*, например древнерусское еѣ в м. старослав. къѣ (род., ед., ж. р.), позднее — русское *ее*, теперь нефонетическое *еѣ* в значении родит. и винит., ср. малорусс. *jeji* с *i* из *ѣ*; 2) что в болгарском изводе с XV в. уже встречаются случаи написания *ѡ* в м. ѡ, а ранее того — редкие случаи написания *ѣ* в м. ѡ. С этими оговорками и при знакомстве со старославянской орфографией, от которой следует исходить, примета ѡ точно определяет извод. Случаи употребления старославянского ѡ в изводах — его замены — чрезвычайно часты и могут быть найдены на любой странице рукописи. Лица, незнакомые со славянскими языками, должны иметь в памяти некоторый запас старославянских слов, заключающих в себе знак ѡ, для чего всего удобнее слова, особенно часто встречающиеся: местоимения *мѡ, тѡ, сѡ*, 3 л. мн. ч. аориста *вѣша, рекоша* и т. п. Во всех случаях сомнения необходимы справки в словаре и грамматике старославянского языка.

§ 18. Что касается так называемого старославянского извода, т. е. тех немногих древнейших рукописей, язык которых не заключает в себе русских, сербских или среднеболгарских черт, то определение этого извода не может быть произведено быстро, на основании анализа нескольких строк рукописи: старославянский извод характеризуется отрицательными чертами, и только прочтя рукопись до конца, мы можем получить уверенность, что она действительно не заключает ни русских, ни сербских, ни среднеболгарских особенностей. С другой стороны, старославянский извод содержит некоторые положительные черты древне-

болгарских диалектов X—XI вв., главным образом в употреблении ѣ и ѣ¹⁰.

§ 19. Кроме указанных простых изводов существуют также изводы сложные, среди них самый обычный сербо-болгарский извод, который состоит из рукописей, списанных сербами с среднеболгарских оригиналов. Можно различать также русско-болгарский извод, который состоит из рукописей, писанных русскими писцами с болгарских оригиналов, отчасти — румынской редакции. Если рукопись одновременно содержит сербские и болгарские черты, т. е., например, имеет рядом формы жѣтъѣ вм. жѣтъѣ и рекошѣ вм. рекоша, то мы не можем решить, в какой очереди ложились на старославянский текст два слоя — сербский и болгарский. Необходимо найти в такой рукописи такие написания, в коих слой ложится на слой непосредственно, так, например, написание рекошоу укажет нам, что старославянское рекоша сначала было изменено болгаринами в рекошѣ, а болгарское рекошѣ сербом в рекошоу. Такие случаи — редкие недоразумения: обыкновенно сербские писцы узнавали в болгарском рекоша свое рекоше и писали это последнее. Но пока мы не нашли таких написаний, как рекошоу, мы только по вероятности решаем вопрос, в какой очереди лежат в рукописи сербский и болгарский слой. По историческим причинам наиболее обычным случаем является сербский список с среднеболгарского оригинала, а не наоборот, ибо сербы позднее болгар приобщились к славянской культуре и в период своего государственного могущества (XIII—XIV вв.) занимали болгарские земли в Македонии, где влияние сербской церкви продолжалось и позднее, после падения сербского государства (ср. ниже в хронологии, приложение I). Вопрос об очереди слоев решается также антирусизмами, антисербизмами и антиболгаризмами, которые, как мы видели, представляют неумелую подделку русского, сербского, болгарского писца под какой-нибудь чужой извод. Однако такие подделки могут восходить и к оригиналу и не принадлежать писцу данной рукописи. Так, например, наряду с сербизмами и соображениями чисто литературного характера, такой антисербизм, как молѣше вм. мѣше «подвергал мучениям», будучи встречен в русском списке, убедил академика Шахматова в том, что автором русского хронографа и, следовательно, создателем оригинала русских списков, был серб (Пахомий Логофет); русские: солнце, долг при сербских сунце, дуг были источником вышеуказанного фиктивного написания.

¹⁰ Старославянский извод содержит (кроме незначительных отрывков) всего восемь рукописей; шесть из них глаголические: евангелия Зографское, Маринское, Ассеманово; Синайская псалтырь и Синайский гребник; Сборник Клоца (Glogolita Clozianus); две кирилловские: Саввина книга (евангелие апракось) и Супрасльская рукопись (мартовская минея четья). Особо стоят глаголические Киевские отрывки.

IV. МАТЕРИАЛЫ И ОРУДИЯ ПИСЬМА

§ 20. Знакомство с материалами и орудиями письма необходимо уже потому, что и они подвергались сменам и таким образом содержат в себе данные относительно времени и места написания памятников.

В Византии с течением времени сменяются: папирусный свиток, пергаменная книга, бумажная книга. Папирусный свиток вытеснен пергаменной книгой окончательно в IV—V вв., т. е. с эпохи Константина и к эпохе первого расцвета Царьградской культуры (ранневизантийской)¹¹. После перехода со свитка на книгу были существенно облегчены: цитата, ссылка, справка, компиляция; листание — источник более легкой ориентировки; отсюда — беглая начитанность и переработка предшественников и современников.

У православных славян рукописи писались в более древнюю эпоху на пергаменте, в более позднюю — на бумаге. Пергамент выделялся из кожи животных и всегда оставался ценным материалом; вследствие этого в эпоху пергаментной письменности (между прочим — у византийцев и у славян) встречаются рукописи, писанные по смытому или соскобленному более раннему письму. Такие рукописи называются палимпсестами (слово составлено из греческого *pálin* «опять» и *psáo* «скоблю»). Смывались рукописи главным образом износившиеся или те, к которым утрачивался интерес. Переход от пергаментка к бумаге наступил не вдруг, но все же этот переход и для югославянских и для русских рукописей составляет определенную дату. И здесь мы имеем дело с общим явлением: время делает палеографические даты более резкими; начальные стадии новых явлений не доходят до палеографа или доходят только крайне отрывочно, дошедший же материал представляет для каждой эпохи господствующее ее течение. Большинство дошедших сербских и болгарских рукописей оказываются писанными на бумаге — с половины XIV в., большинство русских — с начала XV в. Ранее этих дат господствует пергамент¹². Это наиболее общие статистические выводы, которые, конечно, не исключают многочисленных отклонений. Главные отклонения состоят в том, 1) что грамоты появляются (не господствуют!) на бумаге: в России — еще в первой половине XIV, у южных славян — еще в первой половине XIII в.; 2) что в эпоху господства бумаги более важные грамоты продол-

¹¹ В IV в. на христианских памятниках (по большей части саркофагах) в руках Христа и апостолов преобладает свиток, с V в. господствует книга. Свитки как эпитет ветхого мира остались в руках пророков. — *Прим. ред.*

¹² В эпоху пергаментка для бытовой письменности употребляли бересту. Знаки наносились на плотный слой коры ножом или острием. С XVI в. береста, в подражание бумаге, расслаивается на тонкие пласты и на них пишут уже чернилами. — *Прим. ред.*

жают писаться на пергаменте; 3) что в Сербии роскошные рукописи еще часто пишутся на пергаменте в XV в., а в Румынии нередко и в XVI в.

Бумага есть старое восточное изобретение, которое через испанских и южноиталийских арабов передалось Западной Европе еще в эпоху крестовых походов. Более подробные сведения о технике и истории писчебумажного дела даются ниже, в главе о водяных знаках.

Подробные анализы чернил для славяно-русской палеографии еще не сделаны. Но с середины XV в. и позднее мы имеем в рукописях рецепты чернил, главным образом железистых, на чернильных орешках. На вид чернила старых югославянских и русских рукописей имеют теперь бурый оттенок. В западной палеографии сделаны наблюдения, что оттенок (а следовательно и состав) чернил заметно различается по эпохам и странам.

Из различных красок, употребляемых для письма (не для миниатюр и орнамента) всего важнее красная, издавна употребляемая для заголовков и различных указаний. От этого обычая красных заголовков ведут свое начало термины «рубрика» в смысле заголовка отдела (ср. латинское *ruber* — «красный») и «красная строка» в смысле начальной строки отдела, теперь отмечаемой «абзацем», т. е. небольшим пробелом в начале. Красные чернила были различного состава. В западной письменности господствовал сурик (по-латыни — *minium*, откуда, с измененным значением, термин миниатюра). Сурик — свинцового состава, киноварь — ртутного и таким образом эти краски могут быть различены химическим анализом. В Византии пурпурные чернила (*sacrum incaustum*) употреблялись исключительно императорами для подписей (эдикт 470 г.). Но вследствие дороговизны и редкости настоящего пурпура, рано стали прибегать к суррогатам; этим путем и киноварь стала исключительно императорскими чернилами, почему в византийских рукописях употреблялись иные краски, всего более — малиновые чернила растительного происхождения (так называемая «драконова кровь»). В древнейших славянских рукописях, по-видимому, тоже не употребляется киноварь: примером может служить старославянская Саввина книга XI в., в коей заголовки писаны суриком; в древнейших славянских рукописях можно иногда встретить и «драконову кровь», например в глаголическом Мариинском евангелии. Употреблялась также красная краска смешанного состава. Но с XIII в. в России распространяется киноварь, которая отличается красно-малиновым оттенком. Розовато-оранжевый, легко бледнеющий и рыжеющий сурик, не вытесняя вполне киновари, в России широко распространяется со второй половины XVII в., как более доступная краска, получаемая простым пережиганием свинцовых белил; сурик господствует в народных русских рукописях XVIII и XIX вв. и таким образом в России составляет дату.

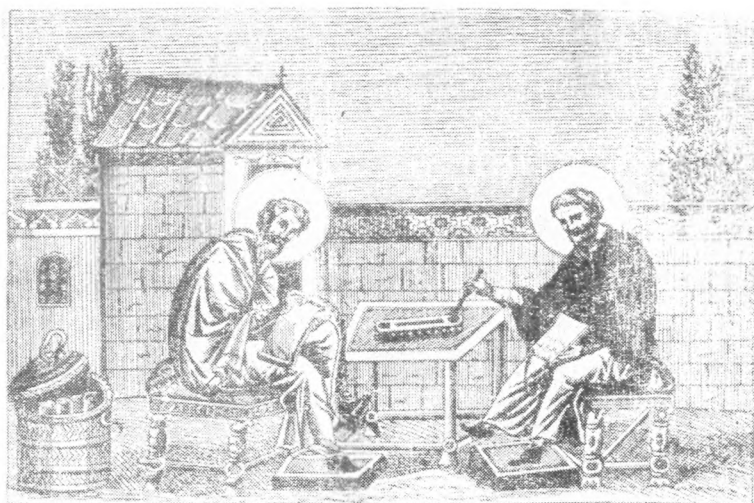

Рис. 3. Менологий Василия, X в.: Козьма и Иоанн Дамаскин

Золото (чаще) и серебро (гораздо реже) употреблялись для письма только в качестве роскоши, которая в России и Румынии входит в особую моду с эпохи нововизантийских и западных влияний (XV—XVI вв.). Золото и серебро могло употребляться или твореное (в виде краски) или листовое; последнее накладывалось на знаки, писанные клейким веществом. В России до конца XVI в. твореное золото было мало распространено.

§ 21. Процесс и орудия письма изображаются в самих памятниках старой письменности, всего более — в евангелиях, с четырьмя миниатюрами пишущих евангелистов: это — сидящие фигуры, которые пишут, держа лист на колене, т. е. так, как происходил процесс письма в античном мире и отчасти происходит на современном Востоке (см. рис. 3). Стол на миниатюрах служит лишь для письменных принадлежностей: на столах находим изображения чернильниц разного вида, сосудов для краски, сухих красок в кусках, циркуля, ножей кривых и прямых, пемала, губки, песочницы с воткнутыми перьями, цепочки ¹³ с ост-

¹³ Такая цепочка, по-видимому, служила для намечания границ строки. Она изображена на четырех миниатюрах греческого евангелия XI—XII вв. (Ватикан, № 1156) и в Востоковском издании Остромирова евангелия (1844); с тех пор соответствующее место миниатюры Остромирова евангелия, по-видимому, осыпалось.

прямыми по концам, кистей. На высоком пюпитре лежит лист или свешивается развернутый свиток; в корзине стоят свернутые и перевязанные свитки, иногда между ними торчит нож или перо. Обилие принадлежностей находим только в византийских и древнейших русских миниатюрах, позднее по большей части изображаются только чернильница и перо. На греческих миниатюрах изображается не птичье перо, а тростниковое (*χάλαρος* читай *kálamos*); оно же изображено, по-видимому, на одной из миниатюр Остромирова евангелия. На остальных русских миниатюрах, по-видимому, всегда изображено птичье перо. Нет сомнения, что *χάλαρος* у нас не привился.

Перья для письма были гусиные, реже, в виде роскоши, — лебединые; однажды упоминается павье перо (Псковский апостол 1307 г.). Слово «карандаш» встречается с Петровского времени, но карандашные черки найдены в недописанных миниатюрах русских рукописей XVI в. Кисть употреблялась в славяно-русской письменности для изображения письменных знаков только при письме твореным золотом и серебром, да иногда для киноварных строк высокой вязи. Ножи существовали особые для очинки перьев и особые для подчисток написанного; ошибочно написанное удалялось также пемзой или губкой или покрывалось слоем белила, по которому писалось вновь. Для разлиновки употреблялись линейка, а равно циркуль и цепочка, размерявшие раму письма и расстояние строк и «шильце» (притушенное острие — металлическое или костяное), которым надавливались линии строк. В XVI—XVII вв., т. е. в эпоху, когда употреблялся и карандаш, упоминается карамса, или рамка с натянутыми нитями, служащая для разлиновки. В старообрядческой каллиграфии карамса употребляется до сих пор.

Шильцем могли линоваться или отдельные раскрытые листы с внутренней стороны, или сразу целые раскрытые тетради. В последнем случае линии оказываются слабее надавленными, по мере того как мы удаляемся от середины тетради.

Схема разлиновки бывает весьма различна в зависимости от того, писана ли страница в один или два столбца, имеет ли рукопись большие инициалы, помещаемые в особом узком столбце, и тому подобное. В славяно-русской палеографии из способов разлиновки до сих пор не извлечено определенных палеографических дат, но они изучаются и описываются, ввиду возможности извлечения таких дат.

§ 22. Различные палеографические приметы содержит переплет рукописей. Иногда самое дерево переплетных досок указывает на известную территорию, так, например, сосновые доски указывают на север России, в рукописях средней полосы предпочитается дуб, береза и липа. Узоры, тисненные на коже, покрывающей доски, указывают отчасти на территорию, отчасти на эпоху. На древнейших рукописях тиснение отсутствует или оно очень

просто. На сохранившихся старых переплетах XIII—XV вв. кожа либо без тиснения, либо тиснение произведено по византийскому образцу: в крупную косую клетку и содержит мелкие клейма круглые, ромбические, сердцевидные (с изображением зверя, птицы, византийского орлика), а равно мелкие клейма в виде различных крестиков, звездочек, розеток, концентрических кружков, — все красиво и геометрично расположено. В XVI в. в тиснении западнорусских переплетов сказывается западное влияние, в Московском государстве византийские мотивы тиснения в XVI в. применяются на переплетах более вычурно и сложно. Поверх кожи уже на самых старых переплетах мы находим, по углам и посередине, различные металлические гвоздики или бляшки, возвышающиеся над кожей и таким образом оберегающие ее от трения и царапин; если бляшка имела узорную форму, она называлась жуком, жуковиной (или жиковиной). В древнейшую эпоху и до середины XVI в. мы находим в югославянских рукописях и русских рукописях обыкновенно довольно простые и притом бронзовые жуковины (темного, розоватого или золотистого оттенка), с XVII в. и далее в России господствуют жуковины зеленомедные. Прежде чем пользоваться этими приметами, необходимо исследовать, не помещены ли более древние жуковины на более поздний переплет или наоборот — поздние на древний. Роскошные экземпляры евангелий, апостолов и других священных книг в тех же частях доски украшались, поверх кожи, парчи, бархата и других тканей более обширными угольниками (или наугольниками) и средниками из золота, серебра, золоченой бронзы или меди, — с чеканкой, резьбой, тиснением, эмалью. К изображениям этих украшений применяются приметы, добытые археологией искусства. Менялись по эпохам также застежки рукописей (которые делались из металла, кожи, различных материй), а равно узоры и надписи, изображавшиеся иногда чернилами, красками, золотом на обрезе рукописей. Материя на переплетах и застежках также может быть определяема по эпохе и месту происхождения. На всех древних памятниках (миниатюрах, фресках, мозаиках, в скульптуре) рукописные книги изображаются в виде массивного прямоугольного тела с узорами по поверхностям: доски не выступают над обрезом листов, к которому поэтому и застежки прилегают плотно. Это точно передает реальный характер древних переплетов. Со второй половины XVII в., под западными влияниями и в Московском государстве переплет меняется в различных отношениях; доски переплета выдвигаются над обрезом, защищая его от трения; на корешке, прежде плоском либо округлом, но совершенно ровном, появляются поперечные возвышенные валики, кои прикрывают ряды нитяных узлов, появляющихся на корешке при сшивании тетрадей; ранее эти линии узлов вследствие иного способа сшивания не были столь выпуклы. Тиснение уже в течение XVI в. утрачивает старый

византийский характер: появляется сложная рама в виде вписанных друг в друга прямоугольных клеток. Со второй половины XVII в. мотивы тиснения становятся разнообразны, сложны, иногда тиснение золотое, иногда оно покрывает всю кожаную поверхность доски (особенно передней); среди тиснения находим много трав старопечатного или восточного характера, иногда лицевые изображения, часто — строки вязи, содержащие слова «книга глаголемая». Все эти приемы до сих пор сохраняются старообрядческим переплетным искусством и таким образом могут встретиться в книге или рукописи с переплетом совершенно новым. В этом случае, как и в других, следует точно определять сферу применения палеографических примет: есть приметы, определяющие известное пространство времени, есть приметы, определяющие только конечный или начальный пункт явления (*terminus a quo, terminus ad quem*).

Следует также помнить, что в известной мере о древности всякого предмета можно судить по степени его сохранности, — что кожа и материя переплета постепенно стираются и замарываются, что листы бумаги и пергамента постепенно желтеют или буреют, что особенно стираются металлические украшения переплета, постепенно становясь очень гладкими на осязание. Отвлекаясь палеографической датировкой, мы часто забываем эти простейшие указания здравого смысла.

V. ВЯЗЬ

§ 23. Вязью называется кирилловское декоративное письмо, имеющее целью связать строку в непрерывный и равномерный орнамент. Эта цель достигается различного рода сокращениями и украшениями. Вязь является в рукописях, на фресках, на иконах, колоколах, на металлической и шитой утвари, на надгробиях. Содержание вязи составляют: молитва, изречение, памятная надпись, название древнего памятника; последнее — в рукописях, обычный случай. Где бы ни появлялась вязь, место для нее заранее отмерено декоративными соображениями, а размеры надписи определены ее содержанием. Задача, следовательно, всегда состоит в том, чтобы определенное число букв красиво разместить в определенном пространстве. Если число букв значительно, а пространство мало, каллиграф прибегает к сокращениям, в обратном случае он маскирует пустоты различными украшениями. Украшения необходимы еще и в том случае, если буквы по свойствам своего начерка оставляют неустранимые пробелы вверху, внизу или в середине строки. Но могут быть строки вязи, которые, не содержа ни существенных сокращений, ни существенных украшений, тем не менее производят впечатление непрерывного орнамента и таким образом все-таки подходят под понятие вязи.

Различные технические приемы вязи, как в разряде сокращений, так и в разряде украшений, возникали не одновременно и на различных территориях, и потому они содержат палеографические приметы. Смотря по материалу и назначению украшаемых ею предметов, вязь делится на разряды, которые должны быть изучаемы палеографом раздельно, ибо при сходстве общих путей развития одни и те же перемены в различных разрядах вязи не совпадают хронологически. Так, например, вязь металлической посуды в своем развитии опережает вязь рукописную, а вязь старопечатная несколько отстает от нее. Мы рассматриваем здесь исключительно рукописную вязь.

§ 24. Система вязи сложилась у византийцев позднее основания славянской письменности и потому в ее древнем периоде вязь отсутствует: у южных славян первые, точно датированные памятники вязи восходят к первой половине XIII в., у русских — к концу XIV в. В самой Византии до X в. заглавные строки рукописей графически мало отличаются от текста, они пишутся иногда другим почерком (уставом в памятнике скорописном), иногда несколько крупнее текста, либо пишутся малиновой краской; часто они по письму ничем не отличаются от текста, но поверх букв слева направо сплошь помазаны (покрыты с кисти) прозрачною зеленой или желтой краской. Древнейшие глаголические рукописи, среди славянских, всего ближе в этом отношении к греческим этой эпохи: в древнейших глаголических рукописях находим в заглавиях малиновые (Мариинское евангелие) и помазанные (Ассеманово евангелие) строки; глаголические заглавия пишутся, кроме того, раздельнее и угловатее текста, так сказать «более уставным почерком», но по большей части уже значительно крупнее текста; мелкие строки заглавий, нередкие в Мариинском и Ассемановом евангелиях, писаны строчным почерком и отличены от текста строк только краской. В Византии с начала X в., но еще не часто, заглавные строки, особенно в литургическом уставе, становятся крупнее и каллиграфичнее; буквы получают двойные контуры; эти контуры иногда оттеняются или сплошь заполняются краской, иногда двумя или тремя разными красками попеременно. Под конец X в. появляются украшения на отдельных буквах и лигатуры (спайка) двух соседних букв. То же находим и в России до конца XIV в., но эти случайные явления ни здесь ни там еще не составляют системы. С начала XI в. византийские рукописи с подобными заглавными строками встречаются чаще и в них лигатуры — сложнее и употребительнее. Из этих элементов в середине XI в. сложилась византийская вязь, т. е. систематическое декоративное письмо. XII век есть время наибольшего распространения византийской вязи, в XIII и особенно в XIV вв. употребление ее заметно сокращается, в XV она исчезает почти совсем. Византийская вязь, раз сложившись, почти не менялась и даже в эпоху наибольшего расцвета была распространена го-

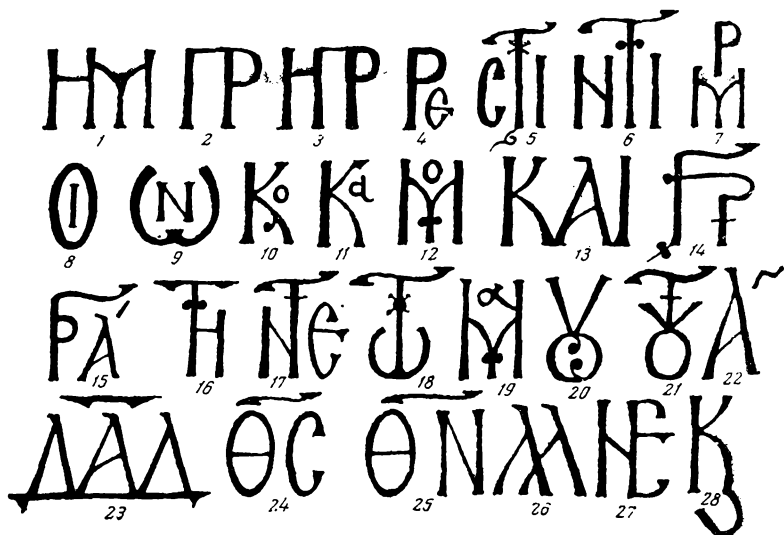

Рис. 4. Образец византийской вязи

раздо менее, нежели в России XV—XVII вв. Показатель византийской вязи всегда колебался между 2 и 3¹⁴. Украшения византийской вязи по большей части суть мелкие растительные мотивы (веточка, стебелек, усик, хоботок, узелок) — см. рис. 4. Сокращения византийской вязи суть: лигатура (обыкновенно мачта + мачта) — см. 1—3 на той же таблице; подчинение одних букв другим (см. там же, 4, 5 и 6); соподчинение двух букв (см. там же, 7); включение одной буквы в другую (см. там же, 8—12); совпадение в точке (не в линии) — там же, 13 и 14, а равно различные комбинации тех же приемов (там же, 15—21). Кроме того, известные слова (главные религиозные понятия) писались сокращенно под горизонтальным титлом:

ѠС-ѠСѠС «Бог», ѠН-ѠСѠН «Бога», ДАД-ДАГІД Давид (см. там же, 23—25).

§ 25. Если византийцы в сфере вязи достигли только посредственных результатов, если вязь их не стоит на уровне их остального художественно-технического творчества, то причина этого коренится исключительно в свойствах греческого алфавита и языка. В техническом и в художественном отношении самый существенный прием вязи есть мачтовая лигатура, т. е. соединение двух смежных вертикальных линий в одну. В этом отношении кириллица прямо невероятно богаче греческой азбуки. Кириллица имеет 36 знаков, из них 26 имеют мачты. По известной алге-

¹⁴ Показателем вязи можно называть отношение высоты к ширине у таких двухмачтовых букв, как П, Н, Н. Таким образом, при квадратном характере букв показатель равен единице.

браической формуле общее количество возможных двухзначных сочетаний для кириллицы равно таким образом 650-ти. На практике многие сочетания невозможны, так, например л+к дают мачтовую лигатуру, но к+л — нет. С другой стороны, из возможных лигатур многие неупотребительны по своей неясности.

Так, например, Ъ могло бы означать ть, вь, гь а Ъ могло бы означать бг, гь, бь, гь или: Ъ могло бы обозначать бь, вь, гь, вг, бь, вь, бр, гръ, врь и тому подобное. Подобные нечеткие лигатуры почти не встречаются. Некоторые сочетания, вполне возможные на письме, отсутствуют в языке. Однако за всеми ограничениями, кириллица на практике располагает не менее чем 450 двухзначными мачтовыми лигатурами. Это огромное число объясняется тем, что кирилловская вязь возникла после исчезновения слабых полугласных ъ и ь, т. е. в такую эпоху славянских языков, когда соприкоснулись самые разнообразные согласные.

В сравнении с кириллицей византийцы поразительно ограничены в средствах: отсутствуют мачтовые ч, ш, щ, в, ъ, к, ю, ы и др. Весь греческий алфавит состоит из 24-х знаков, среди них мачтовых знаков только 12. По той же формуле максимальное количество всех сочетаний по два равно 132. На практике существует масса ограничений: возможны лигатуры нв, нр, но не возможны лигатуры вн, рн; многие сочетания не существуют в языке, так, например, нв обратилось в мв; пп — в пп, что дает мачтовые лигатуры, но не вознаграждает за утраченные; далее, мр обратилось в греческом языке в мвр, нр — в ндр, в последнем случае утраченная лигатура ничем не вознаграждается¹⁵. В результате византийцы на практике имели едва ли более 40 двухзначных мачтовых лигатур, из которых некоторые постоянно повторялись. На таком ограниченном материале не могла быть построена послушная система художественной вязи. Но византийцы нашли принцип, который на иной почве мог получить счастливое развитие.

§ 26. У южных славян вязь известна с XIII в. Древнейший ее датированный памятник — победная, 1230 г., надпись царя Иоанна Асеня II на мраморной колонне в церкви Сорока Мучеников в Тырнове. Эта надпись, как и сербская вязь XIII в. (на пример в Шестодневе Синодальной библиотеки, 1263 г.¹⁶), далеко не может быть названа художественной. В XIV в. югославянская вязь становится богаче и интереснее своих византийских образцов: югославянские каллиграфы, очевидно, овладели стилем вязи и разработали его на более благодарной кирилловской почве; сначала это замечается в грамотах — в именах и титулах болгарских царей и сербских кралей, позднее — во всех югославянских рукописях. Афон был, по-видимому, тем центром, из кото-

¹⁵ Написания нв, нп, нр были возможны только в том случае, если н принадлежало концу предыдущего слова, а в, п, р — началу следующего; но слова сливались только в очень тесной связи.

¹⁶ Собрание ГИМ. — *Прим. ред.*

рого художественная вязь с середины XIV в. широко распространялась в письменности. В этой югославянской вязи намечаются два стиля: природный и геометрический; первый черпает свои мотивы из мира растений и отчасти из мира насекомых (что заметно не только в мелких украшениях, но также в трактовке извитых и округлых контуров самих букв); второй, гораздо более редкий стиль, избегает украшений и довольствуется строгим воспроизведением геометрических элементов кириллицы. Красивее обоих этих стилей югославянский средний стиль, соединяющий свободный геометрический характер букв с легкими растительными украшениями. Падение югославянских государств еще в XIV в. остановило развитие югославянской вязи, которая еще держится в XV и XVI вв., порождая интересные манеры природного стиля, но не изобретая новых технических приемов. С XV в. появляется румынская вязь; она основана на югославянской вязи и представляет различные манеры природного стиля; особенно распространена манера высоких букв с уменьшенными верхами и низами, довольно редко стоящих в строке.

§ 27. А. В России вязь появляется в конце XIV в. вместе с другими чертами югославянского влияния, о котором ниже. До этого времени в XIII и XIV вв. мы находим лишь большее количество лигатур в заглавных строках, но не находим системы декоративного письма. Но и в конце XIV в., т. е. в начальную эпоху югославянского влияния, вязь в русских рукописях находится чрезвычайно редко: древнейший датированный образец русской вязи, Стихирарь 1380 г., писанный и хранимый в Троице-Сергиевой лавре, содержит строки очень сложной вязи, где неумеренно применены приемы скорописных и иных сокращений, а пробелы заполнены мелкими буквами; в этих строках мы имеем палеографическую случайность: они как раз не представляют главные направления вязи, — это только замысловатые упражнения. В России XV век был эпохой усвоения вязи. В великорусских областях старые города северо-запада — Новгород, Псков, Тверь, а в центре — Сергиева лавра стали рассадниками этого искусства. По датированным рукописям XV в. мы можем судить о том, как проникала вязь в Россию и как распространялась она по русской территории. Два стиля, находимые уже у южных славян, стили «природный» и «геометрический», перешли и в Россию. «Средняя югославянская манера», с тактом объединяющая природные и геометрические мотивы, и в России XV в., по-видимому, была преобладающей.

В. Среди памятников этой «средней манеры» укажем: 1) югославянское евангелие, купленное в 1430 г. на Афоне и в 1434 г. принесенное в Тверь; 2) два автографа известного сербского выходца и русского писателя XV в. Пахомия Логофета (рукописи 1443 и 1459 гг.); 3) русский список 1481 г. с автографа другого важного представителя югославянских влияний в России —

митрополита Киприана; это требник, в послесловии коего русский переписчик просит будущих переписчиков ничего не прибавлять и не опускать, даже в самых мелких чертах новой (югославянской) орфографии и графики; 4) русское пергаменное евангелие неопределенного года, автограф или, быть может, только собственность Сергиева ученика, преп. Никона Радонежского (ум. 1427 г.). Здесь следует упомянуть также различные, более редкие манеры вязи, перешедшие к нам с югославянским влиянием: таковы строки, содержащие различные декоративные мотивы, заимствованные из поздней греческой скорописи, а равно строки в манере византийских монокондилей — вычурных вензелей, подражающих арабскому письму.

С. К концу XV в. вязь, как любимое каллиграфическое средство, широко распространена по всей территории русского народа, и с этого момента обнаруживаются явления дифференциации в русской вязи. Русская территория была тогда разбита на два общественных союза — литовско-русский и московский. В сфере вязи западная и юго-западная Русь высказались за природный принцип, бесконечно воспроизводя в подражаниях различного достоинства его югославянские и румынские образцы. В Московской Руси возобладали геометрический принцип. При этом западная и юго-западная Русь ничего не прибавили к технической системе, созданной южными славянами, а Русь Московская изобрела различные, ранее нигде не известные, технические приемы, которые сообщили искусству вязи интересное художественное развитие и ценные палеографические приметы. Около 1500 г. (древнейший случай — в 1499 г.) псковские рукописи обнаружили дробление старых мачтовых лигатур: общая мачта двух соседних букв дробится посередине (см. рис. 5, ряд 1, лигатуры *шн*, *лн*, *нр*). Этот прием прежде всего подал повод увеличить показатель вязи, что ранее ограничило бы ее четкость: теперь мачтовые лигатуры, не утрачивая своей компактности, приобрели раздельность, и глаз без затруднения мог исходить от места дробления, следя вверх и вниз выросшие мачты. Дробление до конца XVI в. мало употребляется вне псковских рукописей. Новгородская вязь XVI в. представляет изящный геометрический стиль, но мало технических новообразований. В палеографическом отношении важна лигатура *ст*, проникшая в рукописи в Новгороде около 1550 г. (древнейший случай в рукописях — 1552 г., см. там же, ряд 5). Вне новгородских рукописей эта лигатура до конца XVI в. является редко. Во второй половине XVI в. Московская каллиграфическая школа Грозного, усвоив новгородскую вязь после перехода Макария на митрополичью кафедру, увеличивает количество полуштабов: буквы, снабженные петлями: *в*, *в*, *р*, *к*, *ы*, *ь*, *ѣ*, а также наклонными: *а*, *д*, *ж*, *к*, *л*, *м*, *у*, уже в югославянской вязи могли образовывать эти части или в виде дуг или в виде отвесных линий с коротким закругле-

Рис. 5. Хронологические приметы русской вязи XV—XVII вв.

нием с одного края. Уже новгородская вязь заменяла при этом повороты изломами, иногда придавала петлям и наклонным исключительно прямолинейные формы (ср. в, там же, ряд 2); небольшие отвесные линии, при этом получавшиеся вместо наклонных и кривых, могут быть названы полуштамбами. Но этому изменению в Новгороде и в московской школе Макария (50-е годы) подвергались не все буквы: чаще всего в, в, ѓ, реже ъ, њ и њ, еще реже м и ж. В школе Грозного с 60-х годов этот прием распространялся также на д, д, к, л, р и на язычок буквы е (см. там же, ряд 3); эта перемена необязательна и, следовательно, еще не идет в ущерб каллиграфическому разнообразию. Однако количество вертикальных полуштамбов все же значительно увеличилось в школе Грозного, и это вызвало к жизни два новых технических приема: 1) новые полуштамбы располагались в один вертикальный ряд

отчасти друг с другом, отчасти со старыми штамбами (мачтами); от этого получалось ложное дробление, т. е. получались сочетания, никогда не бывшие ранее мачтовыми лигатурами, но вполне подходящие на дробление старых мачтовых лигатур (см. там же, ряд 4, знаки 1—3: гл, на и т. п.). И этот прием (до школы Грозного почти неизвестный) только под конец XVI в. получает более широкое распространение; 2) буквы, получившие полуштамбы, могли подыматься или опускаться на этих полуштамбах, давая место то внизу, то вверху строки соседним буквам (см. там же, ряд 4, знак 4: вы). И этот прием не встречается в рукописях ранее школы Грозного; с конца XVI в. он распространяется на территории Московского государства, однако до поморской школы XVIII—XIX вв. применяется в рукописях умеренно.

§ 28. Каллиграфический стиль Грозного переживает Смутное время и в первой четверти XVII в. еще является в рукописях, но главным образом таких, которые писаны в Троицкой лавре; это относится и к вязи. Но уже при Феодоре Иоанновиче стиль Грозного был поколеблен во всех областях искусства вторжением различных новых элементов. В вязи рукописей эпоха Феодора Иоанновича ознаменована обобщением всех великорусских новообразований XVI в.: в одной строке 1587 г. (рукопись сочинений Максима Грека) мы находим вместе полуштамбы, дробление настоящей и ложное, а равно лигатуру ст. Та же строка в типе с содержит первый случай появления полных штамбов, которые образуются из больших округлостей таких букв, как е, о, с, 8, ф, х, ю, ө, w; все эти буквы в школе Грозного еще сохраняют извив. Штамбованное с в рукописи 1587 г. есть редчайший, ранний случай того явления, которое лишь позднее приобретает значение хронологической даты, постепенно обобщаясь на все указанные буквы, образует стиль и распространяется на всю русскую территорию (ср. там же, ряд 5, знак 3: с 1587 г.; знаки 4 и сл. — штамбованные с XVII и XVIII вв.). На русской металлической посуде штамбовый стиль находим уже в середине царствования Михаила Феодоровича; в рукописи он проникает постепенно: в рукописях религиозного и литературного содержания 8 и х, а затем и большинство остальных букв получает полные штамбы в течение 40-х годов XVII в. Если в писцовых книгах первой четверти XVII в. находятся строки штамбовой вязи, то это позднейшие заглавные листы, на что указывает иная бумага. Только для середины XVII в. можно говорить о сложившемся штамбовом или фактурном стиле: отвесные мачты и изломы решительно взяли верх над прежними извивами, причем исчезновение округлостей образовало новые пустоты в строке; растительные ветки мелкоотравного рисунка утверждаются как необходимый декоративный прием, маскирующий пустоты (рис. 6).

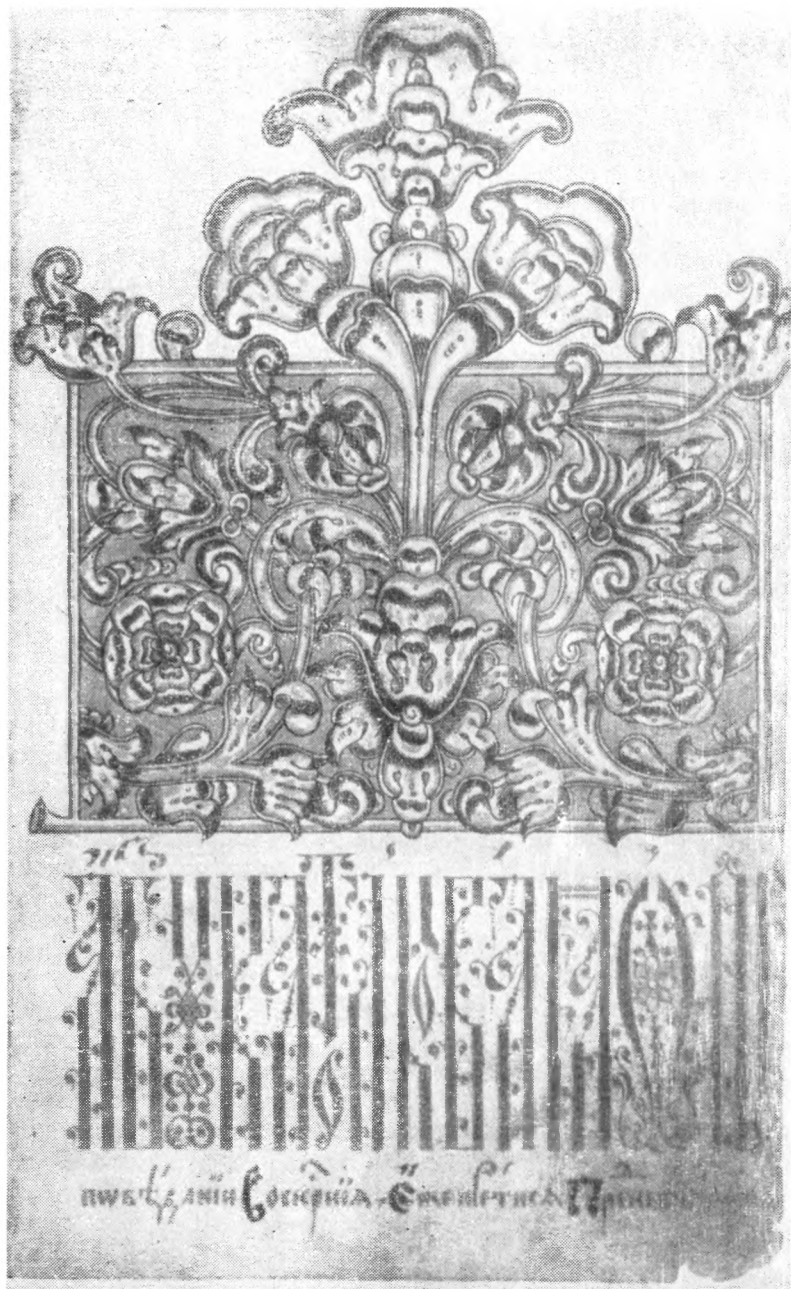

Рис. 6. Азбука 1698 г.

Рис. 7. Особенности поморской вязи

К концу XVII в. были сделаны все естественные выводы из новых технических приемов: найдены все лучшие сочетания, не вредящие четкости. С этого момента начинается художественное падение вязи, которая, впрочем, продолжает жить в старообрядческой среде в течение XVIII и XIX вв.

С появлением вязи в России и до самого конца XVII в. безостановочно растет показатель вязи: в XV в. преобладают показатели 3 и 4, в XVI — показатель колеблется между 4—8: хорошие новгородские строки имеют показатель $4\frac{1}{2}$ и $4\frac{3}{4}$. Псковские — 5, 6 и 7, западнорусские строки достигают иногда показателя 8. В течение XVII в. показатель подымается от 7 до 12. Вязь конца XVII в., имеющая показатели 10—12, является уже своего рода тайнописью. Заметим, что каждый век, в качестве переживания, сохраняет нередко и более низкие строки, с показателем предыдущей эпохи. Следовательно, и в этом случае отсутствие нового признака не исключает даты.

С XVIII в. вязь сохраняется главным образом в старообрядческой письменности. Лучшие произведения старообрядческого искусства, отчасти условно, называются поморским стилем (рис. 7) ¹⁷. Поэтому можно говорить и о поморской вязи. Следует

¹⁷ Лучшие произведения старообрядческой каллиграфии XVIII и XIX вв. сами старообрядцы связывают с историей поморского толка, т. е. одной из старообрядческих русских церквей, получившей свое имя от северного поморья Европейской России. На самом деле на всем нашем севере и северо-востоке различные русские секты обладали тою же каллиграфией.

И ОУХЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ
И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ
И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ
И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ И РАВЪ ТУЕ

Рис. 8. Грамота XIV в. болгарского царя Иоанна Александра, царский титул

ЮШНУХЪ ВЪ ДЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ
И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ
И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ
И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ И СЪВЪЩЕ

Рис. 9. Грамота XIV в. лгарского цари Иоанна Шишмана, царский титул

ВСТУПАЮЩАЯ СЪ СЪМЪЛЕНІЕМЪ

Рис. 10. Русское евангелие XV в., написанное с сербского оригинала (ГИМ)

МЛЮДИ СЪМЪЛЕНІЕМЪ

Рис. 11. Лицевой летописный свод, работа мастеров Грозного (ГИМ)

ВСТУПАЮЩАЯ СЪ СЪМЪЛЕНІЕМЪ

Рис. 12. Новгородское евангелие XVI в. (ГИМ)

Рис. 13. Псковский Златоуст XVI в. (ГИМ)

различать по крайней мере две эпохи поморской вязи: старую (XVIII в.) и новую (XIX в.). Старая поморская вязь основана на поздней московской вязи (штамбовой, второй половины XVII в.); новая поморская вязь отличается от старой неумеренным применением всех приемов, усвоенных (а еще более — изобретенных) старой поморской вязью. Не рассматривая хронологию всех этих приемов, я ограничиваюсь их перечислением (ср. рис. 7).

1. Полуштамб становится штамбом, см. т, ъ, ѓ на рис. 7, ряд 1, знаки 1—3 (югославянские типы XIV—XV вв.!).

2. Висячие полуштамбы размножаются, см. там же, знаки 4—6 (древнейшее **ы** этого рода — в школе Грозного!).

3. Буквы украшаются обрубками — там же, знак 7 (=а).

4. Создаются ложные обрубки, например т — там же.

5. Полные штамбы образуют многочисленные лигатуры — там же, ряд 2, лигатуры **ню, не, не, тр, tw, вб**.

6. Полуштамбы образуют многочисленные лигатуры с полуштамбами; все эти сочетания походят на букву **м** — см. лигатуры **ва, вд, ва, ка, кд, ка** там же, ряд 3 (до XVIII в. по этому принципу была образована только красивая и ясная новгородская лигатура **ст!**).

7. Появляются ложные лигатуры того же рода; все они походят на штамбованное **х** — см. лигатуры **ыа, ла** там же, ряд 4, знаки 2—3.

8. Буквы подвергаются косому срезу — см. там же, ряд 4, знаки 4—6: буквы **р, в, о**.

9. Симметричные части разводятся несимметрично врозь — ср. т там же, ряд 4, знак 7.

10. Появляется дробление некоторых полуштамбовых лигатур — ср. **хъ** там же, ряд 4, знак 8.

Рис. 14. Максим Грек, 1587 г. (ГБЛ, Унд. 487)

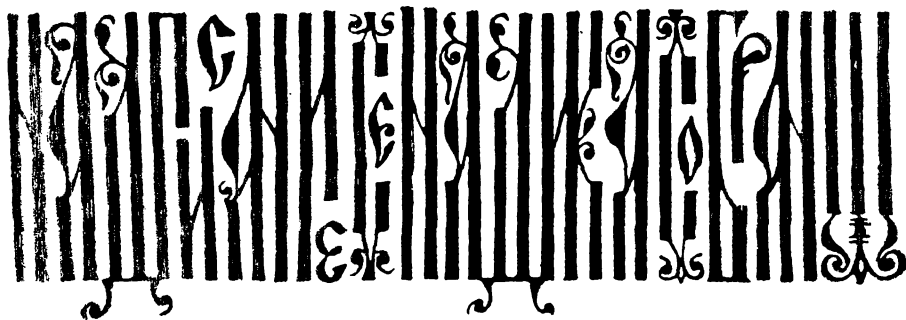

Рис. 15. Синодик 1659 г. (ГИМ)

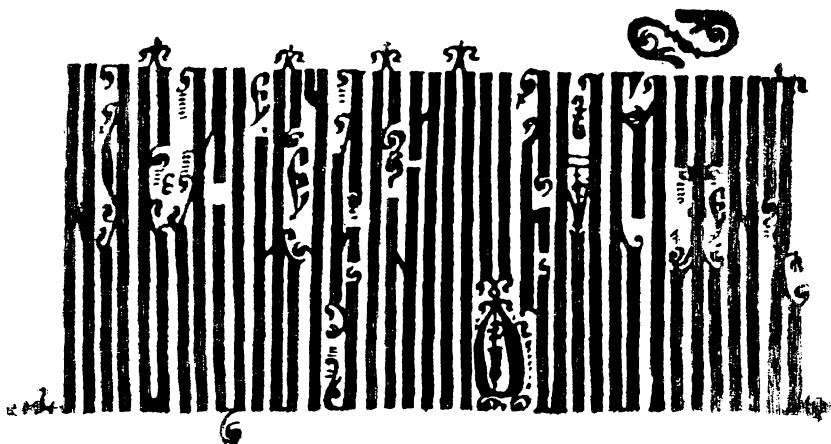

Рис. 16. Житие Варлаама Хутынского, 1689 г. (ГИМ)

Все эти особенности, появляясь постепенно с конца XVII—начала XVIII в. и умножаясь в XIX, имеют значение не столько для палеографа, сколько для археолога: ремесленники XIX в. владеют почти исключительно поздней поморской вязью, которая вследствие этого всюду является на поддельных или грубо поновленных памятниках искусства и быта.

Все технические новообразования вязи, содержащие дату, представляют в то же время известную художественную ценность совершенно так же, как и все переживания в вязи, почему применение или неприменение того или другого приема зависит и от свободного выбора. Таким образом, и в вязи отсутствие приметы не доказывает, что памятник создан до ее возникновения, а присутствие приметы есть лишь исходная дата, *terminus a quo*.

VI. ОРНАМЕНТ

§ 29. Орнамент есть ритмическое зрительное искусство в пределах плоскости. Всякий орнамент состоит из повторений и имеет определенную раму, выраженную или невыраженную. Рама может иметь различные формы, начиная от простейших и кончая самыми сложными¹⁸. Ритмические единицы, или повторяющиеся художественные элементы, называются в орнаменте мотивами. Мотив действует на нас как художественная единица, т. е. производит впечатление эстетического единства. Но по происхождению мотив может быть как простым, так и сложным; именно, многие мотивы разлагаются нашим сознанием на мотивы более простые, так, например, орнамент рис. 19, № 1 имеет невыраженную прямоугольную раму (обозначена пунктиром) и состоит из мотива ромба. Но ромб может быть разложен на более простые мотивы «уголков», обращенных в различные стороны; такие «уголки» находим, например, на рис. 19, в орнаментах № 2 и 3. В свою очередь уголки разлагаются на простейшие мотивы наклонных черточек, которые находим в орнаменте № 6. Или, например, прямой крест $+$ разлагается на черточку вертикальную и горизонтальную, какие составляют орнамент № 10.

Очевидно, простейшими мотивами будут черточки; но мы воспринимаем в качестве простых художественных мотивов также, например, ромб и крест, между тем как «крест в ромбе» воспри-

¹⁸ Если рама невыраженная, то границы орнамента более или менее совпадают с естественными границами той поверхности, которую он покрывает; таковы, например, орнаменты, покрывшие поля рукописи, или татуировка, покрывшая всю поверхность тела. Иногда орнаменты очень свободно следуют естественным границам поверхности; тогда они имеют собственную узорную, или сложную невыраженную раму. В этом случае удобно говорить о каркасе орнамента. Каркас есть металлический остов, например лепных статуй, бетонных и других построек.

Рис. 19. Орнамент (схема)

нимается как мотив эстетически сложный. Таким образом, термины «простой мотив», «сложный мотив» имеют для эстетического анализа один смысл, а для генетического анализа — другой. Возьмем орнамент № 4: генетически он во всяком случае сложный, а эстетически он может быть воспринимаем и как простой и как сложный мотив: «два пересекающихся зигзага» (возьмем случай, когда один зигзаг отличен от другого цветом) и как простой мотив «ромб». Но тот же мотив может быть рассматриваем генетически как «два рядом бегущие зигзага», см. № 5 (возьмем опять случай, когда один зигзаг отличен от другого цветом). Отсюда видим, что удвоение мотива может создать новый мотив и притом простой в эстетическом отношении. Комбинация мотивов происходит в орнаменте вполне независимо от природы, на основании инстинктов симметрии и ритма. Но генетический анализ исходит из того наблюдения, что большинство мотивов (как и рамы) или заимствуются из природы, таковы полумесяц № 9, утиная лапка

№ 7, елочка № 8 и пр., или же они содержатся не в природе, а в Эвклидовой геометрии; в последнем случае это простейшие символы наших наиболее общих пространственных понятий: точка, линия, а равно комбинация таких символов: угол, треугольник, четырехугольник и др. Таким образом, в орнаменте воплощаются два художественных принципа — природный и геометрический. А так как техническое воплощение определенного принципа в искусстве называется стилем, то различают обыкновенно природный стиль и геометрический стиль орнамента. Заметим здесь же, что стилизацией называется подчинение художественного материала определенному принципу. Стиль может быть ясно выражен, воплощен в формах, не подчиняя себе этих форм, т. е. только комбинируя их и оставляя за ними известную самостоятельность (ту, которую они имели в природе или в геометрии) и стиль может подчинить себе формы, видоизменить их по своему принципу, так, например, растительные мотивы могут быть стилизованы геометрически. Таким образом, могут быть стильные и стилизованные орнаменты. В новом искусстве термин «стиль» и «стилизация» ошибочно употребляется для обозначения строго проведенной манеры, а манера есть применение единичного приема (не принципа, из коего всегда вытекает много приемов), и, таким образом, манера отличается от стиля случайностью и однообразием. Стиль состоит в постоянной группе существенных признаков родовых или видовых, объединяющих группу памятников в роды и виды.

В орнаменте встречаются также изображения предметов, созданных человеком, таковы, например, цепь, жгут, плетенье в народных орнаментах или fasces ликтора (связка прутьев с топором в середине) — в орнаменте римском и позднее. Пока это отдельные мотивы, они не создают особого стиля и не колеблют принципа классификации; однако такие мотивы, как жгут и плетенье, могут создавать стиль, образуя принцип орнамента, воплощаемый в самых разнообразных проявлениях. При этом изображения жгута или плетенья могут колебаться между грубым натурализмом и геометрической абстракцией. Однако создания человека сравнительно мало проникают в орнамент в качестве мотивов и еще реже образуют стиль. Поэтому мы не создаем третьего члена классификации и ограничиваемся лишь указаниями, какие именно изображения человеческого труда проникают в тот или другой орнамент и какое место они занимают в разные эпохи наряду с стилями природным и геометрическим. И мотивы природные могут являться в очень различных степенях обобщения, например, елочка граничит с отвлечениями геометрического стиля, но и этот последний в орнаменте никогда не достигает полной (математической) отвлеченности элементов.

Орнаментальная точка и орнаментальная линия связаны в конце концов с воспоминаниями о работе, причем единицами работы,

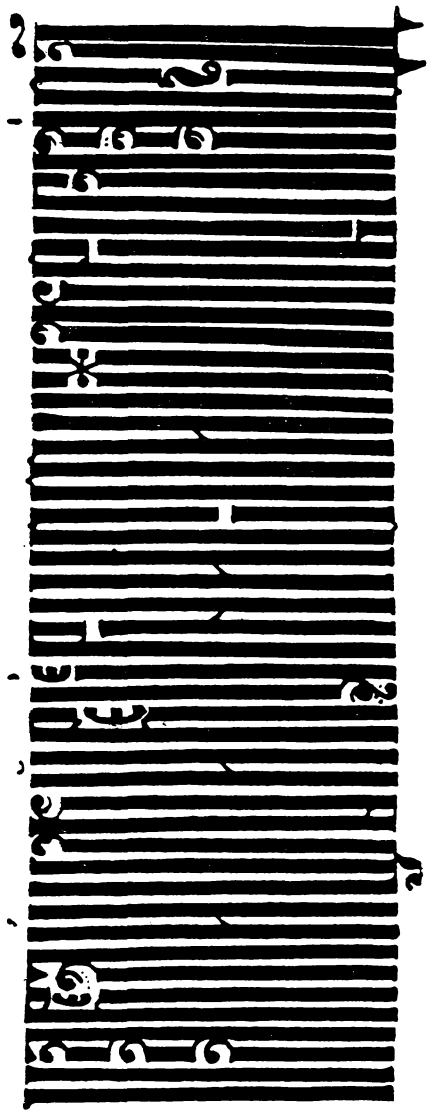

Рис. 17. Вязь XIX в. Трефолой начала XIX в. (ГИМ)

Рис. 18. Вязь XIX в. Апокалипсисе конца XIX (ГИМ)

очевидно, являются укол, нарезка прямая или ломаная, взм (например, палкой, пращой, камнем на веревке), дающий прямую дугу или круг и так далее. Вот почему ромб не разлагается сознанием на элементы «косая черта» и «скоба в три черточки», а только на два «уголка». По той же причине круг не разлагается сознанием на два полукружия, на четыре равные дуги, на две неравные дуги или на отвлеченное понятие о бесконечном ряде точек. Полумесяц, елка, утиная лапка, по-видимому, также не разлагаются генетическим анализом (на две дуги, прямую и углы), и это потому, что эти мотивы непосредственно связываются не с единицами работы, а с внешними явлениями. Эти мотивы разлагаются только техническим анализом, т. е. не при мысли «как это возникло», а при мысли «как это сделать». Технический анализ имеет свою собственную единицу, которая называется не мотивом, а рапортом, и свою собственную основу, которая называется не рамой, не каркасом, а сеткой. Сетки бывают в прямую и в косую клетку, а равно — сложные; отдельные клетки бывают квадратные и неквадратные (треугольные, прямоугольные, ромбические). Рапорт есть часть рисунка до повторения, т. е. тот минимум (практический, не эстетический), который необходим или наиболее выгоден как образец для кратного воспроизведения узора. Термин «рапорт» применяется в промышленности к узорам прямоугольных поверхностей: обоев, материй; но тот же термин иногда с успехом может быть применен и к научному анализу орнамента. Орнаменты могут быть делимые и неделимые или, что то же, прерывистые и непрерывные. Из непрерывного орнамента мотив не может быть выделен, а может быть выделен только рапорт. Так, например, змейка рис. 19 № 12 состоит из рапортов № 125, но эстетическое впечатление змейки не разлагается на эстетические впечатления отрезков № 126. Или: простейший меандр № 13, несомненно, как и змейка, состоит из повторения известных эстетических величин, но эти величины не могут быть отвлечены из него. «Рапорт» такого меандра дает прямо неэстетическое впечатление «отрывка» (№ 14). Обозначьте рапорты такого меандра попеременно синим и красным карандашом, и вы получите эстетическое впечатление орнамента только отвлекаясь от красок. Непрерывные орнаменты состоят из ритмической смены двух или нескольких неразделимых мотивов. Непрерывные орнаменты могут быть как природного, так и геометрического происхождения, сравните ползучее растение № 12а и зигзаг № 11. Спираль (№ 15) есть простой непрерывный мотив, который при удвоении становится прерывистым (№ 16 и 17). По происхождению спираль может быть относима и к природному, и к геометрическому стилю. Таким образом, орнаменты различаются между собою 1) по содержанию своих мотивов; 2) по способу сочетания своих мотивов; 3) по характеру своей рамы. Это — три существенных признака всякого орнамента, на коих должны быть основаны научные

определения. Ограничиваясь приведенным анализом, переходжу к изложению фактов.

§ 30. У южных славян и в России вместе с христианством и письменностью распространялось византийское искусство, в том числе и орнамент. В орнаменте рукописей византийское влияние было почти исключительным: иные художественные влияния проникали в памятники письменности позднее и редко. Орнаменты рукописей делятся на заставки и инициалы. Заставка (слово «заставица» — еще в Архангельском евангелии 1092 г.) есть украшение, стоящее в ширину страницы перед началом крупного отдела текста; инициал есть украшенная буква, стоящая в начале крупного отдела текста. Заставка еще в древнюю эпоху служила нередко рамой для вписанного заглавия. Но только во второй половине XVII в., по западному образцу, в русских рукописях появляются заставки-рамки, занимающие всю поверхность заглавного листа¹⁹. Существуют, кроме того, украшения, стоящие в конце отдела²⁰, и украшения, стоящие в начале отдела на поле²¹. Те и другие должны быть отличаемы от заставок; в древнюю эпоху концевые и полевые украшения просты и мало развиты; последние служили для того, чтобы обратить внимание на начало отдела, мало выделяющегося в самом тексте (на начало второстепенного отдела, отмеченное малою заставкой, инициалом или ничем не отмеченное).

§ 31. Византийский орнамент имеет одну отличительную особенность: рамы его состоят исключительно из основных архитектурных мотивов, т. е. это те простейшие геометрические формы, которые содержались в поздней античной архитектуре: прямоугольники, арки, круги, треугольники. При этом для византийских рукописей необходимо различать заставки большие и малые. Малые заставки были получены Византией от каллиграфии позднего античного периода и состояли главным образом из простейших природных и геометрических мотивов; то были: волнистая травка, змейка, зигзаг, мелкие полукружия, уголки, заковыки, чередующиеся черточки (вертикальные и горизонтальные или наклонные разного рода); рама малых заставок — невыраженная, в виде узкой прямоугольной полоски; по концам малой заставки нередко поставлена простая веточка. В таком виде

¹⁹ По старой французской терминологии *Frontispice*.

²⁰ По старой французской терминологии *Cul de lampe*; в современном типографическом искусстве для такого орнамента установился термин «концовка», недавно заимствованный с польского (*końcówka*). В старой славянской каллиграфии известен термин «рука», означающий обычный тип концовки: писанный текст на последней странице суживается книзу воронкой, которая охватена снизу раздвоенною веткою, исходящею из зажатой руки.

²¹ В поздней старообрядческой каллиграфии полевое украшение называется цветком, так как в рукописях XVIII и XIX вв. оно носит растительный характер.

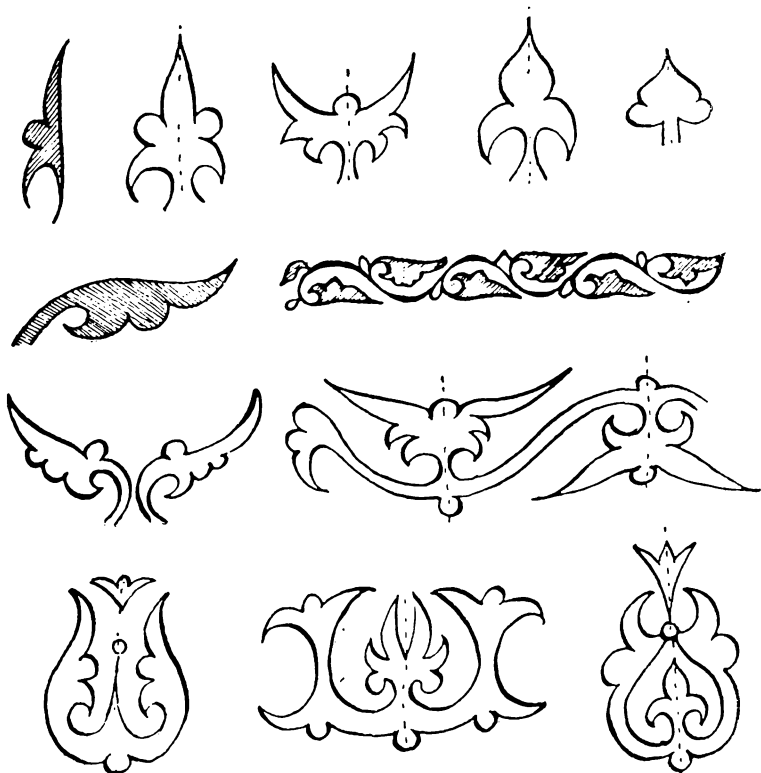

Рис. 20. Византийский орнамент

эти заставки, мало изменяясь, продолжали существовать во все периоды византийского искусства, применяясь в начале второстепенных отделов; в том же употреблении появились узкие полосы жгута и плетенья, заимствованных непосредственно из узорной мозаики христианского периода. Все это переходит к южным славянам и к русским — в скромные рукописи и во второстепенные отделы роскошных. Большие заставки возникают в самой Византии для главных отделов рукописей, особенно — рукописей роскошных. Это наступает в конце IX—начале X в., вместе с периодом наибольшего могущества государства и (что особенно важно для нас) одновременно с возникновением славянской письменности. Большие заставки в рядовых рукописях не очень значительны по размерам и содержат либо (арабского происхождения) комбинации простейшего растительного мотива «ветки» (см. рис. 20), либо (древнехристианского происхождения) плетенье, которое на славянской почве переходит в глаголические рукописи (македонские и хорватские). В роскошных рукопи-

сях заставки получают особый и новый стиль, который есть стиль византийский по преимуществу; на славянской почве он переходит в роскошные рукописи кирилловской письменности (древние восточноболгарские и древнерусские). Большие заставки этого византийского стиля имеют раму, выраженную (см. рис. 21), первоначально — в виде невысокого прямоугольника, нередко имеющего внутри меньший прямоугольник, в коем помещается надпись; если этого нет, то заставка расчленяется внутри другими простейшими геометрическими средствами. В X в. появляется, но до конца X в. малоупотребительна заставка с прямоугольным вырезом внизу (для надписи), а равно подобный тип с полукруглым вырезом; оба типа могут расчленяться внутренне теми же способами, как более старый прямоугольный тип. В конце X—начале XI в. появляется прямоугольный тип на колоннах; между колоннами пишутся заглавия и другие надписи. С XII в. полукруглый вырез бывает больше половины окружности, в XIII в. вырез может получать расчленение и подострение. Типы предыдущих эпох по большей части продолжают существовать наряду с более новыми (см. рис. 21).

Переходим к анализу мотивов большой заставки. По концам заставки могут ставиться: листок, почка, цветок, веточка; иногда по сторонам заставки ставится по более крупной ветке или по целому стилизованному растению; все эти украшения выходят из заставки, т. е. не отделены от нее. В самой заставке помещались иногда живописные изображения, например лик Христа в круговой раме; но, вообще говоря, это редкий случай. Чаще помещались наверху заставки — реально-художественные изображения животных; наиболее распространен в этом применении старый мотив римской мозаики: две птицы по сторонам цистерны, сосуда или растения. Все изменения византийской большой заставки переходят сначала к южным славянам, потом в Россию, в которой они сказываются по большей части веком позднее. Фон описанных больших заставок в роскошных рукописях обыкновенно золотой, на котором во всех внутренних перегородках писаны стилизованные стеблистые растения и цветы; господствующие краски: белая, голубая, розовая, листья — зеленые. С XII в. в рукописях менее роскошных господствует комбинация (и ранее известного) мотива ветки (ср. рис. 20) на красочном фоне или без фона. Еще более простые греческие рукописи (также с X в.) представляют большие заставки, состоящие из жгутов и плетенья в прямоугольных рамах, отчасти выраженных, отчасти невыраженных. Это плетенье получено от древнехристианского искусства, где оно известно в резьбе и мозаике. С XI в. количество таких плетеных и жгутовых заставок у византийцев увеличивается. Византийское плетенье в свою очередь переходит к славянам, у коих оно в древнейшую эпоху особенно распространено в глаголических рукописях.

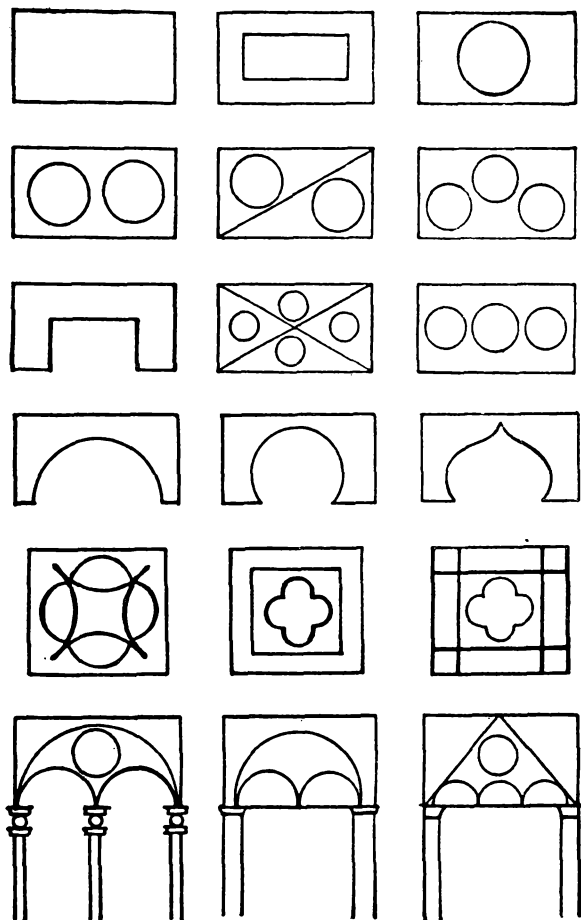

Рис. 21. Схема византийских заставок

§ 32. Греческий алфавит содержит геометрический принцип, ибо состоит из сочетаний прямых линий и дуг, и потому рамы византийских инициалов, как и рамы заставок, представляют основные архитектурные формы. Византийские инициалы развиваются одновременно с большими заставками. И в инициалах рама может быть выражена и наполнена геометрическими мотивами, растительными мотивами или плетеньем, но рама инициалов часто бывает невыраженная, а природные мотивы инициалов, кроме стилизованных растений, очень часто представляют реально-художественные изображения растений, животных и человека (или их частей) и притом в таких комбинациях, которые оставляют нетро-

путыми или почти нетронутыми основной рисунок буквы, в чем можно убедиться, рассматривая такие инициалы на расстоянии. Здесь, следовательно, буква является как бы каркасом для изображений. Вот образцы таких букв: а ствол дерева, слева на стволе долящий дятел, иногда со ствола его заглядывает змея; в змея на стволе дерева: два больших извива и ствол образуют букву; у е язычок в виде благословляющей руки; и м н — две человеческие фигуры, различно сближенные оконечностями; л, л' и у (т. е. о) с змеиными головками на верхних конечностях; у дерево, на нем две птички, головами врозь; у две змеи: хвосты сплелись жгутом, головы вверху и обращены друг к другу; ф в виде колоса с двумя загнутыми вниз листками; т в виде лисицы-продавца, несущей на шесте двух повешенных петухов; ш цветок, на двух боковых ветвях — по птичке и др. (см. рис. 22).

§ 33. Когда византийский орнамент вместе с установлением письменности переходил к славянам, в крупных славянских центрах возникали довольно точные подражания византийскому стилю, о чем свидетельствуют русские списки, восходящие к восточноболгарским рукописям X в.: Остромирово евангелие 1056—1057 гг. и Изборник Святослава (собственно — Симеона) 1073. Тот же византийский стиль заставок и инициалов находим в дотатарский период в более поздних роскошных рукописях, например, в Мстиславовом евангелии (писано около 1115—1117 гг.) и других, недатированных русских памятниках до начала XIII в. включительно. Но надолго и у всей массы славянских писцов и рисовальщиков ни основной принцип византийского орнамента, ни его высокая техника не могли удержаться. Народные мастера вообще стояли дальше от цареградских оригиналов, нежели каллиграфы Преслава, Киева и Новгорода. Народные мастера упрощали произведения цареградского стиля, примешивали к нему народно-фантастические мотивы, а в инициалах отчасти нарушали каркас; те же явления встречаются, хотя не часто, и в провинциальных византийских рукописях, которые своими орнаментами также могли влиять на славян (например, в монастырях Афона и вообще в сфере непосредственного влияния греческой церкви). Это порождало орнаменты упрощенного и огрубевшего, но в принципе все еще византийского стиля, так как все мотивы были византийского происхождения, нарушения каркаса были не слишком значительны, и какой-нибудь новый общий принцип не возникал из указанных перемен. Орнамент этого рода называют варварской разновидностью византийского стиля, а также переходной манерой. Эта манера называется так потому, что, не представляя самостоятельного стиля, она в то же время составляет переход от стиля византийского к стилю тератологическому, о коем ниже. Древнеболгарская Саввина книга XI в. — характерный памятник этой варварской манеры: грубо рисованные и небольшие заставки Саввиной книги состоят из

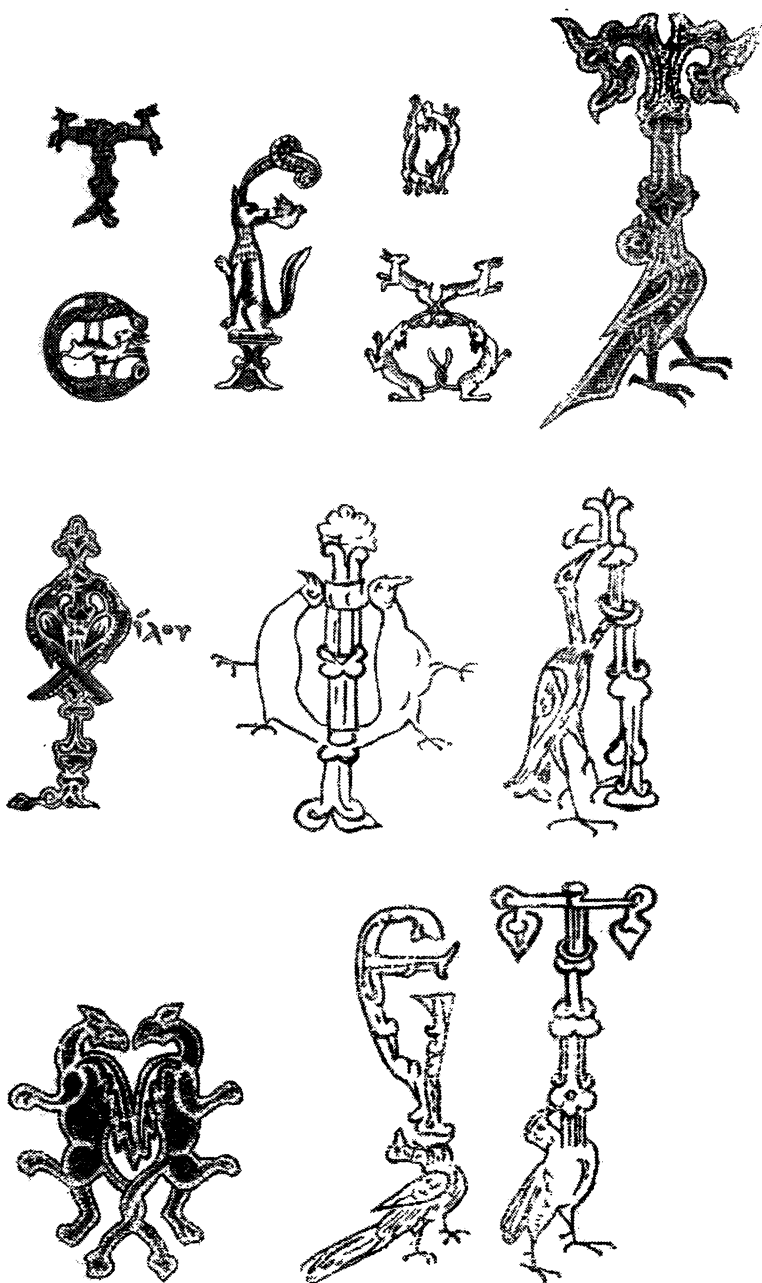

Рис. 22. Инициалы византийского стиля

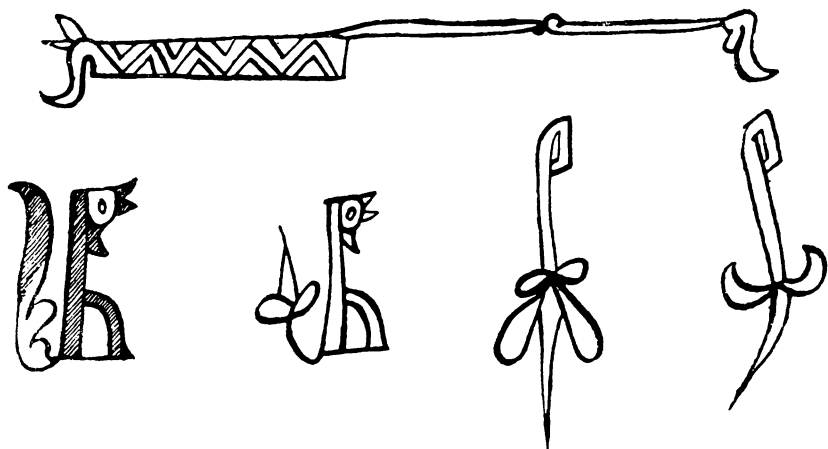

Рис. 23. Заставки и инициалы Саввиной книги XI в.

узких полосок жгута или простейших геометрических мотивов, иногда с края такой заставки вместо ветки находим ушастую морду, а инициалы той же рукописи содержат фантастическое животное и фантастическое растение (см. рис. 23, инициалы *p* и *v*). Несколько причин вызвало эту «варварскую» манеру: простое непонимание деталей византийского мотива, огрубление рисунка при копировке, наклонность обращать растительные формы в звериные: простейший народный прием, состоящий в пририсовке глаз, ушей, хвоста, обращал плетень в змею, а ветку — в зверя. Глаголические рукописи XI в. изобилуют жгутами и плетеньем, а глаголические инициалы своими странными очертками прямо вносили смутно фантастические представления (рис. 24). То и другое переходило в кирилловские копии. Эта «варварская» манера должна была существовать в болгарских областях уже в X в., ибо мы находим ее в «XIII словах Григория Богослова» — русском списке XI в. с древнеболгарского оригинала; несомненно, что орнаменты этой рукописи только перерисованы в России, ибо самостоятельное развитие варварской манеры начинается в России в XII в. Эта «варварская манера» в России XII в. не представляет явлений столь грубого народного характера, какой мы находим, например, в старославянской Саввиной книге XI в.

§ 34. А. Тератологический стиль²² сложился в инициале и здесь должен быть изучаем в своих свойствах. Тератологический инициал принципиально отличается от византийского отрицанием геометрических рам и каркасов. Это — первый существен-

²² Ср. греческое *téras* «чудовище», термин «тератологический стиль» введен в историю искусства Ф. И. Буслаевым.

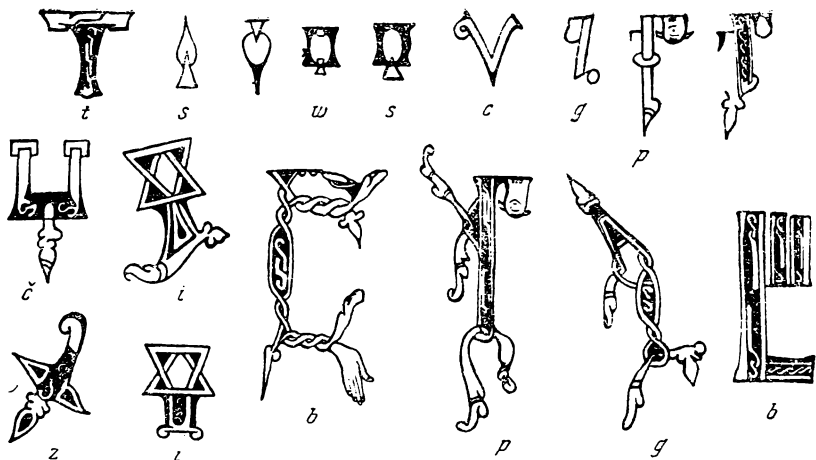

Рис. 24. Инициалы глаголического синайского требника XI в.

ный признак тератологии. Переходная манера еще сохранила то и другое, отличаясь от византийского стиля главным образом начавшейся переработкой мотивов. Тератологический инициал, наследовав и развив далее мотивы переходной эпохи, дал мотиву «живого существа» (змея, птица, четвероногое, позднее — человек) не только вполне свободное, но прямо самостоятельное значение, т. е. обратился в известного рода миниатюру, вследствие чего буква даже на расстоянии является неузнаваемой или узнается с трудом. Эта нечеткость инициала вызвала к жизни новый прием: новгородские тератологические инициалы XIV в. нередко изображают контур буквы не самым рисунком, а его фоном, например голубое пятно в и на нем тератологическая фигура. Вторым существенным признаком тератологии состоит в том, что старые мотивы «живого существа», «плетенья» и «растения», ранее раздельные, теперь слились неразрывно, образуя фантастический образ. Поясним это примером. Византийский инициал р состоял из столбика и полукруга; рама могла быть выраженной и невыраженной; в первом случае в столбик могла быть вписана полоска жгута или лисья, в полукруг — человеческое лицо; во втором случае вся буква могла быть изображена в виде змеи, поднявшейся вверх и изогнувшей голову полукругом; или столбик мог быть сохранен, а головка буквы изображена в виде загнувшейся ветки. Переходный инициал р состоял из столбика, а ветка вверху, получив глаз и уши, обращалась в звериную морду. Тератологический инициал изображает р в виде стоящего чудовища с хвостом в виде ветки, с плетеным жгутовым телом и с небольшой головкой; такое р неотлично от i. Или тератологический инициал изображает р в виде чудовищной птицы: крыло и хвост

ее — внизу и направлены влево; невероятно длинная шея идет вверх и, выпустив ветку, делает петлю вправо: чудовищная морда, обратившись назад, пытается перегрызть собственную шею²³.

В. Тератология всего ранее сложилась у болгар и, по историческим условиям, здесь образовались два областных разряда — тератология народная и техническая. Оба разряда возникли, вероятно, в XII в., процветали в XIII и начали падать в XIV в. Тератология народная возникла в Македонии, где славянская письменность в XII—XIV вв. была лишена постоянного и крупного центра. Тератология техническая возникла в восточной Болгарии и оттуда с начала XIII в. стала переходить в Россию, не вытесняя ни византийского стиля, ни переходной манеры. Оба разряда болгарской тератологии сходятся в отрицании рамы и каркасов, а равно в спайке мотивов, но резко различаются между собою по содержанию мотивов. Народная тератология основана на народных рисунках переходной манеры: мотиве глаз, ушей и хвоста, коими плетень обращено в змею, а ветка — в упастую морду. Мотив змеи господствующий: он образует кроме инициалов также заставки. Только во второй половине XIII в. в инициале народной тератологии появляется (в огрубевшем виде) птица, заимствованная у тератологии технической, или восточноболгарской. Техническая тератология основана на инициалах, содержащих мотивы плетеные, растительные и животные, причем стиль выработался главным образом на инициалах и, в, г, р, всего чаще встречаемых в славянских украшаемых церковных книгах (евангелии, апостоле, псалтыри). В отличие от византийского стиля и переходной манеры, употребляющих свои мотивы раздельно и умеренно, техническая тератология употребляет их в неразрывных и сложных комбинациях. Типичный инициал технической тератологии представляет птицу или зверя (четвероногое), выбрасывающих изо рта листву и опутанных плетеньем, исходящим из хвоста (или у птицы — также из крыла). Тератологическая заставка технического разряда сложилась из симметричного соединения двух таких инициалов, получивших общую прямоугольную раму с плетеными узлами по концам и по середине верха. Эта техническая тератология предполагает более умелых рисовальщиков и, следовательно, — более роскошные рукописи и более крупные культурные центры, что вместе взятое находим вновь только в восточной Болгарии с самого конца XII века (второе болгарское царство). Но восточноболгарские рукописи этой эпохи не дошли до нас. Мы судим с восточноболгарской технической тератологии по копиям: по русским рукописям XIII в. и по македонской Болонской псалтыри, писан-

²³ Отдельные тератологические мотивы (т. е. отдельные случаи неразрывного сочетания мотивов животного существа, растения и плетенья) находим в России еще в XII в. Но эти редкие новообразования еще не делают в орнаменте стиля, т. е. общего принципа.

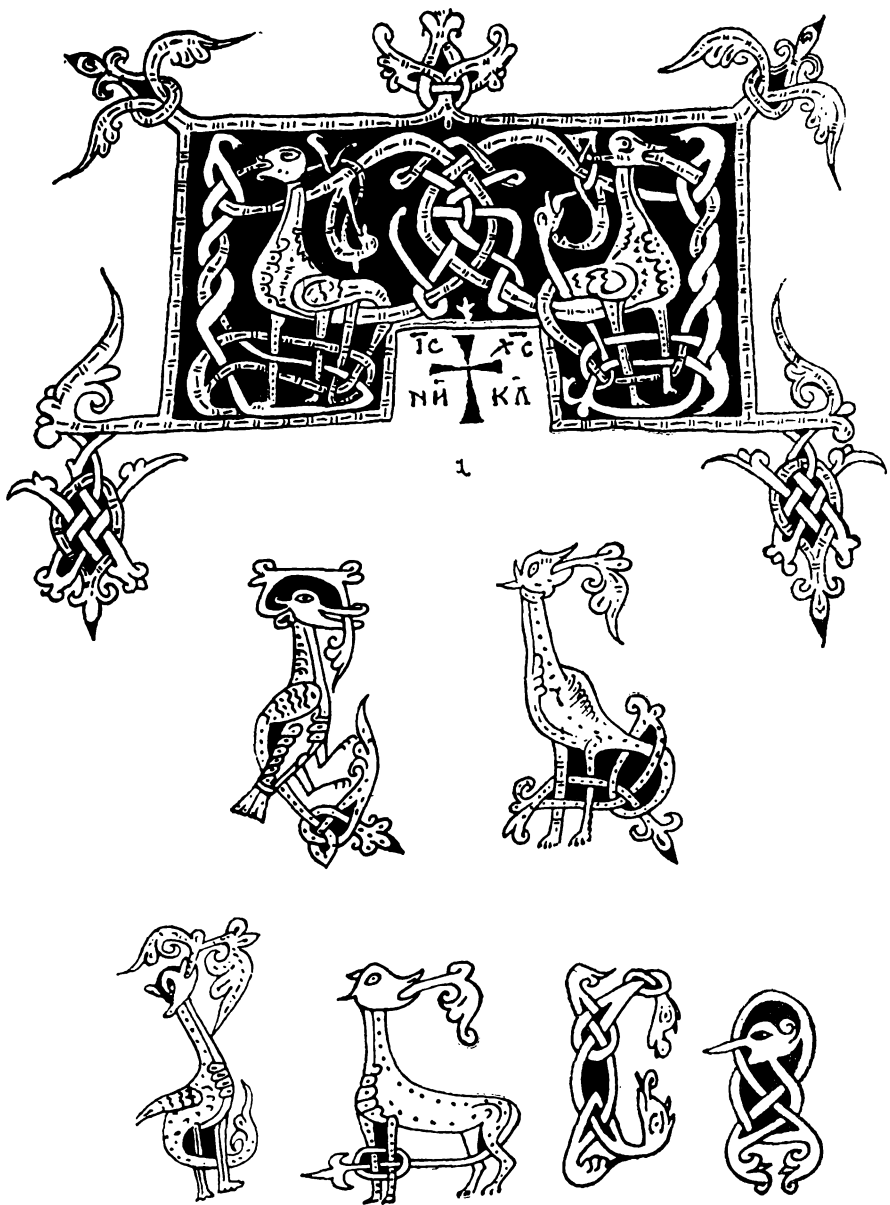

Рис. 25—26. Заставка и инициалы Боловской псалтыри XIII в.

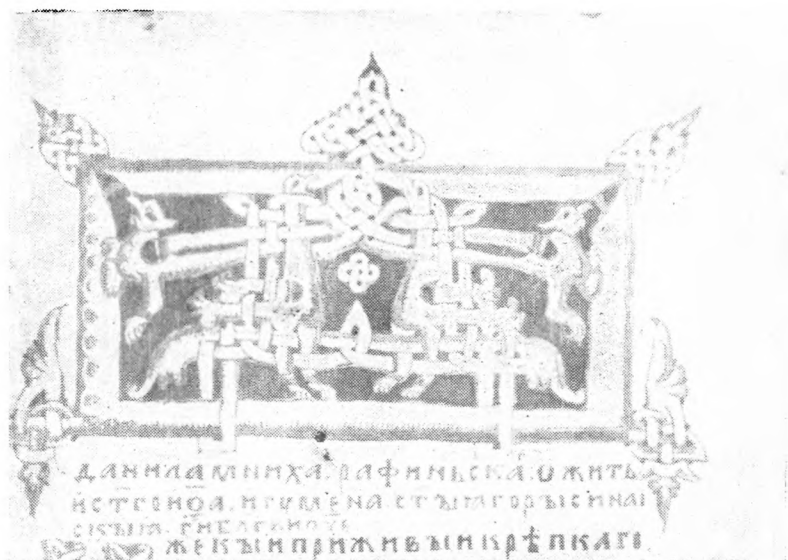

Рис. 27. Заставка тератологического стиля рус. XIV в.

ной в Охриде в такое время (1230—1241), когда этим городом владел царь восточной Болгарии Иоани Асень II. Эти копии близко сходятся не только в мотивах и общих схемах инициалов и заставок, но также в красках: употребляются краски красная, зеленая, желтая — отчасти врозь, отчасти две и три одновременно. В XIV в. в восточной Болгарии одновременно распространяются два стиля: при дворе — стиль неовизантийский, у всей массы провинциальных и народных каллиграфов — так называемый балканский или плетеный стиль; оба эти стиля получены из Византии, где они стали модными в XIII в. Об этих стилях говорится несколько ниже, по поводу их перехода в Россию. В середине XIV в. при дворе царя-книголюбца Иоанна Александра возникли (сохранившиеся и до наших дней) роскошные лицевые рукописи, из коих одна, так называемая псалтырь Томича, содержит также орнаменты: в заставках ее уже господствует нововизантийский стиль (чистый и с болгарскою примесью), в инициалах же проходят, чередуясь, два стиля: нововизантийский и другой, высокохудожественный стиль, объединяющий элементы византийские и западные с единственным тератологическим пережитком: мотивом красивой змеиной головки с веткою в пасти.

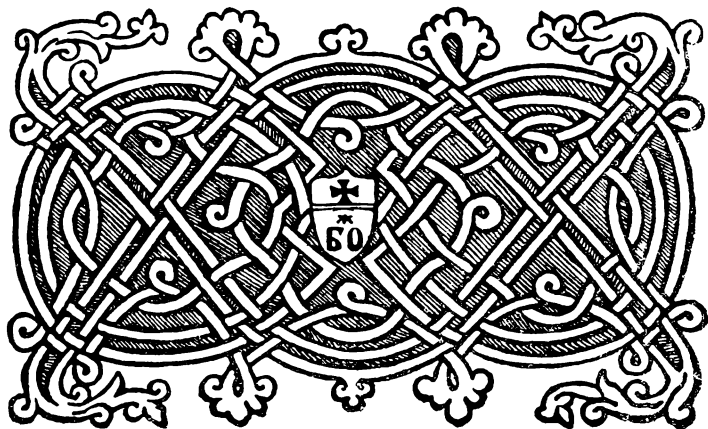

Рис. 28. Заставка балканского стиля печ. 1519 г

§ 35. Россия XIII в. живет преимущественно болгарской технической тератологией в мотивах и колорите, и таким образом господствующей краской является красная, желтая и зеленая (одновременно или порознь). Но с конца XIII в.²⁴ в России появляется иная, более гармоничная раскраска: бесцветные (как и ранее) изображения в красных (киноварных) контурах с легким оттенком желтыми черточками выступают на голубовато-зеленом, ярко-голубом, а с XIV в. — на спокойном серо-голубом фоне. Этот последний колорит справедливо считается господствующей особенностью рукописей Новгородской области XIV в.; рукописи псковские, западнорусские XIV в., а равно Московское евангелие 1339 г. (Сийское)²⁵ представляют борьбу старого болгарского колорита с новым новгородским, а, например, рязанские рукописи с тератологическим орнаментом совсем не имеют серо-голубого фона, а по большей части только зеленый. Рязанская область еще замечательна и тем, что в ней тератологический орнамент употребляется еще и в XV и XVI вв., между тем как севернее и западнее он (кроме незначительных переживаний) исчезает еще

²⁴ Румянцевское евангелие 1270 г. (ГБЛ, РУМ 105. — *Прим. ред.*) рисунком и красками своего орнамента близко сходится с болгарскою Волоцкой псалтырью XIII в., но в то же время этой рукописью 1270 г. впервые точно датируются следующие явления в инициале русской тератологии: 1) мотив птицы с профильною человеческою головою; 2) фопом, а не рисунком инициала обозначается иногда контур буквы; 3) голубая краска кое-где встречается в инициалах (см. альбом В. Стасова, табл. 62).

²⁵ Собрание ВАН. — *Прим. ред.*

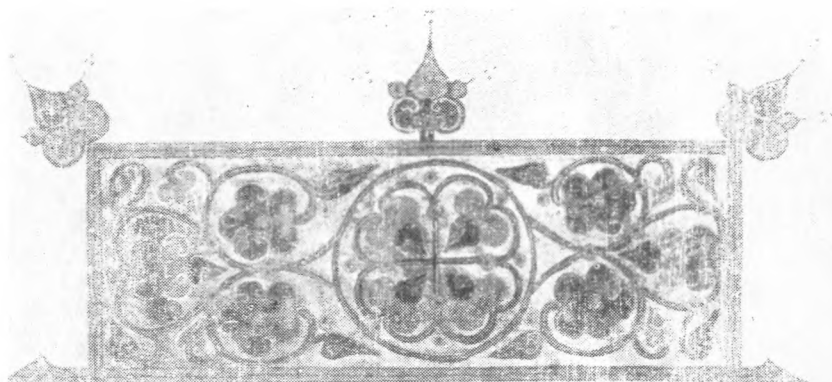

Рис. 21. Заставка византийского стиля XVI

в начале XV в. под напором югославянских влияний. С начала XIV в. — в инициалах, а потом и в заставках русских рукописей появляются цельные (т. е. с оконечностями) профильные человеческие фигуры тератологического стиля; это новый мотив, которого не имела болгарская техническая тератология. В византийском орнаменте и в переходной манере встречались инициалы с человеческим лицом в петле буквы или с цельными, но свободными человеческими фигурами. В тератологии несвободные человеческие фигуры (неразрывно связанные с плетеньем) появляются только в России с начала XIV в.

§ 36. Югославянское влияние вытесняет тератологию в западнорусском, Московском и Новгородском государстве с начала XV в.; взамен того распространяются орнаменты двух стилей: нововизантийский и балканский. В Новгороде, Москве и других крупных центрах великорусской жизни постепенно прививается византийский орнамент, состоящий из стилизованных растений на золотом фоне в рамках геометрического характера. Этот орнамент, переносимый из Болгарии и Византии, в подробностях несколько отличается от более древнего византийского орнамента того же характера (так, например, внутреннее расчленение рамки бывает теперь сложнее, а в России при этом сказывается нередко также влияние нового западного циркульного черчения) и называется обыкновенно неовизантийским орнаментом. Из XV в. сохранилось очень мало русских рукописей этого стиля, но в XVI в. он господствует в роскошных рукописях Московского государства: в эпоху Грозного нововизантийский

стиль в Москве и Новгороде остается орнаментом высших классов.

§ 37. В западной и юго-западной Руси и в самом Московском государстве господствует в XV в. главным образом жгутовый и плетеный орнамент, который, ввиду своего широкого распространения у южных славян и у румын в XIV—XV вв., называется также балканским орнаментом. Мотивы этого орнамента: жгуты, плетенье в прямую клетку, плетеные ленты, плетенье из кругов, бесконечная восьмерка и др.; иногда ремни этих плетений изображены реальные, иногда геометричные. В простых рукописях это — контурные узоры, выведенные киноварью, в более роскошных господствует очень пестрая раскраска с преобладанием болгарских тонов — красного, желтого, зеленого. Как сказано, в XV в. этот стиль всего более распространен и в великорусских рукописях, между тем как неовизантийский стиль только еще прививается, сначала — в своем болгарском варианте, потом в более строгих образцах, идущих из Византии.

В рукописях западной и юго-западной Руси балканский стиль господствует и в XVI в., причем в западных и юго-западных роскошных рукописях находим более красивое, на золотом фоне, плетенье румынского происхождения, а не народное болгарское. В XVI в. в юго-западных рукописях появляется иногда чисто итальянский орнамент «Высокого Возрождения».

§ 38. В московских рукописях XVI в. внутри нововизантийской заставки появляются клейма (узорные рамки) старопечатного стиля, т. е. содержащие как главный мотив крупные травы, иногда со стилизованными плодами или цветами, исполненные черной краской по белому полю. В первой половине XVI в. так украшаются редкие роскошные или любительские экземпляры. Но при Феодоре Иоанновиче и Борисе Годунове нововизантийская заставка со старопечатными клеймами становится довольно распространенной модой. Так называемый старопечатный стиль прошел долгий вековой путь развития в рукописях, прежде чем был применен в первых книгах русской печати. Он складывался постепенно, сперва во взаимосвязи с мотивами итальянского Возрождения, прошедшими переработку в родственной нам балканской письменности, а затем путем творческого использования русскими мастерами итальянской печатной книги эпохи Ренессанса и южнославянских изданий.

Все это проникло постепенно, мотивы отбирались и перерабатывались лучшими каллиграфами эпохи, которые мастерски связывали их с мотивами предшествовавших русских стилей. В последнюю, может быть, очередь появляются мотивы также и немецких печатных украшений, прошедших, однако, ту же переработку в стиле Возрождения, так как немецкие мастера этой эпохи работали и в Италии и в Испании. Окончательное завершение этим мотивам дает Иван Федоров, который для Апостола

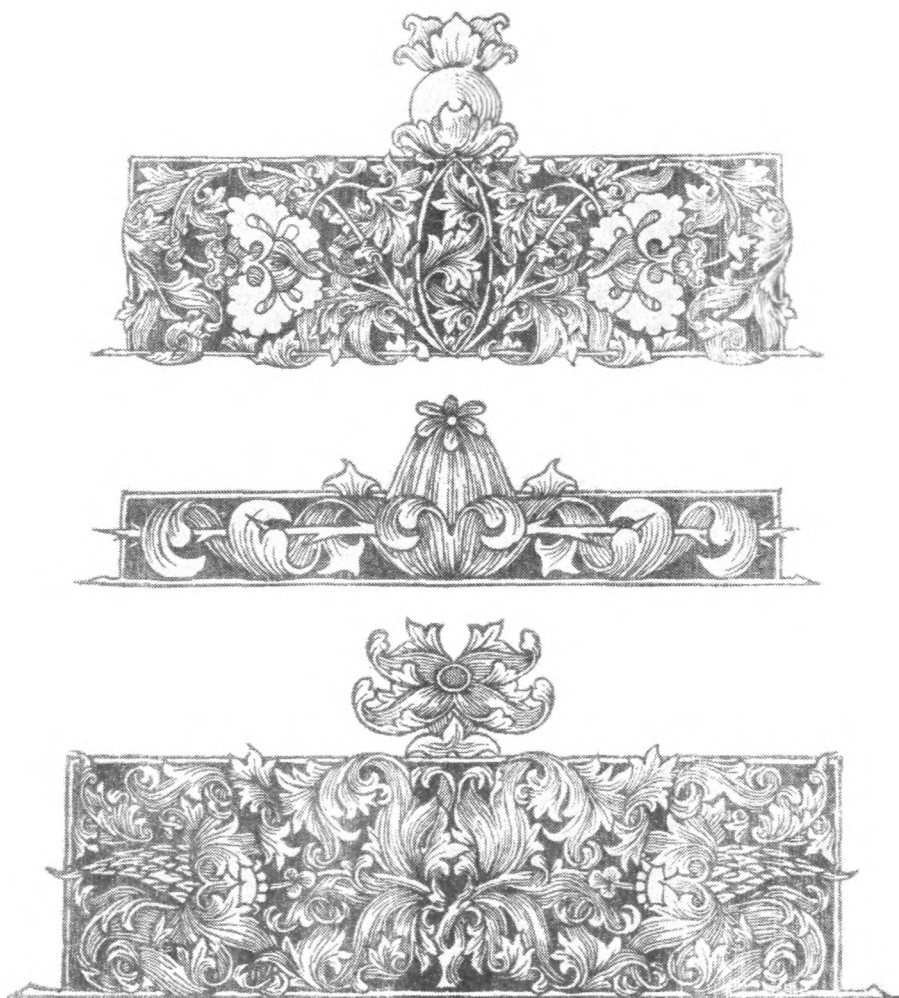

Рис. 30. Старопечатный орнамент. Апостол 1564 г.

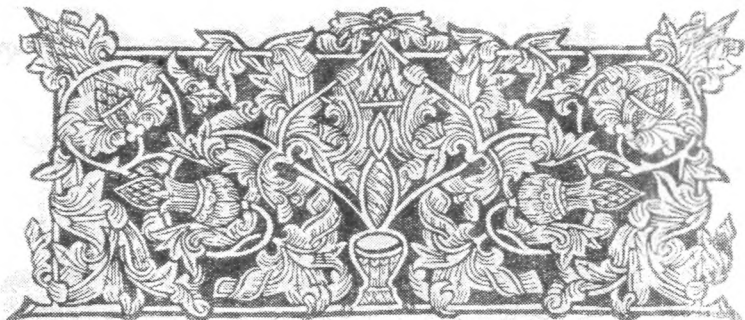

Рис. 31. Апостол старопечатный, в лист. Москва, 1638

1564 г. взял лучшие образцы, выработанные его предшественниками²³.

§ 39. А. После Смутного времени византийский стиль быстро исчезает, а старопечатный стиль начинает господствовать как в заставках, так и в инициалах. Старопечатный стиль есть главный стиль русского XVII в.; при этом находим раскраску двух родов: 1) Травы белые в черном поле исполнены в гравюрной манере, т. е. с легкой штриховкой, а иногда с немногими золотыми или киноварными линиями; или же, наоборот, поле белое с черными травами; в обоих случаях, как в старопечатных книгах, одна главная краска — черная, а белые части рисунка образует некрашенная поверхность бумаги. 2) Те же травы старопечатного характера являются в белом, черном, золотом или красочном поле, а сами они слегка или сплошь расцвечены разными красками. Оба вида раскраски переходят и в XVIII в., но раскраска разноцветная в XVIII в. преобладает. В самом конце XVII в. и начале XVIII в. в Москве печатались на особых листах и продавались заставки-рамки (в лист и в четверку) мелкотравного рисунка того же старопечатного стиля: такие листы вклеивались в рукописи в качестве заглавных листов.

В старопечатных книгах, коих орнаменты служили образцами для рукописей, заставки главных отделов имели прямоугольную раму, а заставки отделов второстепенных часто состояли из трав, свободно поднимающихся вверх с горизонтальной черты, служа-

²³ Настоящий текст § 38 представляет собой заключение работы ученицы В. Н. Щепкина Е. В. Зацепиной: «О происхождении старопечатного стиля» (сб. «У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 154).

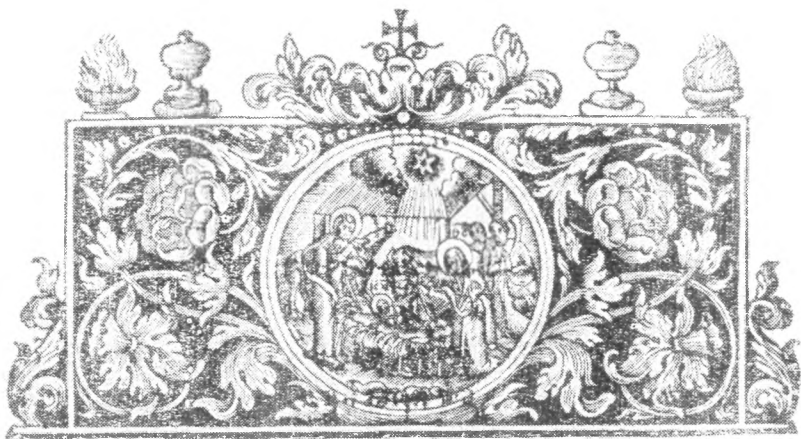

Рис. 32. Анфологион старопечатный. Москва, 1706 г.

щей им основанием. С середины XVII в. в русских рукописях свободные травы, без рамы, являются и в виде главной заставки (ср. рис. 36).

§ 39. В. Но наряду с старопечатными травами со второй половины XVII в. в заставках и инициалах Московского государства появляется орнамент стиля барокко, т. е. западный орнамент XVII в. Этот стиль зарождается в Италии еще в XVI в.

Рис. 33. Авостол старопечатный. Москва, 1638 г.

(ср. рис. 37), но приходит к нам в своем немецком и польском вариантах и во второй половине XVII в. становится модным при Московском дворе и у патриарха, т. е. представлен в немногих роскошных рукописях, украшенных иноземцами или их русскими выучениками. Барокко может заключать в себе разные растительные мотивы и, между прочим, изображения реальных

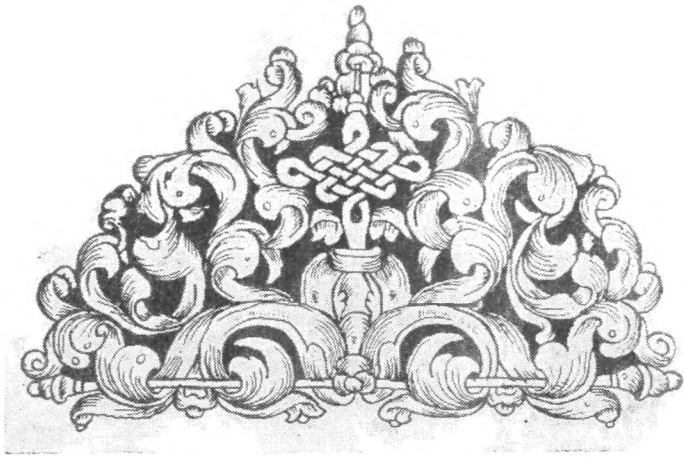

Рис. 34. Старопечатный стиль 2-й половины XVII в.

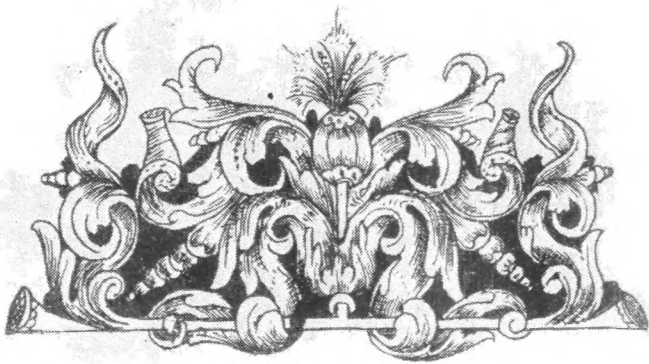

Рис. 35. Старопечатный стиль с элементами барокко 2-й половины XVII в.

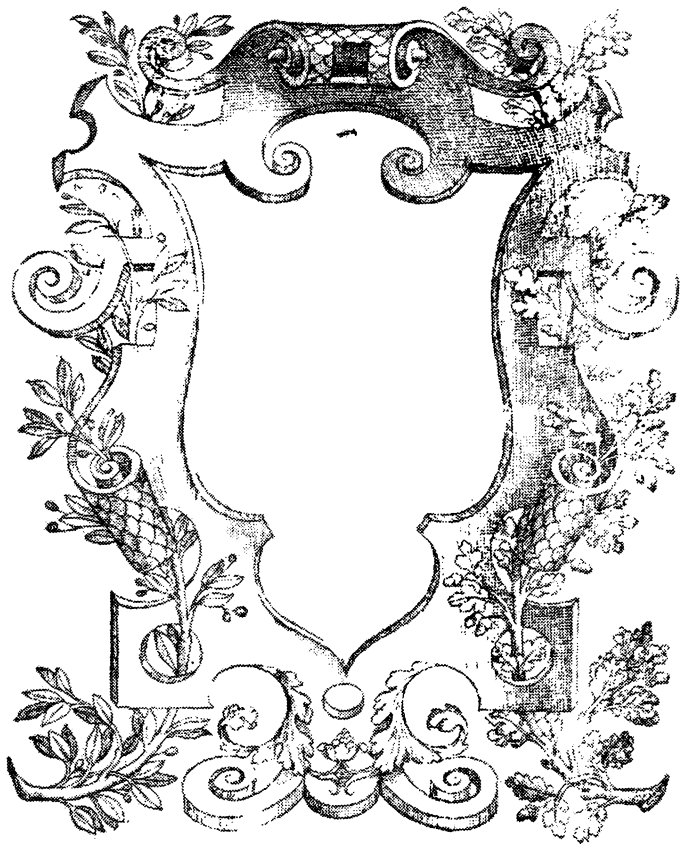

Рис. 36. Итальянский заглавный лист середины XVI в.
(гравировал Себастиано Серлио около 1552 .)

растений — листьев, цветов и плодов, но только в неразрывном сочетании с мотивами высшей (аналитической) геометрии: эллипсисом, спиралью, а равно их частями, с излюбленными ломаными поворотами. С практической точки зрения это — узоры, сущность которых составляют кривые и ломаные линии, найденные на лекале (лекало есть особая узорная линейка, которой пользуются и современные технические рисовальщики); это те узоры, которые на Западе с конца XVI и в течение всего XVII в. появляются в украшении архитектурных деталей — фронтонов, карнизов, наличников, а равно во всех отраслях художественной промышлен-

Рис. 37. Русская гравюра середины XVIII в., грубый барокко голландского происхождения (Зосима и Савватий Соловецкие)

ности — в лепке, резьбе, прорези, чеканке и т. д. Барокко в течение XVII в. господствует в пределах Польши, в южнорусских и западнорусских старопечатных изданиях. В Москве чистый, или западный барокко, появившись в середине XVII в., оставался новою модою верхов. От чистого, или западного, барокко следует, однако, отличать барокко московский, или смешанный: как, с начала московского книгопечатания, в нововизантийскую заставку врываются клейма старопечатных трав, так с середины XVII в. в Москве отдельные мотивы барокко проникают в старопечатную травную заставку. Сначала это наблюдается в московских печатных изданиях: в травной заставке этих изданий появляются священные изображения в эллиптических или узорных

Рис. 38. Русская гравюра конца XVII—начала XVIII в.
(образец московского роскошного барокко)

клеймах стиля барокко, или же вычурные линии стиля барокко сплетаются с травами заставок. Под конец века такое смешение вообще распространено в великорусских рукописях. В царских и патриарших рукописях второй половины XVII в. этот смешанный, или московский, барокко дает роскошный вариант: к черной и цветным краскам присоединяется золото: в одной и той же заставке, разделенной на поля вычурными линиями барокко и имеющей в центре узорное клеймо, находим травы белые или разноцветные в золотом поле, или травы золотые и черные в поле белом или красном. Непосредственно из этого роскошного варианта московского барокко вырабатывается несколько упрощенный, но очень близкий к нему поморский стиль орнамента, который процветает в старообрядческой каллиграфии всего севера и востока России в течение XVIII и XIX вв. Поморскому стилю

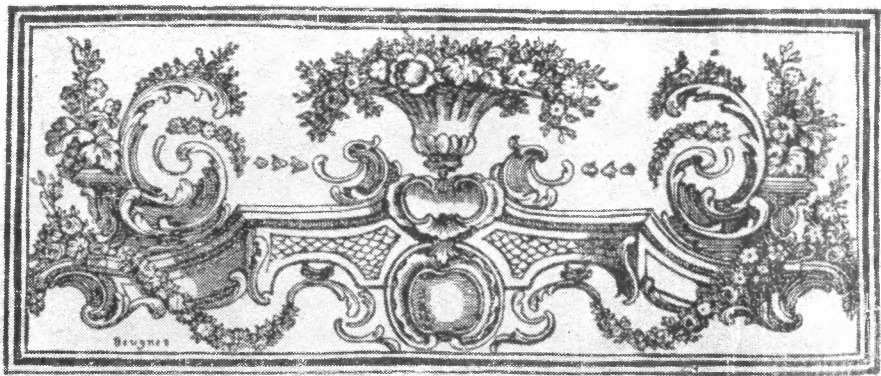

Рис. 39. Переход от рококо к стилю Людовика XVI (французское издание 1783 г.)

свойственны: золотой фон и белые или разноцветные травы, пересеченные вычурными линиями. Наряду с поморским стилем в XVIII в. продолжает жить простой московский барокко. Вообще барокко в течение всего XVIII в. более любим в русских рукописях, нежели чистый старопечатный стиль. Наряду со стилизованными старопечатными травами в XVIII в. появляются в России более реальные немецкие травы XVIII в., отчасти крупные и пушистые, отчасти мелколистные. Вкус к стилю барокко поддерживается в России XVIII в. многочисленными произведениями церковной печати, расходящимися по всей стране.

§ 40. В XVIII в. богатое орнаментальное творчество проявляет Франция. Французские стили орнамента называются обыкновенно по эпохам правления; к XVIII в. относятся: стиль Регентства, стиль Людовика XV, стиль Людовика XVI. Последним оригинальным французским стилем был «ампир», или стиль империи Наполеона I. Французские стили орнамента, проникая в высшие классы русского общества, сравнительно мало отражаются в тех рукописях, которые служат только народным массам. К французским стилям XVIII в. принадлежит также «рококо». Рококо состоит из разнообразных сочетаний только одного мотива, который восходит к раковине, взятой в профиль, и общей схемой напоминает человеческое ухо²⁷. Рококо не

²⁷ Этот мотив ясно выступает в стиле Регентства и (особенно) в стиле Людовика XV. Основным этот мотив становится под рукою таких мастеров, как ювелир и декоратор Juste Aurelle Meissonier (ум. 1750 г.), которого современники считали изобретателем «нового» стиля. Сложившийся стиль рококо в менее художественном, но типичном виде особенно широко распространился в Германии.

Рис. 40. Аугсбургская гравюра середины XVIII в.

имеет выраженной рамы и лишь нехотя, подобно стелющимся растениям, придерживается естественных границ поверхностей (книжных листов, окон, дверей и ворот, контуров всевозможной мебели и утвари), образуя несимметричные клейма эллиптической, овальной, грушевидной формы. В России стиль «рококо» появляется с Елизаветы Петровны (1741—1761) в бытовой обстановке высшего общества. Рококо распространено еще и при Екатерине II и в эту эпоху проникает, между прочим, в книги церковной печати, где оно сначала соединяется с предыдущими стадиями

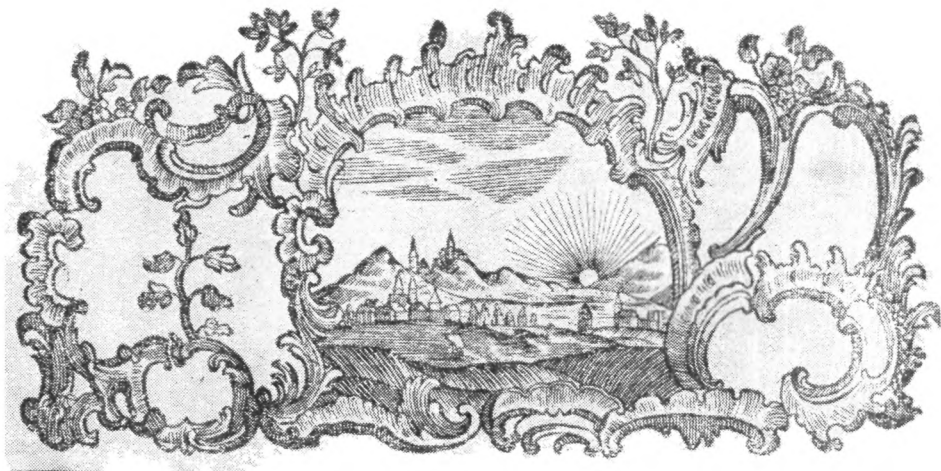

Рис. 41. Заставка венского издания 1766 г.

Рис. 42. Заставка из Московского служебника 1767 г.

Рис. 43. Заставка из книги Дмитрия Ростовского. Москва, 1786 г.

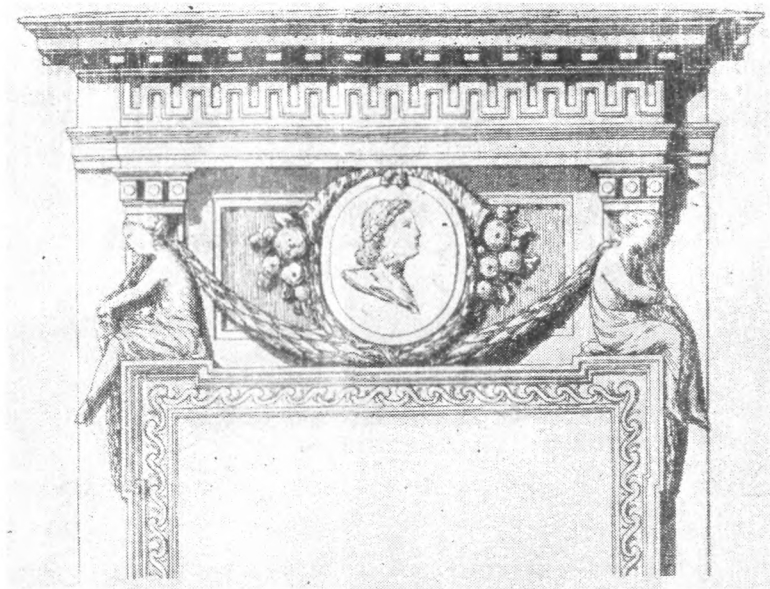

Рис. 44. Стиль Людовика XVI (из французского издания 1763 г.)

орнамента: старопечатными травами и линиями стиля барокко (рис. 42). Несколько позднее рококо является в церковной печати в чистом, но довольно грубом виде, который указывает на немецкий источник (рис. 43).

Орнамент Людовика XVI есть кратковременное возвращение к роскошным и в то же время простым мотивам Высокого итальянского Возрождения (нач. XVI в.). Орнамент ампир есть воскрешение римского орнамента императорской эпохи. Естественно, что в том и другом стиле является и нечто оригинальное, отличающее его от источника. Оба стиля заключают в себе огромное количество мотивов и, кроме того, восходя к родственным источникам, имеют много мотивов общих. Различение стилей Людовика XVI и ампир возможно на основании некоторых любимых мотивов того и другого, но точное определение обоих стилей возможно лишь по их общей тенденции.

В выборе и комбинации мотивов ясно сказывается совершенно различная цель обоих стилей: стиль Людовика XVI есть орнамент частной жизни, стиль ампир — орнамент официальный. Стиль Людовика XVI есть спокойная и красивая роскошь старой аристократии, стиль ампир — холодная pompa новой империи и

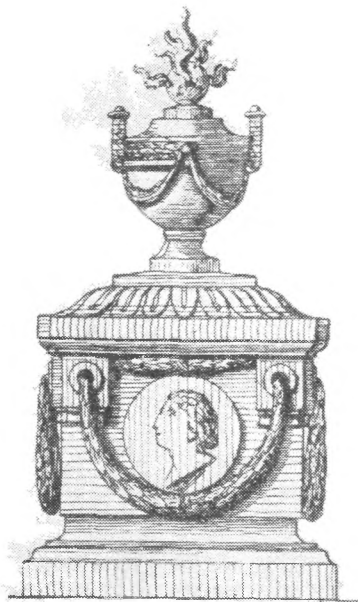

Рис. 45. Стиль Людовика XVI
(из французского падания 1763 г.)

выдвинутого ею нового общественного класса. Орнамент Людовика XVI реально-жизнерадостный, чуждый всякой символики: как в жизни, так и в книге он изображает роскошную частную обстановку и притом обстановку пирушественную: желобчатые колонны и пилястры с роскошными капителями коринфского остролистника; античные меандры по архитектурным линиям; легкие балюстрады по карнизам и между окнами; кариатиды; статуи и вазы, расположенные по карнизам, в нишах, простенках, у подножия колонн; венки и гирлянды из лавра и роз; рога изобилия и корзины, полные плодов и цветов. В книжном орнаменте вазы, гирлянды и цветы (особенно розы) являются любимыми мотивами стиля Людовика XVI. В годы Великой революции французский орнамент становится символическим: он черпает из римского орнамента его политические и военные эмблемы.

Из стиля Революции прямо вытекает стиль Империи: республиканские символы сменяются императорскими (например, фригийская шапка — орлом); военные символы остаются, принимая главным образом победный характер; возникает целая система символов государственной, общественной, церковной, торговой, промышленной, научной и художественной деятельности и природных явлений. Преобладают, однако, эмблемы государственные и военные. Архитектура стиля ампир простая и холодная, воспроизводит основные формы античного храма с дорическими колоннами. Стилю Империи свойственно монотонное, почти скупое применение неисчерпаемых декоративных мотивов начала Римской империи и отчасти греческих. Полоски остролистника, пальметки, скромные венки и гирлянды из дубовой или лавровой листвы, изображение античных доспехов и оружия, медальоны со сценами, заимствованными с античных барельефов или ваз, грифоны, сфинксы — вот любимые мотивы стиля ампир; рама стиля ампир — всегда простая и строго архитектурная; мотивы разбросаны в ней не свободно, а в строгой и простой симметрии.

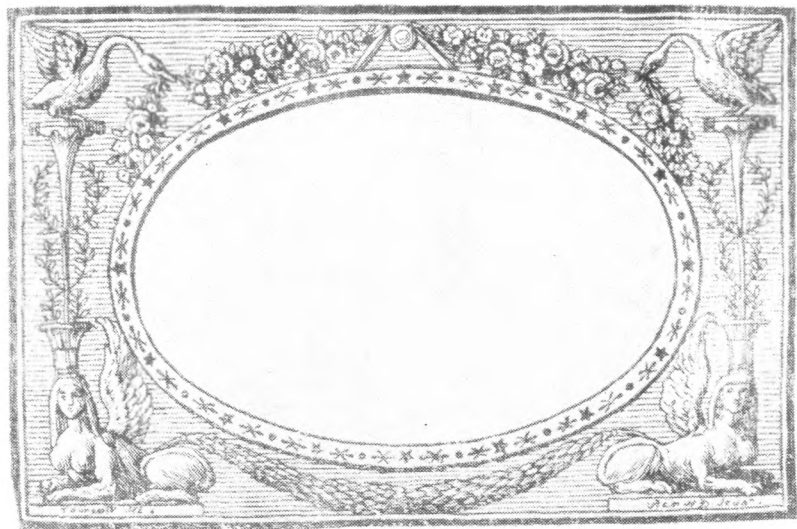

Рис. 46. Стиль амбир (из французского издания 1808 г.)

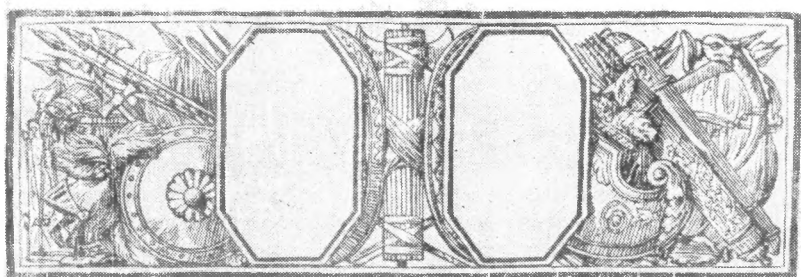

Рис. 47. Стиль амбир (из французского издания 1808 г.)

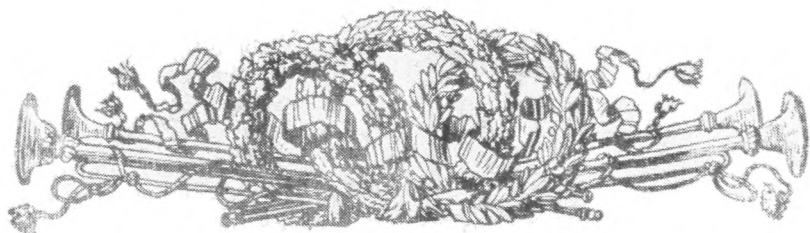

Рис. 48. Стиль амбир (из французского издания 1808 г.)

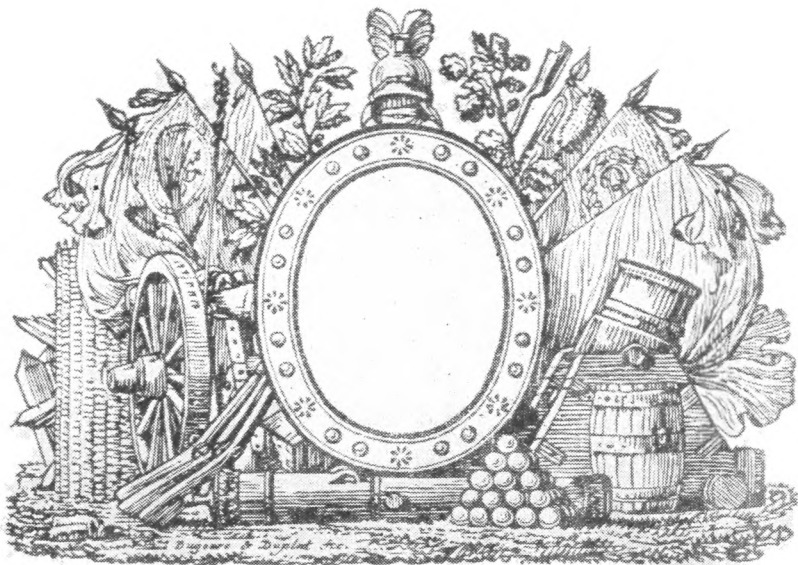

Рис. 49. Стиль ампир (из французского издания 1808 г.)

Все эти французские стили редки в народных рукописях уже потому, что они требовали большого художественного навыка. Но все эти французские стили можно встретить в альбомах, сборниках стихов и других рукописях, служивших культурному классу. Что касается русской архитектуры и бытовой обстановки высших классов, то здесь знакомство с французскими стилями имеет существенную важность: стиль Людовика XVI широко распространяется в этих областях при Екатерине II, стиль Империи — при Александре I. Следует помнить, что в этом случае, как и в других, мы имеем лишь начальные, или отправные даты; так, например, рококо, появившись в середине XVIII в., не исчезало у нас целых сто лет, продолжая жить наряду со стилями, появившимися позднее, и отчасти вступая с ними в сложные комбинации. Равным образом стиль Империи продолжает господствовать в России и при Николае I. Эти поздние варианты стилей рококо и Империи имеют, разумеется, свои особенности.

VII. МИНИАТЮРА

§ 41. Собираательное «миниатюра» и множественное «миниатюры» обозначают картинки в письменных памятниках, сделанные в красках и от руки.

Рис. 50. Миниатюра из Менология Василия, X в.

Слово «миниатюра» заимствовано русским языком через посредство французского языка из итальянского. Слово *miniatura* произведено от глагола *miniare*, который сам произведен от *minium* «сурик» и таким образом *miniatura* первоначально обозначало письмо или разрисовку красною краскою, затем оно стало обозначать «росписной инициал» и «картинку в рукописи», еще позднее — «картинку (в красках) очень малого размера» и, наконец, — понятие «малый размер». Два первоначальных значения слова исчезли, три остальных сохранились. В России исстари употреблялись свои термины: рукопись украшенная (сряженная, обряженная) и рукопись лицевая. Первый термин относился к переплету и орнаменту, последний — к изображениям лиц, т. е. к тому роду миниатюры, который господствовал как в древнерусской, так равно в югославянской и византийской письменности; таким образом для старой греко-славянской культуры термин «лицевой» является точным синонимом термина «иллюстрированный».

§ 42. Главным видом живописного искусства в Византии и у православных славян была иконопись, т. е. религиозная живопись с общим созерцательным настроением и определенным стилем, вызывавшим это настроение. Миниатюра, особенно русская,

находилась в зависимости от иконописи уже по своему преимущественно религиозному содержанию, а также и потому, что иного стиля живописи, кроме иконописного, на русской территории долгое время совсем не существовало. Впрочем, в иконописи стиль всегда выдержан строже и последовательнее, почему она служит мерилом для оценки стиля миниатюры и его изменений. С другой стороны, миниатюра содержит несравненно больше точных хронологических дат, нежели иконопись, и потому миниатюрой можно пользоваться для датировки икон. Не все особенности иконописи одинаково полно выражены в миниатюре: так, в миниатюре труднее, ввиду ее размеров, наблюдать изменение выражения ликов, а равно изменения в технике и колорите раскраски ликов; эти две стороны изображения вообще недоразвиты в миниатюре. Напротив того, в миниатюре можно следить хронологические различия в рисунке фигур, пейзажа и зданий, а равно хронологические различия в употреблении и сочетании различных цельных красок. Ввиду большой редкости памятников югославянской миниатюры и большой распространенности русских лицевых рукописей в этом очерке говорится преимущественно о палеографических датах русской миниатюры.

§ 43. Общая эволюция русской миниатюры состоит в частичной утрате различных черт византийского искусства и частичном приобретении различных черт искусства западного, первоначально — главным образом через немецкое посредство. Пейзаж на миниатюре изображался горный, с редкою растительностью. Горы в основе изображались реальные, одного определенного типа — уступчатого или лестничного, который в географии носит название сбросовых гор. В XIV в. у нас и у южных славян изображались большие, расчлененные глубокими ущельями массивы в несколько крупных ступеней; иногда изображался один такой массив. В XV в. этот, почти архитектурный шаблон сбросовых гор становится реальнее: рисуются массивы, завалившиеся назад или нависшие, а отдельные площадки ступеней не так правильны. В XVI в. рисунок гор становится снова геометричнее и в то же время орнаментальнее: массивы опять вертикальны, площадки правильны и притом мелки, а самые верхние из них сзади оканчиваются полукружиями; крутизна ступеней очень различна. В том же XVI в., но гораздо реже, встречаются горные массивы с манерно искаженным рисунком: уступы гор вообще изображались в три четверти, и следовательно в одну сторону (обыкновенно — влево), массив оканчивается рядом углов; искажение рисунка состоит в том, что углы изображаются в виде каких-то корабельных или птичьих носов, а площадки, лежащие вправо, вовсе не изображаются; эта манера древнее русского XIV в. и была, вероятно, принесена в Москву из Византии еще в XVI в. при зарождении московской иконописи; прототип этих гор встречается в византийской миниатюре еще в XII—XIII вв.,

Рис. 51. Миниатюра из Менология Василия, X в.

а в Италии эта горная схема была получена не позднее XV в. В XVII в. лестничная схема изображается редко и очень шаблонно, обыкновенно же в XVII в. гора рисуется лишь в общем силуэте, с некоторым оттенком теневых частей и неровностей горной поверхности, причем обычным силуэтом гор в XVII в. является «седловина», т. е. впадина с двумя холмами по сторонам; холмы склонились к краям рисунка. В иконописи лестничная схема изображалась в XVII в. только в самых лучших каллиграфических иконах, причем во второй половине XVII в. ступени обратились в ряд каких-то мелких стелющихся ветвей, или же вся гора обращается в какое-то кустистое растение. Эта манера переходит и в XVIII в., но в миниатюре она обыкновенно не встречается. В миниатюре русской XVIII в. пейзаж, если изображается, то реальный, западного происхождения, состоящий из деревьев и трав.

§ 44. Здания, или по старой терминологии палаты, палатное письмо, до середины XVI в. изображались на русских иконах почти такими же, как на византийских иконах и миниатюрах, только палатное письмо русских икон по большей части беднее и проще. Что касается русской миниатюры, то она только до середины XV в. носила иконописный характер²⁸. Со второй

²⁸ Для понимания древней славянской миниатюры очень важен Менологий, или лицевой месяцеслов, написанный около 1000 г. для византийского императора Василия II (шурин Владимира Святого); это рукопись той

половины XV в. в русской миниатюре сказывается влияние западных рисовальщиков: рисунок становится бойче, перспектива лучше и разнообразнее; иноземцы с натуры изображают реальные русские здания новгородско-псковской, владими́ро-суздальской и московской архитектуры, между прочим появляется изображение московского Успенского собора; куполам вместо старой византийской формы (полусферической) придается русская, луковичная форма. Одновременно старые архитектурные типы комбинируются в более сложные группы. Лицевых рукописей XV в. дошло до нас немного, но все указанные новшества продолжают жить и в более многочисленной русской миниатюре XVI в., в которой являются две замечательные школы: новгородского архиепископа Макария в первой половине века, школа Грозного — во второй. Миниатюристы Макария, изображая райские

эпохи, когда византийское искусство переносилось на Русь. (Оригинал хранится в Ватиканской библиотеке в Риме. Рисунки воспроизведены гравюрой в издании кардинала Албани: «Menologium graecorum», Урбино, 1727; 2-е издание фотографии. Турин, 1907.) Если исключить роскошные архитектурные фасады и портики, на фоне которых в Менологиях изображены обыкновенно апостолы, пророки, епископы, игумены монастырей, служители церкви, то оставшаяся архитектура Менология окажется довольно простой и в своих типах однообразной; с дальнейшими упрощениями и отчасти с искажениями те же типы воспроизводились югославянскими и русскими рукописями. Рукописи до середины XV в. содержат следующие типы: колонна, башня, квадратная в плане, с плоской крышей, иногда открытой, нередко с расширенным карнизом; такая же башня, крытая на один скат, редко — на четыре; восьмиугольный или круглый храм, крытый шатром, но сокращенный до типа башни; прямоугольный храм, крытый двускатно (нередко с сокращением в башню), редко — крытый полуцилиндром; прямоугольный храм, крытый двускатно, с двумя односкатно покрытыми крыльями, т. е. — реальная базилика в три нефа (гораздо чаще — сокращение: с одним боковым нефом); киворий, или надпрестольная сень, разных видов. Все перечисленные типы изображают реальную архитектуру древнехристианской эпохи; из типов византийской эпохи изображались: круглый храм с куполом на тамбуре; квадратный храм с куполом на тамбуре; редко — пятиглавые храмы того же типа. Кокошники фасадов в реальной византийской архитектуре были полукруглые, но на миниатюре они изображались полукругло, двускатно и узорно: в виде полукружия с подстрешением и в виде трехлепестной арки. Двускатные и узорные кокошники заимствованы миниатюрой непосредственно из изображений аркад (портиков) и дверей, причем узорные аркады появляются в византийской миниатюре еще в XII в. Все перечисленные типы еще в византийской миниатюре вступали в комбинации, т. е. составляли архитектурные группы; самую сложную из них составляло изображение города: круглая высокая стена с башнями квадратного плана; внутри стен теснятся здания различного вида. Византийская миниатюра в перспективном отношении имела различные приемы палатного письма: 1) изображение фасадное, по возможности совершенно избегающее перспективных задач; 2) изображение с угла: горизонт (линия глаз) проходит по середине изображаемого, зрительный центр (линия переносицы) проходит через угол здания; 3) изображение с птичьего полета: горизонт лежит выше середины изображаемого; 4) изображение снизу: горизонт лежит ниже середины изображаемого, в этом последнем приеме у византийцев всего больше ошибок против перспективы. Все четыре приема переходят в славянскую миниатюру, но изображения с птичьего полета и фасадные преобладают.

и сказочные палаты, доводили порою комбинации традиционных типов до очень сложных архитектурных нагромождений, которые должны быть названы фантастическими в том смысле, что совершенно неисполнимы в реальности и грозят падением. Среди новгородских мастеров уже могли встречаться пришельцы с Запада, но западное влияние вообще еще не сказывалось в строго церковной миниатюре Макария. С переходом Макария на Московскую митрополичью кафедру, мастера его следуют за ним в Москву и, по-видимому, здесь начинают вносить в свое палатное письмо схематические изображения реальных храмов владимиро-руздальской и московской архитектуры, в том числе церквей с кокошниками крыши, образующими несколько рядов. Реальные храмы новгородско-псковского типа, с восьмискатным покрытием (по два ската на каждом фасаде) всего менее проникли в русскую икону и в русскую миниатюру.

Рис. 52. Архитектурная деталь из Лицевого летописного свода XVI в. (работа мастеров царя Ивана Грозного)

§ 45. После великого московского пожара 1547 г. мастера Макария, для восстановления церковной стенописи, иконостасов и икон соединяются в одну группу с различными другими дружинами мастеров, и из взаимодействия разных манер письма возникает царская школа. Во второй половине XVI в. миниатюристы Грозного (его «мастерская палата») работают между прочим над так называемым «Лицевым летописным сводом» — огромной лицевой летописью, доведенной от сотворения мира до конца царствования Грозного (почти все тома этого труда дошли до нас). Кроме новгородской традиции XVI в., мастера Грозного пользуются также западными гравюрами и, вероятно, имеют в своей среде и западных выходцев. В изображениях царских дворцов и внутренних видов больших городов мастера Грозного создают палатное письмо — необычайно роскошное и богатое мотивами, куда между прочим входят и некоторые западные типы, ранее в русской миниатюре не встречаемые; главный из них — внешний ступенчатый наличник двускатного фронтона²⁹ (рис. 52). В XVII в. палатное письмо русских миниатюр очень просто и ограничи-

²⁹ Такой наличник хорошо известен как в светской архитектуре позднего готического стиля, так и в немецкой миниатюре той же эпохи. Он должен быть отличаем от ступенчатого внутреннего украшения двускатных фронтонов, каковое встречается на византийской миниатюре и получено ею от христианского искусства (ср. ступенчатые узоры, вписанные в квадрат на христианских мозаиках).

вается по большей части несколькими шаблонными типами; ступенчатый фронтон очень редок. С середины XVII в. в палатах сказывается, постепенно усиливаясь, западное влияние через посредство гравюры библейского содержания, немецкой и голландской ³⁰.

В лучших произведениях московской иконописи второй половины XVII в. (иконы царского иконописца Симона Ушакова и его учеников) палатное письмо роскошно и сложно, оно пользуется всеми архитектурными эффектами западного Возрождения. унаследованного палатного письма русских икон и отчасти реальной архитектурой Москвы; это виртуозное палатное письмо перешло в лучшие Палеховские иконы XVIII и начала XIX в. и вообще к иконописцам, но не проникло в рукопись ввиду своей сложности. Палатное письмо русских рукописей XVIII в. продолжает жить шаблонами XVII в., прибавляя к ним некоторые (немногие) западные типы. При изображении внутренней обстановки (тронов, балдахинов, мебели, лепных украшений) в рукописях XVIII в. (второй половины) нередко является рококо. реже — стиль Людовика XVI — ср. рис. 53 на стр. 93, миниатюра из Цветника XVIII в. (Собрание Исторического музея) ³¹. Ср. миниатюры XVIII в. с роскошным западным орнаментом (Муз. 350 ³¹ — Сборник с заставками и фронтисписами стиля барокко или Муз. 45 ³¹. Страсти, где миниатюры даны в рамках стиля рококо).

§ 46. Употребление красок менялось по эпохам. В эпоху пергаменных рукописей миниатюры сильно грунтовались белилом (свинцовым), и на белиле же мешались краски, которые накладывались сильными мазками, что давало эффект пластичности. Эта византийская, но сильно огрубевшая в России техника миниатюры исчезает в эпоху бумажных рукописей: бумага допускала более легкую технику акварельного характера, которая, не без влияния западных мастеров, распространилась в нескольких вариантах. Если и встречаются немногочисленные бумажные рукописи (даже в XVI в.), миниатюры коих сильно грунтованы и писаны густыми красками, то это редкие непосредственные копии с миниатюр на пергаменте; такова лицевая Уваровская палея XVI в. ³², писанная для окружающих Грозного с лицевой пергаменной Палеи XIV в., которая дошла до нас и хранится в библиотеке Александро-Невской лавры ³³. На обычной, легко промокающей бумаге эта техника не дает хорошего рельефа. В миниатюрах XVI в. краски более разнообразны и богаты оттенками вследствие умелого смешения; золото употребляется только

³⁰ Особенно влияла в эту эпоху гравированная Библия Пискагора, известная в Москве по крайней мере с середины XVII в.

³¹ Собрание ГИМ. — *Прим. ред.*

³² Собрание ГИМ. — *Прим. ред.*

³³ Собрание ГПБ. — *Прим. ред.*

Рис. 53. Элементы западных стилей в миниатюре XVII в.

в миниатюрах иконного характера (например, в больших изображениях евангелистов в евангелии) и то почти только для «света» (т. е. фона) и венцов (сияний, ореола). В XVII в. краски немногочисленны и просты, т. е. являются по большей части лишь в основных, несмешанных тонах. Во второй половине XVII в. в рукописях более роскошных (не говоря уже о царской мастерской палате, где тогда работали и иностранцы) наряду с красками иногда в изливестве встречаются зото́то и (реже) серебро (что не исключает грубости или сухости рисунка и бедности композиций). С другой стороны, во второй половине XVII в. очень распространена раскраска, довольствующаяся тремя красками: желтой, красной, зеленой в простых, основных тонах; четвертая краска — чернила, исполняет контуры и иногда глубины (адскую бездну или внутренность зданий, видимую в окна и двери); комбинация этих простых тонов так находчива и спокойна, что мысль о бедности цветowych средств совершенно не возникает у наблюдателя. Эта «манера в три краски» переходит и в XVIII в. В течение XVIII в. наступает новое осложнение цветовой гаммы: не говоря о появлении красок иного состава и потому нового оттенка, сменявших старую киноварь, празелень и охра, в миниатюре под конец XVIII в. и в XIX в. появляются совершенно новые основные цвета: ярко-лиловый и малиновый (кармин), совершенно чуждые старой русской миниатюре.

§ 47. Рисунок фигур, обыкновенно скрытых одеждами, в эпоху пергаменных рукописей, т. е. в эпоху господства византийского стиля, носит скульптурный характер: резкими контрастами светлых и темных тонов обозначаются наибольшие выпуклости и впадины; складки одежд крупны и довольно прямые, как на толстых шерстяных материях; все это в конце концов наследие форм, найденных античной скульптурой. В XV в. русская миниатюра восприняла (через гравюру и непосредственно) влияния западной живописи, которые, как мы видели, выразились и в переходе к более легкой, акварельной манере. В этой манере фигуры обнаруживались менее пластично, но в то же время детальнее; позы и жесты стали менее общи и драматичнее. Однако все эти заимствования не создали нового направления: они остались более или менее случайными и не поколебали основ византийского иконописного стиля. В XVI в. так называемая новгородская манера, которая была господствующей и лучшей, представляет своего рода регламентацию византийского рисунка фигур с установлением прямых и резких линий. В миниатюре Грозного рисунок в общем тот же, но с примесью некоторого ремесленного и отчасти манерного (западного) реализма в обработке складок одежд. XVII век вообще имеет более плохой рисунок: господствуют унаследованные прямые и простые линии, но они исполняются лишь по рутине, без представлений о формах скрытого тела, и потому фигуры не вырисовываются под одеждами, не

3

Судья снисходительный и милосердный, выслушав
своей странѣ, подвину гонимые, иудеи и протестанты, да
никогда не разлучаются эти слова Вафля и бѣды, сущи
роды, пророки сѣ и въ святости своей истратили, тогда

не успевая, есть покаяние и исповедание, но и извѣстна
милость, тогда же и исповедание, и исповедание, и исповедание
господи иже слышитъ;

Рис. 54. Стиль барокко в русской миниатюре XVII в.

имеют рельефа и нередко плохо стоят. Фрязь (т. е. западные живописные манеры, главным образом барокко, вторгающийся в иконопись со второй половины XVII в.) в сфере рисунка мало проникает в миниатюру, ибо рисунок фрязи слишком сложен и браваурен для народных миниатюристов, но иногда и в миниатюре конец XVII в. сказывается обилием мелких и сложных складок в одеждах, как бы изображением более легких шелковых материй; складки барокко являются и в оригинальной иконописной обработке — наподобие облаков и крыльев ангельских (рис. 54). Фрязь переходит и в XVIII век. В сфере ликов фрязь дает многочисленные портретные и жанровые изображения и таким образом отражает русскую действительность.

VIII. ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

§ 48. А. Водяными знаками, или филигранями называются те прозрачные знаки, которые видны на бумаге, на свет. Водяными знаками они называются по большей прозрачности, полученной как бы от промокания бумаги, а филигранями — по своему линейному характеру, напоминающему ажурные узоры из тонкой серебряной и золотой проволоки (называемые филигранной работой). Водяные знаки были различны по месту изготовления бумаги и менялись во времени.

Бумага есть древнее восточное изобретение, и ее русское название есть восточное слово, происхождение которого, впрочем, в точности не установлено. Западные названия бумаги перешли на нее с более ранних материалов письма — пергамента (позднее латинское carta, charta) и папируса (франц. papier).

Оставляя в стороне древнейшую историю бумаги, заметим, что арабские рукописи писались почти исключительно на бумаге; бумага распространялась и во всех странах арабского владычества. С начала XII в. она стала входить в употребление в Византии, Италии и Испании. Бумага не сразу стала употребляться для документов и актов, ибо довольно долго считалась непрочным материалом. Распространение бумаги явилось первым крупным событием в судьбах письменности: бумага содействовала ее чрезвычайному удешевлению. Понятно, что одно книгопечатание, без бумаги, не могло бы произвести окончательного переворота, ибо механическое размножение отдельных памятников письменности было бы немислимо без дешевого и в техническом отношении благодарного материала.

До последнего времени палеографами различались два вида бумаги: бомбицина и собственная бумага. Предполагалось, главным образом на основании внешнего вида, что бомбицина изготовлена из хлопка, бумага — из пенькового или льняного тряпья. Бомбицина толста, желтовата, иногда сильно выглажена,

волокониста в разрыве. Настоящая бумага не имеет этих качеств в такой мере. Восточная и древнейшая европейская бумага была именно бомбициной. Таким образом, предполагалось, что с Востока принесена в Европу только техника бумаги из хлопка и что бумага из льняного и пенькового тряпья — изобретение Европы. Микроскопический анализ показал с тех пор, что предполагаемая бомбицина изготовлена вовсе не из хлопка, а из тряпок (пеньки или льна), как и всякая другая бумага.

В. Бомбицина, название которой сохраняется теперь условно, есть не более, как древнейшая бумага (восточная и западная) несовершенной техники; она легко узнается по внешнему виду, без особого труда отличается от грубых сортов бумаги позднейшего времени и благодаря этому содержит хронологическую дату. Бомбицина характеризуется толщиной, волокнистостью, неравномерной плотностью: плохо измельченная масса пестрит на свет темными пятнами, которые иногда имеют вид хлопьев; кусочки тряпок были находимы целиком в листах бомбицины; они и решили вопрос об ее материале. Поверхность бомбицины, то шероховатая и грубая, то, напротив, лоснится от сильной проклейки и тщательного разглаживания зубом³⁴, который нередко оставлял ясные следы (полосы). Эта древнейшая бумага постепенно делается тоньше, яснее на свет и мало-помалу переходит в бумагу обычного вида. Бомбицина в западноевропейских рукописях есть признак XIII в., в Византии же мы встречаем эту древнюю бумагу вплоть до половины XIV в. Славянских рукописей, писанных на этой древнейшей бумаге, до сих пор не встречено. Но есть югославянские рукописи, писанные на византийской бумаге, составляющей переход от древнейшей техники к позднейшей; отличие этой византийской бумаги составляют вертикальные линии, расположенные полосками — по три линии в ряд. Общую особенность бомбицины, или точнее — древнейшей бумаги, является отсутствие в ней специальных водяных знаков и неясность или грубость водяных линий горизонтальных (*vergeures*) и вертикальных (*pontuseaux*), а иногда особое расположение этих последних.

С. С начала XIV в. итальянская усовершенствованная бумага с водяными знаками начинает вытеснять на Балканском полуострове восточную бумагу и уже в середине XIV в. встречается в балканских рукописях. В течение XIV в. исключительно, а в течение XV преимущественно — вся Европа пользуется итальянской бумагой. Только в XV в. Франция начинает распространять свою бумагу в Европе. В XVI в. Европа как бы разграничена на две половины: южная пишет почти исключительно на итальянской бумаге, северная — преимущественно на фран-

³⁴ Костяной инструмент для выглаживания и лощения бумажных листов. — *Прим. ред.*

цузской. Однако еще в XVI в. на Балканском полуострове является также немецкая бумага, а в России — немецкая и бельгийская. Голландская бумага появляется на международном рынке, в том числе в России, во второй половине XVII в. и остается на нем в XVIII в.³⁵ В России голландская бумага замечательно быстро вытесняет всякую другую. Во второй половине XVII в. в Московском государстве работали и собственные бумажные мельницы; исторические сведения о них имеем с 60-х годов XVII в.; но сама бумага русского производства дошла до нас в основном только с начала XVIII в.; в своих водяных знаках она имеет двуглавого орла и подражания голландским знакам.

§ 49. С XIII в. в западной бумаге устанавливаются два постоянных размера листов: один приблизительно соответствует нашему писемному листу, другой — вдвое больше него. Более разнообразные размеры появляются в связи с книгопечатанием только в XVI в. Различение форматов даже переплетенных рукописей производится легко на основании места водяного знака. Лист бумаги (не для печатания) поступал в продажу сложенный вдвое, и водяной знак на листе помещался с таким расчетом, чтобы он пришелся на первой странице согнутого листа, посередине нее. Иногда меньший водяной знак (контрамарка) помещался на второй странице. Лист или исписывался в том виде, как поступал к писцу, или сгибался писцом во второй, третий, четвертый раз для получения меньших форматов, или наоборот раскрывался — для получения двойного формата. Таким образом рукопись, писанная в раскрытый лист, имеет на каждом своем листе главный водяной знак (о контрамарке далее не говорим) в верхней или в нижней половине листа и, кроме того, на каждой странице имеется поперечный след сгиба. Рукопись листового формата имеет водяной знак посередине страницы, но не на каждом листе своем: если рукопись писана и переплетена отдельными вдвое согнутыми листами, водяной знак в рукописи окажется через лист; если рукопись писана и переплетена целыми тетрадами, водяной знак окажется на нескольких листах ее подряд, затем окажется столько же листов рукописи без водяного знака, затем столько же с водяным знаком и т. д. попеременно. Рукопись в четверку состоит из листов, вторично согнутых пополам, и новый сгиб, поступающий в корешок, следовательно, проходит через водяной знак, который окажется у корешка посередине страницы, притом в половинном виде и не на каждом листке рукописи. Если рукопись в восьмушку, водяные знаки окажутся у корешка вверху или внизу, если в 16-ю долю — у внешних углов обреза вверху или внизу, притом в четвертованном виде. При форматах более

³⁵ Бумага с гербом Амстердама в основном вырабатывается в XVII в. по заказу Голландии на бумажных мельницах Франции, но вывозится и продается голландцами. — *Прим. ред.*

мелких (32° , 64°) положение водяного знака не меняется. Во всем этом можно наглядно убедиться, если мы нарисуем на первой странице листа писчей бумаги какой-нибудь знак и станем затем производить последовательные сгибы и отыскивать, куда попали части нашего знака.

Формат можно определять также по направлению вертикальных и горизонтальных линий. В согнутом листе, в восьмушке, в 32-й доле вертикальные линии редки, горизонтальные — часты. В раскрытом листе, четверке, 16-й доле обстоит наоборот. Следует помнить, что рукопись может быть и смешанного формата, так, например, могут чередоваться листы обычные с листами раскрытыми, сильно обрезанными. Кроме того, существует так называемая длинная четверка, для коей лист сгибается не поперек, а вдоль. В такой четверке линии расположены как в листе, а водяной знак — в половинном виде, но не у корешка посередине, а у верхнего или нижнего обреза посередине. Понятие «формат» на письме и в печати обозначается небольшим кружком после цифры сверху: 1° , 4° , 8° , 16° , 32° .

Названия форматов в старой русской письменности были иные, чем теперь. Формат листовой назывался «в десть» (десть есть известное количество листов), наша четверка, или кварт, назывался «в полдесть», наша восьмушка, или октав, назывался «в четверть». Формат в раскрытый лист назывался «в дестный лист». Термин «лист» обозначает также отдельные листки рукописи любого размера и формата.

О формате пергаменных рукописей говорят условно, имея в виду нормальные размеры, свойственные тому или другому формату бумажной рукописи. Надо помнить, однако, что формат бумажной рукописи может получать и ненормальные размеры: может быть листовой формат сильно обрезанный, подходящий размером на четверку; может быть четверка, размером подобная листовому формату, если в четверку сложен большой, или так называемый александрийский лист.

§ 50. Бумага до установления машинного способа производства изготовлялась ручным способом: из чана при помощи формы, или прямоугольной рамки с проволочную сеть, черпалась жидкая бумажная масса, причем вода стекала, а масса задерживалась проволочной сетью. В эпоху совершенствованной бумаги, т. е. — на Западе с XIV—XV вв., на дне формы не только располагалась сеть из тонких вертикальных и горизонтальных проволок, но кроме того выводился из тонкой проволоки какой-нибудь линейный рисунок (филигрань). На все эти проволоки, натянутые в форме, бумажная масса ложилась слоем более тонким, вследствие чего в готовом листе эти места оказываются прозрачнее; такова техника водяных линий и знаков. Разнообразие водяных знаков объясняется тем, что эти знаки являлись не только фабричными марками, но также удобным средством различать сорта

бумаги, ее форматы и работу отдельных мастеров. Вот почему бумага одного достоинства, выпущенная в те же годы и той же фабрикой, могла иметь различные, хотя часто родственные знаки. Но кроме крупных различий в знаках, которые зависели от свободного выбора, наблюдаются более мелкие варианты одних и тех же основных знаков. Это объясняется разными причинами: 1. Водяной знак есть в сущности знак одной формы: если один сорт бумаги с одним знаком вырабатывается, например, в сотне форм, то в каждой форме этот общий знак имеет непреднамеренные незначительные отличия. 2. Сеть металлических нитей, наполнявших форму, страдала непрочностью; под давлением бумажной массы нити перемещались и знак искажался. Вероятно, частичные поправки формы были необходимы беспрестанно. В конце концов проволочные нити все-таки сбивались; при наилучших условиях рисунок не выдерживал долее нескольких лет, а обыкновенно менялся через год или два. Тогда, даже при точном воспроизведении старой сети, возникал непреднамеренный вариант. 3. При продолжительном сохранении одного и того же основного рисунка систематически являлся импульс к незначительному сознательному изменению знака, причем, как убеждает материал, изменение состояло в постепенном усложнении знака.

Сравнивая два водяных знака, например знак, найденный нами в рукописи, с подобным знаком, изданным в каком-нибудь альбоме филиграней, необходимо спрашивать себя, на чем могут быть основаны находимые нами незначительные различия двух знаков: причина различия 1-я не содержит новой даты, 2-я содержит новую дату, но близкую к старой. Причина 3-я, или импульс к усложняющей эволюции, создает, во-первых, варианты, легко различимые, во-вторых, она же создает новые даты, отстоящие от предыдущих дат на 10, 15, 20 и более лет. Ниже на водяном знаке «Медведь» дается образец подобной усложняющей эволюции. Успешное решение вопроса о происхождении варианта зависит прежде всего от практического знакомства с материалом и с его постепенными изменениями.

§ 51. Водяные знаки, как и все другие знаки, изучаемые палеографией, эволюционировали различно и содержат поэтому палеографические даты различной ценности. Некоторые водяные знаки имели несложные очертания, употреблялись очень долго, изменялись незначительно и потому плохо поддаются делению на смежные хронологические варианты. Другие знаки, напротив того, или употреблялись недолго или подвергались более быстрым переменам и таким образом точно датируют небольшие отделы времени. Здесь, как и в других отделах палеографии, самые специальные факты являются самыми доказательными. Так, например, самую точную дату содержит водяной знак с цифрами определенного года. Такая бумага встречается в России: иностранная — в конце XVI и начале XVII в. (кувшинчик с датой);

о русской датированной бумаге см. ниже. Следующую по точности дату составляют имена фабрикантов. Так, например, известное количество русских рукописей XVI в. писано на французской бумаге, знаки коей содержат имена (часто с искажением) фабрикантов Edmond Denise, Jaques Lebé, Nicolas Lebé, Jean Nivelle, Syméon Nivelle. Бумага этих фабрикантов хорошо датируется французскими документами и печатными изданиями. Другие знаки датируются определенными потребителями или определенным временем потребления в той или другой стране. Так, например, роскошные лицевые рукописи Грозного писаны на французской бумаге с различными мелкими знаками, состоящими из сочетаний латинских букв (по две или по три) с коронкой, французской лилией, трилистником или простой розеткой. По французским документам эти знаки датируются второй половиной царствования Грозного. Рукописи школы Макария часто имеют знак перчатку. Годуновские лицевые псалтыри писаны на бумаге с именем Guillome Tourne с примесью бумаги лицевых рукописей Грозного. С другой стороны, голландская бумага с головой шута в зубчатом воротнике указывает в русской рукописи на вторую половину XVII в., с гербом Амстердама ³⁶ — на последнюю четверть XVII и первую четверть XVIII в.; с аллегорической сценой ³⁷ и надписью Pro patria — на разные десятилетия XVIII в., а в русских подражаниях и искажениях — на разные десятилетия XIX в.

§ 52. В палеографии ставился вопрос, сколько времени проходило от изготовления бумаги до написания рукописи. Здесь, конечно, важно установить *minimum*, который составил бы необходимую поправку к показаниям водяных знаков. Исследования последних десятилетий теоретически свели эту поправку на нет. Были сделаны наблюдения, что даже в далекие страны потребления бумага доставлялась быстро и в них, вообще говоря, не залеживалась; с другой стороны, в самих странах производства при случае могла употребляться залежная бумага ближайших предшествующих годов. Таким образом, теоретически возможен такой случай: два документа датированы одним и тем же годом; из них документ, возникший в стране производства, писан на бумаге, вышедшей с фабрики три-четыре года тому назад, а документ, возникший в далекой стране сбыта, писан на бумаге, вышедшей с фабрики год тому назад. Этот случай мог, например, иметь место тогда, когда в одном и том же году документ писался на французской бумаге, с одной стороны, в Новгороде, с другой — в каком-нибудь бедном и отдаленном монастыре Франции. Кроме

³⁶ Два льва стоящих держат гербовый, под большою короною, щит, на нем один под другим три косьих креста. Бумага эта по большей части выделялась во Францию по заказам Голландии.

³⁷ Сидящая в ограде женская со скипетром фигура посылает на бой льва, вооруженного мечом.

того, если в стране производства какой-нибудь водяной знак датируется документами в течение нескольких лет подряд, мы не можем ручаться, что в стране сбыта бумага с этим знаком получалась только в последнее время его фабричного употребления. Таким образом, при тождественном водяном знаке русская рукопись, писанная на французской бумаге, может оказаться не только моложе, но также и старше французской рукописи. Для старой эпохи, при недостаточном количестве датированного материала, обыкновенно нет возможности решить, с какого рода случаем имеем мы дело. Поэтому на практике принято правило, что одинаковый водяной знак повсюду имеет одну и ту же дату. В эпоху более позднюю, при наличии обильного статистического материала, может быть установлен для того или другого района срок, протекавший между выходом и потреблением бумаги. Так, в эпоху русской датированной бумаги (конец XVIII—начало XIX в.) официальные документы писались по большей части на бумаге ближайших предшествующих годов.

Иного рода поправка необходима вследствие того, что один и тот же знак с самыми незначительными вариантами мог употребляться несколько лет подряд. Мы видели, что внести хронологию в варианты знака можно только тогда, когда эти варианты представляют усложняющую эволюцию. В противном случае мы можем думать об одновременности или непосредственной смежности вариантов, но также о точном воспроизведении основного типа на расстоянии нескольких лет. Очевидно, этот последний случай всегда следует предполагать при палеографическом анализе в качестве крайнего или наиболее неблагоприятного случая.

§ 53. Итак, водяной знак, датированный каким-нибудь одним документом, может встретиться в другом, недатированном памятнике несколькими годами ранее или позднее. Однако исследование показывает, что некоторые водяные знаки держались без существенных перемен значительно долее нескольких лет подряд; но это, во-первых,— менее частый случай, во-вторых, этот случай относится главным образом к древнему периоду бумаги, который мало представлен в русских рукописях. Кроме того, точность палеографического анализа увеличивается тем, что очень часто в отдельной рукописи находится не один, а несколько водяных знаков, что объясняется одновременной наличием многих водяных знаков в одной стране, одном городе, даже на одной и той же фабрике. Но эта одновременность фабричных знаков неполная: одни знаки отживающие, другие — вновь появившиеся. Таким образом, справляясь в отдельности о дате распространения каждого знака, найденного в рукописи, мы очень часто приходим к выводу, что их сосуществование на фабрике или на рынке продолжалось лишь ограниченное число лет, которым рукопись и датируется более точно. Это лишь частный случай того взаимоограничения палеографических примет, о коем

говорено выше. Наблюдением установлено, что водяные знаки в случае взаимоограничения иногда датируют рукопись с точностью десятилетия.

§ 54. Первые опыты по палеографии филиграней были сделаны в России. В 1824 г. вологодский купец Иван Лаптев издал свой небольшой «Опыт в старинной русской дипломатике», а в 1844 г. московский литограф Корнилий Тромонин выпустил в свет собственноручное издание «Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге», в коем перерисовал все знаки, изданные Жансеном (J a n s e n. Essai sur l'origine de la gravure. Paris, 1808); и прибавил своих 113 таблиц знаков, извлеченных из русских рукописей и старопечатных книг. Сборник Тромонина, не имея системы расположения знаков, неудобен для справок, и, кроме того, не лишен ошибок. Тем не менее сборник Тромонина имел большое значение: в эпоху, когда вышел этот сборник, ничего подобного не имелось и в западной литературе, а по количеству снимков этот труд оставался самым большим до конца XIX столетия. Более полувека русские словесники и историки пользовались отличною услугой этого бескорыстного и скромного любителя. В 1891 г. проф. Н. П. Лихачев, один из самых замечательных русских археологов и лучший знаток русской иконописи, выступил с книгой «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве». Кроме специального исследования о русской бумаге эта книга содержала теоретическое исследование палеографической ценности филиграней и альбом, в котором водяные знаки были распределены по странам производства. В 1899 г. вышла в свет вторая работа Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» — три больших тома, содержащих: 1. Теоретическое введение, 2. Систематическое описание, 3. Альбом, заключающий более четырех тысяч знаков. Лихачев кратко объединил в альбоме и исследовании итоги, добытые западными и русскими палеографами, исправив и дополнив этот материал собственным трудом, одинаково значительным как по размерам, так и по научной ценности. Только в 1907 г. западная литература обогатилась капитальным трудом о филигранях, превосходящим все предшествующие: вышла в свет давно ожидаемая книга Шарля Брике, женеvского фабриканта и торговца бумагой, посвятившего долгие годы научному исследованию бумажного производства — Ch. M. B r i q u e t. Les filigranes. Paris, 1907. Этот труд содержит более шестнадцати тысяч водяных знаков. Материал расположен очень удобно в виде словаря названий, разделенного на четыре книги, из коих каждая содержит альбом рисунков к данной части алфавита. Пользование этим огромным и дорогим трудом разумеется мало доступно. Притом филигрании доведены в нем только до 1600 г.

§ 55. Перечислим некоторые водяные знаки, часто встречающиеся в русских рукописях.

Пятнадцатому веку свойственны: виноградная ветвь, корона, звезда под короной, якорь, ножницы, дельфин, готическое Р, готическое М и так называемые «три горы»; кроме того, охотничий рог (он же в конце XVII—начале XVIII в. в гербе на голландской бумаге!), герб с тремя лилиями (он же в иных сочетаниях — в XVI в.!). Большинство этих знаков известно (в иных вариантах) еще в XIV в., в XV они не перестают давать новые варианты и, меняясь, заходят и в XVI в. Однако большинство вариантов приходится на XV в.

Шестнадцатому веку особенно свойственны: перчатка (она же в конце XV в.!), различные кувшинчики (заходят и в XVII в.!), знаки с именами различных французских фабрикантов (см. выше), свинья, тигр, многочисленные польские гербы.

Семнадцатому веку свойственны: во второй половине — голова шута в зубчатой пелеринке, герб города Амстердама; в первой половине знаки очень разнообразны.

Восемнадцатому веку свойственны: Амстердамский герб, аллегорическая сцена с надписью *Pro patria*, русский двуглавый орел, Ярославский герб (стоящий медведь с алебардой на плече, заходит в известных вариантах и в начало XIX в.), Ростовский герб (олень), Московский герб (Георгий), буквы *рр*, *рф* (т. е. «русская фабрика») в различных рамках и др. С 1760-х годов и по 1840-е включительно русская бумага нередко содержит водяные знаки в виде дат (отдельно или в сочетании с водяными знаками фигурными и буквенными)³⁸.

Рассмотрим несколько знаков, державшихся более долгое время: готическое Р (с середины XV до конца XVI в.), кувшины разные (с середины XV почти до середины XVII в.), бычачья голова (со второй четверти XIV в. до второй четверти XVI). Готическое Р изменяется довольно незначительно, но другие устойчивые знаки эволюционируют и представлены многочисленными хронологическими вариантами, которыми точнее датируют полу столетие, четверть века, иногда десятилетие. Так, например, бычачья голова появилась в начале XIV в. в очень простом виде, но в том же веке получила между рогами вертикальную черту с крестиком, или звездочкой наверху; последние два типа перешли в XV век, а в самом XV веке возникли типы с мачтой (между

³⁸ Нередко цифры этих дат распределены по две на первой и на второй части согнутого листа. Если рукопись сложена в четверку, эти две части даты не являются на соседних листках, а иногда одна часть даты совершенно отсутствует (если некоторые листки не попали в рукопись или подверглись усиленному обрезу). Тогда приходится судить о дате по двум цифрам, помня, что даты на поздней русской бумаге по большей части встречаются в границах 1760—1850 гг. Так как десятки восемнадцатого и девятнадцатого веков обыкновенно не совпадают, то последние две цифры точно определяют всю дату. Затруднение составляют цифры 17 и 18, из коих первая может обозначать 1817 или любую дату XVIII в., вторая — 1818 год и любую другую дату XIX в.

рогами) в две параллельные линии, с различными украшениями наверху: крестом, розеткой, крестом поверх розетки, розеткой поверх креста, короной под розеткою. Во второй половине XV в. возникает тип бычачьей головы со змеею, обвивающей мачту, на конце мачты крест; этот тип переходит в XVI столетие. Хорошо эволюционирует русский водяной знак Медведь, стоящий с алебардою на плече. Минуя частности, следует отметить, что в 1730-х и 1740-х годах медведь стоит в очень простой рамке стиля барокко; под конец 40-х годов, в 1750-х и 1760-х годах рамка барокко сложна и богата. Все это знаки Ярославской бумажной фабрики Затрапезного. В 1770-х редко, 1780-х годах часто — рамы нет; корона (ранее венчавшая раму) парит в воздухе, а медведь стоит или (чаще) пляшет. С середины 1780-х годов и в 1790-х годах находим медведя в прямоугольном гербовом под короною щите. С конца 1790-х и в 1800—1810-х годах медведь стоит в овальной травной рамке. В 1810—1815 гг. рамка сверху открыта, и корона висит на воздухе. Все это знаки Ярославской бумажной фабрики Яковлевых. В 1810—1825-х годах медведь включен Гончаровской бумажной фабрикой (вместо льва) в аллегорическую группу *Pro patria*.

IX. КИРИЛЛОВСКИЕ ПОЧЕРКИ

§ 56. Старославянские памятники эпохи первоучителей не дошли до нас, и таким образом вопрос об азбуке первоучителей не решается непосредственно. Косвенные соображения заставляют считать изобретением Кирилла глаголицу, о чем говорится выше (стр. 22 и сл.). В настоящем руководстве рассматривается история одних кирилловских почерков.

В течение XII в. у православных славян глаголица вообще исчезает и единственным письмом остается у них кириллица. В кириллице мы различаем три рода почерков, или три основные манеры письма, сменяющие друг друга: устав, полуустав и скоропись. Древнейшим и, следовательно, первоначальным почерком является устав. Устав во всех разрядах письменности в известную эпоху вытесняется полууставом и с этого момента сохраняется только искусственный устав, и то в ограниченном употреблении — в роскошных, каллиграфически исполненных литургических памятниках. Затем полуустав вытесняется скорописью из тех разрядов письменности, которые служат практическим целям, позднее — также из разряда литературных памятников. В отделе памятников литургических и других чисто религиозных полуустав удерживается, пока существует сама писаная литература.

Все попытки точно установить отличительные признаки устава, полуустава и скорописи на основании внешности этих трех видов письма страдают шаткостью; добытые таким образом определения

у разных исследователей значительно расходятся, а на деле часто оказываются недостаточными. Между тем практически, т. е. на реальных примерах, различие трех видов письма усваивается без затруднений, и колебания являются сравнительно редко. Все это объясняется тем, что взаимные различия устава, полуустава и скорописи многочисленны, но не все одинаково обязательны, т. е. в каждом отдельном случае могут отсутствовать или быть слабо представлены такие внешние признаки, которые для того или другого исследователя являются существенными. Поэтому мы считаем целесообразным определять устав, полуустав и скоропись не по их внешнему виду, а по цели, какую имеет каждый из этих видов письма. Славянский устав, подобно своему источнику — уставу византийскому, есть медленное и торжественное письмо; оно имеет целью красоту, правильность, церковное благолепие. Устав характеризует эпоху, когда письменность носит преимущественно литургический характер. Отсюда вытекают все его внешние особенности — отчетливый архитектурный характер линий и незначительное количество сокращений. Устав, как и всякое письмо, имеет свои варианты и в течение своего существования не остается без изменений. Так, среди древнейших русских рукописей Остромирово евангелие имеет устав крупный и красивый, несколько сжатый с боков, Изборник 1073 г. имеет устав средней величины, более простой и буквы близкие к квадратным (не сжатые с боков), служебные минеи 90-х годов XI в. имеют устав простой и мелкий. Но всем этим памятникам свойственны: геометрический, медленно вычерченный характер букв и малое количество сокращений. Эти особенности русский устав, при всех своих изменениях, сохраняет и позднее, ибо в эпоху устава писание рукописей является главным образом набожным делом, и эта точка зрения, устраняющая спешность труда, в значительной степени распространяется даже на памятники, служащие практическим целям, каковы, например, грамоты. Славянский полуустав характеризует эпоху, когда письменность перерастает литургические рамки и обнаруживает более широкое литературное развитие. В связи с возросшей потребностью в книгах полуустав является как деловое письмо писцов, работающих на заказ и на продажу: полуустав соединяет цели удобства письма и четкости, отсюда его внешние приметы: полуустав вообще говоря мельче и проще устава и имеет значительно больше сокращений; гораздо чаще устава полуустав бывает наклонным — к началу или концу строки, ибо строго вертикальные почерки требуют всего более времени и тщательности. Вертикальный, или прямой полуустав обыкновенно лишен каллиграфической строгости: отдельные буквы его бывают прямы только более или менее. Равным образом буквы в полууставе не выдерживают строго геометрического принципа: прямые линии допускают некоторую кривизну, округлые — не представляют правильной дуги. Все это

результат облегченного или упрощенного процесса письма, которое стремится прежде всего к удобству, а требование красоты заменяется требованием четкости. Принципу удобства служат и сокращения, но количество их бывает очень различным. Удобство между прочим необходимо соединяется с известным ускорением, но скорость не есть прямая цель полуустава, ибо другим его требованием является четкость. Полуустав, в котором ускорение процесса письма сказывается заметно, называется беглым полууставом. Если желание ускорить процесс письма сказывается не в одной простоте начерков, а также в некоторых специальных заимствованиях у скорописи, говорят о полууставе, переходящем в скоропись. В эпоху полуустава долго сохраняется устав для роскошных литургических памятников. Но, наконец, устав и в этом искусственном употреблении заменяется так называемым каллиграфическим полууставом. Он крупнее и тщательнее простого полуустава, но сохраняет многие свойства, выработанные этим последним в целях удобства, именно — наклон, кривизну прежних прямых, более многочисленные сокращения. Скоропись есть особый вид письма, имеющий целью исключительно экономию времени или ускорение процесса письма, притом — значительное.

Скоропись впервые появляется под конец той эпохи, в коей господствует устав (XI—XIV вв.), но распространяется скоропись только в эпоху полуустава (XV—XVII вв.). Скоропись характеризует эпоху, когда письмо широко распространено не только в качестве потребности высшей культуры, но также в качестве орудия практических целей — сначала в международных и правовых отношениях, затем — в государственном и частном управлении (XVI—XVII вв.), в этих двух последних областях в силу усложнения государственного управления и частного хозяйства первоначальные краткие записи все более заменяются системой подробных документов. Существенное ускорение процесса письма достигается в скорописи особыми приемами, которых не знают ни устав, ни полуустав; эти приемы письма резко отражаются на внешнем виде скорописных букв и их соединении. Даже сокращения получают в скорописи существенно иной характер (ср. ниже в главе о скорописи).

§ 57. О происхождении кирилловского устава говорится выше (стр. 23 и сл.). Памятники первоначальной кириллицы не дошли до нас ³⁹. Из дошедших до нас кирилловских памятников опреде-

³⁹ Допуская, что Кириллом-первоучителем изобретена глаголица, по косвенным соображениям необходимо принять, что кириллица возникла через полвека, в восточной Болгарии при дворе царя Симеона (первая четверть X в.). Воспитанный в Византии и навсегда сохранивший преклонение перед царьградской культурой, Симеон с 893 г. вступает на болгарский престол и после кратковременной войны заключает с Византией двадцатилетний мир; по истечении этого договора, вся вторая часть (913—927) Симеонова царства-

+ВЪНМАШТЪЧАНСЪ
 ННАНСТАГО АОУХ АА
 ЗСАМОНАБРАБЪБЖ
 ПОЛАГАЯПАМАТГ
 ШНИАТЕРННБРАТ
 АІСРЪСТЪХЪСН'
 НМЕМАОУСЪПЪУ'
 ІСОЛАРАБЪБЖН
 .ЪААВАЪНАПНСА
 АЪТООТЪСЪТВС
 ҮЪ:ФАННЪАН

Рис. 55. Надпись царя Самуила 993 г.

ленного года древнейший принадлежит эпиграфике — это надпись царя Самуила 993 года⁴⁰. Надпись эта, по-видимому, есть и вообще древнейший из дошедших памятников кириллицы, ибо среди недатированных ни один архаизмом своих начертаний не может сравниться с надписью Самуила.

Древнейшие крупные датированные памятники кирилловской письменности принадлежат русскому изводу: Остромирово евангелие 1056—1057 г., Изборник 1073 г., Изборник 1076 г., Архангельское евангелие 1092 г. и три новгородских минеи 90-х годов XI века. Таким образом, непосредственно по данным почерка этих рукописей мы можем судить лишь о второй половине XI в.; ей принадлежит и древнейший памятник русской эпиграфики — так называемый Тмутороканский камень 1068 г.; он

ния занята непрерывными и напряженными войнами с Византией. На первый, двадцатилетний период падает вся культурная деятельность Симеона: тогда создает он первую у славян литературную школу и древнеболгарскую литературу. Тогда же, в прямое подражание византийскому уставу, могла быть создана кириллица взамен глаголицы, производившей впечатление скорее восточного, нежели греческого письма.

⁴⁰ Эта надгробная плита с именами родителей и брата западноболгарского царя Самуила найдена в Македонии, в церкви села Герман, близ озера Преспы.

После выхода в свет настоящего учебника было открыто несколько более ранних надписей. Из них следует отметить Добруджанскую надпись 943 г., найденную в 1950 г. — *Прим. ред.*

содержит надпись о том, что князь Глеб мерил по льду ширилу Тмутороканского пролива от Тамани до Корчевы. Однако косвенно мы можем судить также о письменности X в. и первой половины XI в. Во-первых, русские памятники XI в., по показаниям их языка, суть списки с древнеболгарских оригиналов. Роскошное Остромирово евангелие хорошо сохраняет Симеоновскую редакцию не только текста, но и языка, т. е. восточноболгарский говор X в. В Изборнике 1073 г. имя князя Святослава писано, как известно, по разуре (т. е. по подскобленному), а в одном более позднем списке того же памятника сохранено имя Симеона. И хотя Изборник 1073 г. и другие памятники передают свои древнеболгарские оригиналы менее тщательно, чем Остромирово евангелие, и вносят много русизмов, все эти памятники в графике (рисунке букв) и орфографии (обозначении звуков) содержат много традиционного, восходящего к их более древним оригиналам. Во-вторых, до нас дошли немногочисленные и недатированные памятники древнеболгарской кириллицы, из коих главные Супрасльская рукопись (мартовская минея) и Саввина книга (евангелие апракос). Обе эти рукописи слависты относят к XI в. на основании сравнения с русскими датированными рукописями XI в. (см. выше), причем Саввина и Супрасльская могут быть и несколько древнее этих древнерусских памятников. Древнеболгарские рукописи XI в. в своей графике и орфографии также сохраняют разные черты своих более древних оригиналов. В-третьих, среди эпиграфических памятников, по большей части незначительных, до нас дошел подлинный памятник конца X в. — уже упомянутая надпись Самуила. Сравнение указанных трех источников позволяет сделать различные предположения о древнейшей кириллице X в. и указать таким образом архаизмы и новообразования в графике XI в. Наконец, в-четвертых, конечный источник кириллицы — греческий литургический устав IX—X вв. дает поверку таким предположениям.

§ 58. Исходя из этих данных, можно утверждать, что первоначальная, до нас не дошедшая, кириллица имела следующие особенности.

1. Буква *л* имела маленькую треугольную головку, а спинку наклонную влево. Надпись Самуила, Саввина книга, а иногда и Супрасльская рукопись имеют эту черту. Русские датированные рукописи XI в. этой черты не имеют — вероятно, потому, что относятся все ко второй половине XI в. В югославянских рукописях такое *л* встречается и позднее XI в.

2. Буква *р* имела маленькую головку в виде полукруга, вверху прильнувшего к прямой спинке. Таково *р* в надписи Самуила и на серебряных монетах Ярослава Мудрого (ум. 1054). Русские датированные рукописи этой черты уже не имеют, так же как Саввина книга и Супрасльская рукопись. Но позднее такое *р* снова проскальзывает в югославянских рукописях, а из русских

рукописей, лишенных даты, подобное р находим в житии Кудрата.

3. Буквы ц и щ стояли хвостиками на строке и таким образом, подобно древнейшим л и р, имели верхнюю часть малого размера. Единственное ц в надписи Самуила имеет такой вид. Таковы ц и щ в Саввиной книге. Русские датированные рукописи XI в. уже не знают этой черты. Но в югославянских рукописях она встречается и позднее XI в.

Все три особенности могут быть определены как «малый масштаб» знаков л р ц щ. В течение XI в. у русских, в течение XII в. у южных славян все эти знаки увеличены до масштаба остальных знаков алфавита. Другие графические черты древнейшей кириллицы сохраняются как древнеболгарскими, так и древнерусскими памятниками XI в., а по большей части свойственны и рукописям XII в., особенно — югославянским, о чем говорится ниже.

Главнейшие древнеболгарские памятники перечислены выше, (стр. 34, примеч.). Они узнаются главным образом по изводу, т. е. по типу своего языка (ср. выше, стр. 30), затем — в связи с языком — по орфографии, т. е. по обозначению звуков знаками алфавита. В языке и правописании эти древнеболгарские памятники обнаруживают некоторые диалектические различия, о чем даются сведения в каждом научном учебнике старославянского (древнеболгарского) языка.

X. РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА ПЕРГАМЕНТЕ

§ 59. С XI в. по начало XV в., т. е. в течение четырех веков, русская графика представляет непрерывную эволюцию, во многом отличную от югославянской. Русские почерки внутри этого периода должны быть рассматриваемы независимо от югославянских. Только в начальной и конечной точке этого пути сравнение с югославянской графикой необходимо; в XI в. в России еще сказываются древнеболгарские влияния, в начале XV в. — начинают сказываться влияния среднеболгарские и сербские.

§ 60. Одиннадцатый век. Датированные памятники перечислены выше (стр. 108); они все принадлежат второй половине века. Кроме них, дошли русские недатированные рукописи, относимые к XI в. по сходству их начертаний с начертаниями выше указанных датированных памятников. А из этого сходства можно сделать вывод, что и недатированные русские рукописи XI в. дошли главным образом из второй его половины⁴¹.

Русский одиннадцатый век в своих начертках имеет чрезвычайно много общего с двенадцатым. Обоим векам свойственны:

⁴¹ Преследуя в этой книге главным образом практические цели, мы не даем перечней недатированных рукописей, хотя бы древнейшей эпохи.

и (звук и), вполне подобное гражданскому печатному эн (рис. 56, ряд 8, знак 1); н (звук н), тождественное с латинским (там же, знак 6), а равно три других варианта эн — с несколько укороченной перекладиной (там же, знаки 7—9); в XII в. господствует первый из этих начерков (знак 7); симметричное ж; симметричное ы — с округлой или с угловатой чашей. Вообще, оба века объединяются преимущественно геометрическим стилем начерков и — насколько возможно — симметричностью их частей.

Различия между XI и XII веками немногочисленны и не резки. Из XI в. сохранились по большей части красивые, каллиграфические рукописи, писанные более или менее крупными, изящными почерками. Мелкие и простые почерки известны главным образом в самом конце XI в. В XII в. преобладают рукописи более простого и мелкого «делового» почерка, что соответствует разделению русской герритории на княжества с местными центрами. Роскошные рукописи XII в. очень редки ⁴².

§ 61. Начерками различаются довольно резко в XI и XII вв. только знаки ять, омега и пси.

Знак ѣ в XI в. не выходит своею мачтой выше верхнего уровня строки, а поперечная линия буквы лежит ниже этого уровня (рис. 56, ряд 10, знаки 1, 4, 5). В XII в. ѣ своею мачтою по большей части несколько (очень мало) возвышается над верхним уровнем строки, а коромысло буквы лежит в этом уровне или приближается к нему (там же, знак 6). Главное исключение составляет Изборник 1073 г., в коем ѣ имеет тип XII в. Кроме того, в XI в. иногда употребляется (по большей части в конце строки) особое декоративное ѣ с очень высокой мачтой, иногда с коромыслом, пересекающим мачту в самом верху ее (там же, знаки 2 и 3). Знаки омега и пси употребляются сравнительно редко: 1) в словах, заимствованных непосредственно из греческого: ѡанъ, Ѱалтнрь и др.; 2) в некоторых славянских словах: Ѱ = отъ, Ѱн = пъсн (им., мн. «псы»), Ѱатн = пкъатн («писать»); 3) в словом употреблении: ѡ = 800, Ѱ = 700. В евангелиях, апостолах и других церковных книгах эти цифры могут быть найдены в счете «зачал», или отрывков, читаемых в церкви.

В XI в. омега почти без исключений имеет высокую середину, как в следующем знаке: ѡ (ср. рис. 56, ряд 11, знаки 1, 2 и 6;

⁴² Датированных памятников русского XII в. восемь: 1. (Роскошное) Мстиславово евангелие, писано около 1115 г., 2. Юрьевское евангелие, писано около 1120 г., 3. Галицкое евангелие, писано в 1144 г., 4. Стихирарь праздничный нотный, писан в 1157 г. (все четыре хранятся в Патриаршей библиотеке — ныне в ГИМ в Москве), 5. Стихирарь праздничный, писан около 1160 г. (Петрогр. дух. акад. — ныне ГПБ), 6. Добролюво евангелие 1164 г. (Моск. Румянц. музей — ныне ГБЛ), 7. Грамота князей Мстислава и Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, дана около 1130 г., 8. Вкладная грамота игумена Варлаама Хутынского монастырю близ Новгорода, дана около 1192 г. Недатированных памятников XII в. гораздо больше.

ряд 12, знаки 1 и 2). Главные исключения таковы: 1) в Изборнике 1073 г. встречаем ω и ω , 2) на Тмутороканском камне 1068 г. находим только одно написание Ω , при этом такое, в коем середина омеги уменьшена, чтобы дать место ножке надписанного т (ср. рис. 56, ряд 11, знак 5). В первой половине XII в. омега с высокой серединой еще встречается (в роскошном Мстиславовом евангелии, в Юрьевском, в Галицком, в некоторых недатированных памятниках), но отчасти в тех же рукописях встречается новый тип омеги: с сокращенной серединой, причем одновременно обе петли этой буквы по большей части разведены, вследствие чего середина представляет не пониженную черту, а пониженный угол (там же, знаки 3 и 4). В югославянских памятниках после XI в. иногда встречается ω с сокращенной серединой, но господствовать продолжает старая ω с высокой серединой, которая в XIV—XV вв., в эпоху югославянского влияния, снова появляется у нас, о чем ниже.

В XI в. знак «пси» часто является в крестовой форме, подобной глаголическому а (ср. рис. 56, ряд 12, знаки 3—6). Но в XI в. уже встречаются и иные формы пси (см. ряд 12, знаки 7—9). Из этих иных форм в XII в. господствует пси в виде цветка лилии в боковом изображении: вверху — высокий пестик, под ним поднимаются два лепестка с отогнутыми концами (ср. ряд 11, три последних знака). Форма лилии известна и в дальнейшие века, но в XIII в. наряду с нею часто встречается пси с широко раскрытой конической чашечкой и низким пестиком (ср. ряд 13, четыре последних знака). В югославянских рукописях позднее XI в. продолжает господствовать пси крестовое, при нем — некоторые другие формы, но пси в виде лилии, по-видимому, отсутствует⁴³.

Таким образом, для различения XI и XII вв. русской письменности приметы омеги и пси не являются абсолютными, именно — более поздние типы не говорят непременно против XI в. Однако более ранние типы довольно решительно говорят в пользу XI в. или начала XII. Здесь, как и всегда в палеографии, решает не отдельная примета, а совокупность примет.

Есть две приметы, свойственные всему XI в. и всей первой половине XII в. Это, во-первых, юс большой (знак λ) и юсы отованные: большой λ , малый λ . Во-вторых, только в XI в. и в первой половине XII в. сильное смягчение согласных л и н обозначается посредством крючка вверху направо (см. рис. 56, ряд 13, знаки 1—3). Обе эти приметы не абсолютные, они составляют отголосок древнеболгарских оригиналов и выражают

⁴³ Омега с высокой серединой и пси крестовое суть греческие уставные типы X в., омега с сокращенной серединой и пси в виде лилии — греческие уставные типы XI в., т. е. факты византийской графики, отразившиеся в России с опозданием почти на столетие.

особенности древнеболгарской, а не русской фонетики. Иотованные юсы **ѣ**, **ѡ**, а равно юс большой неототованный отсутствуют в некоторых русских рукописях конца XI в., а в первой половине XII в. те же знаки (особенно **ѣ** и **ѡ**) известны только меньшинству рукописей. Еще реже, даже в XI в., встречаются знаки **л** и **н** с крючком вм. обычного **л** и **н** со следующей иотацией — в таких случаях, как **Земаи**, **оуик** («лучшее», сред. р.). Знаки **л**, **н** с крючком и в древнеболгарских рукописях должны были встречаться не часто, ибо выражали диалектические факты языка.

К середине XII в. многие черты древнеболгарской орфографии исчезли совершенно: сообразно русской фонетике **ж** всюду заменен написаниями **оу** или **8**, **ѣ** заменен через **ю**; **ѡ** заменен через **а** и через **и**. Однако такое отсутствие орфографических древнеболгарских архаизмов одинаково характеризует и всю последующую русскую письменность, и, следовательно, только при древнем, строго геометрическом характере почерка оно указывает на вторую половину XII в.

Нам неоднократно приходится убеждаться, что распределение памятников по векам есть в сущности искусственный прием, нарушающий наглядность постепенной эволюции начерков: поле отдельных примет очень различно: одни приметы обнимают век, другие — полвека, третьи — полтора. Кроме того, поле различных примет нередко пересекается пограничными линиями веков: почерки конца XI в., особенно почерки простые, очень похожи на почерки первой половины XII в., а почерки второй половины XII в. — на почерки начала XIII в.

§ 62. Русский тринадцатый век делится на две части татарским нашествием (1237). Первая часть в палеографическом отношении примыкает к XII в., вторая более резко отличается от него. По отношению к XIII в. наши сведения не столь ограничены, как ранее: русский XI в. имеет семь, русский XII в. — восемь датированных памятников, XIII в. имеет двадцать датированных памятников: семь до татарского нашествия и тринадцать после него. Русский XIII в. в почерках, как и в орнаменте, является эпохой переходной: в XIII в. начерки постепенно теряют свой симметрический характер, а переходный характер эпохи сказывается в обилии вариантов. Это есть одно из типичных явлений XIII в.: старые начерки сохраняются при новых нередко даже у одного и того же писца. Различные буквы могут иметь от двух до четырех вариантов.

Новообразования XIII в. таковы (см. рис. 56).

1. Нижние петли букв, ранее округлые или треугольные, становятся негеометричны. У некоторых букв такие «тощие» и «набухшие» петли спорадически находим еще в XII в., но **ь** и **ѣ** с такими петлями принадлежат XIII в., а главное — только в XIII в. бывают почерки, в коих эта черта проведена последо-

вательно, т. е. по отношению ко всем буквам (ср. **ѣ** XIII в.: ряд 10, знаки 7—9). Вследствие набухания петель в XIII в. возникают новые типы **к** — с узкой или сокращенной впадиной между двумя петлями (см. ряд 1, три последних знака).

2. Буква **ж** в XI в. была очень симметрична. Она писалась тогда (по наблюдению Срезневского) в три приема, или взмаха: «вертикальная мачта, дуга вверху, дуга внизу» или чаще: «вертикальная мачта и две диагонали», идущие сверху вниз, — одна справа влево, другая слева вправо. В простых и поздних почерках XI в. находим небрежность линий и отклонение от строгой симметрии (ср. ряд 5, знаки 1—2 и 3—4). В XII в. такие отклонения — чаще, в XIII в. они постепенно начинают господствовать, причем устанавливаются новые и очень различные способы написания буквы: ее линии проводятся теперь совершенно иначе (см. ряд 5, знаки 5 и сл.). Все эти новые начерки несимметричны.

3. Буква **н** (*иже*) в XI в. была тождественна с современным гражданским *эн* и такую же оставалась в XII в. (ряд 8, знак 1). В XIII в. прибывают новые типы: *иже* с лежащей перекладиной вверху, *иже* с косою перекладиной в середине и наконец *иже* с косою перекладиной вверху (см. ряд 8, знаки 2—5).

4. Буква **н** (*наш*), как мы видели, уже в XI в. могла иметь варианты с укороченной (более отлогой) перекладиной (см. ряд 8, знаки 6—9). Из всех вариантов в XII в. преобладает такой тип, где перекладина не доходит до самого низа правой мачты, но все же спускается ниже ее середины. В XIII в. прибывают варианты: «перекладина касается середины правой мачты» и «перекладина кончается выше середины правой мачты» (см. ряд 8, знаки 10—12).

5. Буква **к** получает эволюцию такую же, как **н**, но хронология сходных вариантов здесь различна: **к** с косою перекладиной и **к** с приподнятой перекладиной появляются нечасто и главным образом под конец XIII в. (см. ряд 3, знаки 3—6). Подобные типы **н** появляются в первой половине XIII в. и встречаются чаще. Что касается знаков **ю** и **и**, то варианты с высокой перекладиной появляются только в XIV в., а во второй половине XIV в. появляется иногда **ю** и **и** с косою перекладиной вверху (см. рис. 57).

6. Буква **ч** в XI и XII вв. была симметрична и имела мелкую чашечку, — по большей части округлую, иногда треугольную, реже — прямоугольную (рис. 56, ряд 9, знаки 1—7). В XIII решительно преобладает треугольная мелкая чашечка, но в XIII в. **ч** пишется более свободно, и потому оно нередко бывает не совсем симметричным (ряд 9, знаки 8—9). Только в очень немногих русских рукописях XIII в. встречается одностороннее, т. е. совсем несимметричное **ч**, такое **ч** станет господствующим только с XV в., после эпохи югославянских влияний.

7. В XIII в. встречаются иногда, особенно в грамотах, буквы м и у, покрытые сверху лежащею чертой (ряд 10 в конце).

8. Буква ђ в течение XIII в. заметнее выходит из строки вверх, и коромысло его чаще лежит в верхнем уровне строки (ряд 10, знак 7).

9. Верхи многих букв постепенно сокращаются. Сюда относятся в ж к ѣ.

§ 63. Все эти нововведения достигают типичности только постепенно (ранее и полнее — в дипломатических памятниках, чем в литургических) и долго имеют при себе в качестве пережитков более старые варианты.

Если искать общей графической причины этих перемен XIII в. (а историческая перемена состояла в упрощении потребностей в обедневшей от разорения стране), то мы найдем ее в ослаблении каллиграфического принципа, — в общем упрощенном приеме письма, состоящем из ремесленных взмахов и нажимов. Под конец XIII в. складывается из этих нововведений так называемый новый стильный почерк, выправляющий буквы, делающий их снова красивее, но сохраняющий их новые, отчасти несимметричные и негеометрические начерки. Этот почерк, порожденный каллиграфическими потребностями, имеет некоторую сжатость букв, или что то же — большую их высоту. Этот новый почерк в сущности следовало бы назвать не «стильным», а манерным, ибо взамен старого архитектурно-геометрического стиля кириллицы он вводит немногие однообразные приемы письма, которые отражаются однообразием, хотя и интересным, общего впечатления строк. Стильный почерк переходит и в XIV в., где еще более усвершенствуется. Его главным достоинством является большая четкость в сравнении со старой кириллицей. Дело в том, что каждая буква имеет своего рода «сигнальную часть», ту, по которой она с первого взгляда отличается. И вот, вследствие сокращения верхов, подъема перекладин и набухания петель в новом стильном почерке сигнальные части у значительного количества букв сосредоточились вверху и таким образом образовалась как бы одна общая сигнальная линия, по которой легко и быстро скользит глаз. В древней кириллице такого общего сигнального уровня не было. В этом отношении между древней кириллицей и стильным почерком различие приблизительно таково, как между современным нам обычным гражданским шрифтом и некоторыми русскими шрифтами нового стиля начала XX в., последние также имеют один общий сигнальный уровень, между тем как воскрешаемые древнейшие гражданские шрифты Петровской эпохи в этом отношении стоят много ниже обычного нам гражданского шрифта. При новом стильном почерке не только в XIII в., но и в XIV в. всегда продолжали существовать более квадратные простые почерки.

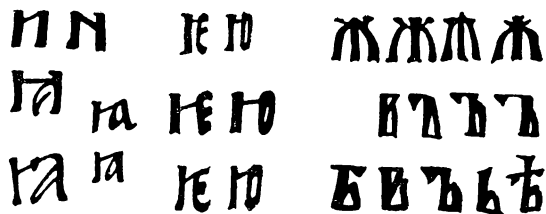

Рис. 57. Особенности начертаний русского устава XVI в.

§ 64. Русский XIV в. завершает эволюцию XIII среди начерков остаются в употреблении по большей части только новообразования; начерки XI и XII вв., которые в XIII в. сохранялись в качестве пережитка, в XIV в. исчезают, а новообразования XIII в. в течение XIV в. достигают более полной типичности: верхи многих букв сокращаются существенно, что особенно заметно, например на ж: во второй половине XIV в. оно иногда совсем лишено верха. Набухшие петли, округлые и ломаные, еще более поднимаются вверх, что особенно заметно на буквах *к*, *ы*, *ь*. У знаков *и* и *ю* господствуют варианты с перекладиной косою, но высокой и отлогой, т. е. такой, которая лежит в верхней трети букв. Буква *ѣ* своею мачтой высоко вышла из строки, коромысло лежит в верхнем уровне строки. Буква *у* всегда имеет чашу угловатую, причем она глубже, чем в XIII в.; в XIII в. чаша обыкновенно не глубока, ножка длиннее ее или, в крайнем случае, равна ей. В XIV в. чаша по меньшей мере равна ножке, а во второй половине века чаша часто очень глубока, а ножка — коротка. Во второй половине XIV в. мы встречаем букву *ча* совсем без ножки, именно — в надстрочном написании, затем — вообще в рукописях, писанных мелким почерком и, наконец, очень часто в грамотах. Напротив того, в крупном манерном почерке каллиграфических памятников *у* очень часто имеет плоскую треугольную чашу, как в древней кириллице: здесь оно подведено под общий сигнальный горизонт (рис. 56, ряд 9). По той же причине в манерном почерке иногда является и *р* с маленькой головкой, хвостом стоящее на строке.

Из пережитков XIII в. в XIV в., до середины его, еще держатся *и* и *ю* с высокой прямой перекладиной при типах *и* и *ю* с высокой косою перекладиной. Во второй половине XIV в. высокая косая перекладина господствует. С середины XIV в. вместо *к* и при нем появляется так называемое якорное *е*, широкое, полулежащее в строке, с язычком, направленным вверх. Этот новый знак несколько уже старого потованного *к* и обыкновенно употребляется вместо него ввиду экономии места — в конце и под конец строки, почему при датировке рукописей необходимо пробегать глазом именно концы строк — сверху донизу. В конце

XIV в. такое *е* в мелких почерках иногда совершенно лежит и подобно якорю. Кроме того, в конце XIV в. вместо широкого якорного *е* употребляется особое узкое, стоящее, с высоко вытянутым язычком ⁴⁴ (см. рис. 56, ряд 4 в конце).

§ 65. К середине XIV в., кроме всех указанных особенностей, устанавливается последовательное правописание. В начале слога (т. е. в начале слова и после гласных) пишутся только знаки *ѣ*, *и*, *оу* между тем как в середине слога пишутся только знаки *е*, *а*, *у*. Такое правописание во второй половине XIV в. господствует, в первой половине XIV в. оно проведено в немногих рукописях; в XIII в. оно только складывается ⁴⁵.

Кроме того в XIV в. полугласные *ѣ* и *ь* пишутся почти только в конце слов; в середине слов они пропускаются в тех случаях, когда они бесследно исчезли в языке, и заменяются гласными *о* и *е* в тех случаях, где они в русском языке перешли в эти гласные. Ранее и в середине слова в зависимости от старославянских образцов писалось *ѣ* и *ь*, и чем древнее рукопись — тем чаще, хотя нарушения этой старославянской орфографии встречаются уже в древнейших русских рукописях XI в.

§ 66. В последней четверти XIV в. появляется очень простой почерк, в котором исследователи справедливо видят не устав, а полуустав (о полууставе ср. выше, стр. 105—107). Этот древнейший, чисто-русский полуустав вытекает непосредственно из русского устава XIV в.; подобно ему, является прямым почерком, т. е. имеет буквы вертикальные; он сохраняет также последнее правописание устава и его последние начерки, но придает им чрезвычайно простой и некрасивый вид, вследствие того, что размеренные ремесленные нажимы и взмахи заменяются несколько более свободными движениями пера. Из новых начерков, созданных этим древнейшим полууставом, отметим *у* с сильно сокращенной или утраченной ножкой и два типа особого знака *е* в значении *к*: 1) узкое вертикальное с приподнятым длинным язычком и 2) широкое, почти или совсем лежащее в строке и потому особенно напоминающее якорь. Подобно устав-

⁴⁴ Якорное полулежащее *е* есть видоизменение греческого широкого *ε*, стоящего в строке; это греческое *ε* имело только декоративное значение и в таком же значении известно из древнейшей кириллицы. Впервые в Рязанской кормчей 1284 г. и в псалтыри 1296 г. декоративное *ε* несколько приближается по рисунку к якорному, но еще стоит в строке, хотя язычок уже приподнят (рис. 56, ряд 4).

⁴⁵ Еще во второй половине XIII в. встречаются рукописи, в которых употребление знаков *и* и *а*, *ю*, *е* уже нормировано, но всюду еще сохраняется написание *оу*. Другие рукописи той же эпохи во всех трех случаях непоследовательны. Припомним, что в старославянском правописании смешения всех этих знаков еще не было: *а* всегда обозначало *ε* (*е* носовое), *и* — всегда обозначало группу *ja*, *ю* — всегда *je*, *е* — всегда *э*, *оу* — всегда звук *у*, а *у* всегда греческое *υ* (ипсилон). Для сокращения громоздкого *оу* употреблялось в древней кириллице *ѣ* и только с русского XIII в. в том же значении начинает встречаться *у*.

ному полулежащему *e*, оба эти начерка выражают первоначально иотованное *к*, но под конец века иногда употребляются и вместо *е* простого. Кроме того, древнейший полуустав имеет в ступенчатое, а равно с заходящими друг за друга петлями, а вместо красивого и большого *з* имеет маленькое и некрасивое округлого или ломаного рисунка (см. рис. 56). Буква *ж* в полууставе XIV в. по большей части лишена головки, а буквы *и* и *к*, а равно *ы*, имеют перекладину сверху — косую, но отлогую. Только *и* может писаться, подобно печатному гражданскому: такое *и* пишется не отрывая руки. В общем сигнальный уровень в полууставе выдержан не хуже, чем в уставе, но четкость все же стала меньше вследствие того, что весь почерк стал ниже. Древнейший русский полуустав, равно как манерный литургический устав, встречается в рукописях еще и в начале XV в. Последний в эту эпоху даже особенно красив и крупен. Но вообще говоря, на рубеже XIV и XV вв. русская графика и орфография претерпели радикальные изменения, источником коих было усиленное югославянское влияние ⁴⁶.

§ 67. В конце XIV в. пали югославянские государства — Сербия и Болгария; на Балканах установилось турецкое иго. С этого момента много грамотных церковных людей бежит с балканского юга в Россию и приносит с собою свои почерки, свое правописание, свой церковнославянский язык, свою литературную манеру, свою иконопись, свой орнамент, свои политические идеи. Эти южные славяне, среди коих есть видные политические и литературные деятели (митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет), усиленно насаждают в России югославянское влияние в перечисленных областях культуры. В русской палеографии эти влияния составляют своего рода переворот. К его рассмотрению нельзя приступить, не ознакомившись предварительно, в общих чертах, с историей югославянской графики по конец XIV в. Заметим, что югославянское влияние по времени почти совпадает с разделением Русской земли на два государственных союза — Литовский и Московский. Эти союзы испытывали и перерабатывали югославянское влияние отдельно друг от друга и потому не одинаково. Вследствие этого с эпохи югославянского влияния графика западнорусского и восточнорусского государства начинает расходиться. Последним общим звеном для обеих письменностей является устав XIV в. До эпохи полуустава почерки западной и юго-западной России мало отличаются от почерков новгородских, московских и других великорусских, хотя под конец и отличаются от них несколько по своей манере и внешнему виду, что объясняется очень мелкими различиями

⁴⁶ Мы считаем неудобным и сбивчивым говорить о двух югославянских влияниях, одном — X в., создавшем русскую культуру, и другом XIV и XV вв., видоизменявшем ее. Под «влиянием» обыкновенно разумеется видоизменение.

орнаментального характера в написании отдельных букв. Кроме того западный и юго-западный устав русский в XIII и XIV вв. был менее великорусского отрезан от балканских влияний, почему, например, на западе уже в XIII и XIV вв. употребляется иногда ч одностороннее и w с высокой серединой.

XI. ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

§ 68. Выше говорилось о древнеболгарской, или старославянской письменности IX—X вв. (§ 10—15) и о древнейших, дошедших до нас памятниках ее, которые почти все относятся к XI в. (§ 18; ср. также § 57 и примеч.).

Обширное болгарское царство еще в середине X в., при сыне Симеоновом, царе Петре, распалось на два царства — западное и восточное. Восточное царство было покорено византийцами еще в конце X в., западное — в XI в. Только в конце XII в. из национального восстания возникает 2-е болгарское царство, расцвет которого относится к первой половине XIII в., — эпохе царя Иоанна Асеня II, который владеет как восточноболгарскими, так и македонскими землями. Во второй половине XIII в. и в XIV в. болгарское царство ослабевает, не владеет македонскими землями и существует главным образом благодаря покровительству более сильной Сербии. В середине XIV в., при царе Иоанне Александре обнаруживается некоторое оживление письменности, которое продолжается при его сыне, последнем болгарском царе Иоанне Шишмане. При Шишмане болгарский патриарх Евфимий производит исправление церковных книг. Это исправление состоит не только в сверке с греческим текстом и замене устаревших выражений новыми; оно касается также правописания: последнее в восточной Болгарии еще при Иоанне Александре становится очень выдержанным (единообразным), между тем как в подвластной сербам Македонии правописание болгарских рукописей разнообразно, непоследовательно и, кроме того, с середины XIII в. иногда осложняется сербскими чертами. Иоанн Шишман и Евфимий выпускают особый писцовый наказ, или наставление для писцов. В конце XIV в. Болгария покорена и разорена турками; вместе с политической независимостью она утрачивает и церковную: Болгария отдана турками во власть греческого духовенства.

§ 69. Сербское племя, занявшее гористую и мало доступную территорию, развивается медленно. Первые государственные союзы возникают из родовых союзов только в X в. Христианство распространяется медленно. В XI в. значительная часть сербской территории находится под византийским протекторатом. Только в конце XII в. Стефан Неманя объединяет сербские земли, искореняет в них язычество, католицизм и богумильство и утверждает национальную религиозную форму с славянской литургией.

Только Босния в силу географических условий остается отдельным государством и обнаруживает оригинальное развитие. В Боснии сильно распространено богумильство, а в письменности боснийской вырабатывается своеобразный угловатый почерк кириллицы. Кроме того, в Боснии вырабатывается совершенно особое письмо, так называемая букваца: в основе ее знаки кирилловские, но с примесью глаголических, притом те и другие — несколько изменены. В XIII в., особенно при Милутине, могущество сербского королевства растет, в XIV в. при Стефане Душане Сербия становится обширной империей. В конце того же века, при Душановых преемниках Сербия, подобно Болгарии, завоевана турками и становится к ним сначала в вассальную, потом в непосредственную зависимость, сохраняя, однако, церковную автономию и славянскую литургию (даты см. ниже, Приложение I. Хронология). Сообразно всему сказанному, мы можем ожидать развития письменности только в эпохи мощной национальной консолидации югославянских государств, особенно в эпохи мирные. В эпохи исключительно военного развития письменности замедляется, при падении государства и, особенно, при падении национальной церкви — останавливается, а письменность предыдущих, более благоприятных эпох в значительной степени истребляется. Постоянным оплотом и хранилищем югославянской письменности являются лишь обители монашеской республики Афона, рукописные сокровища коего до сих пор далеко не вполне приведены в известность.

§ 70. Древнейшие датированные памятники сербской письменности относятся к самому концу XII в. Это, во-первых, — грамота Боснийского бана (князя) Кулина, 1189 г. — важнейший памятник для истории сербского языка, и, во-вторых — два евангелия — Мирославово и Вуканово, оба писаны тоже в конце XII в. и не позднее 1200 г.: удельные князья Мирослав и Вукан, для коих писаны эти рукописи, в этом году уже не существовали. Обе эти рукописи суть списки с древнеболгарских оригиналов. Сербские памятники письменности, не имеющие ни прямых, ни косвенных дат, также не восходят к более древней эпохе, если не считать сербских грамот, коих из XIII и XIV вв. дошло значительное количество. Следующим важным датированным сербским памятником является Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского, 1263 г., — древнейший список этого сочинения; этот список сделан на Афоне с среднеболгарского оригинала. Болгарские, или точнее среднеболгарские, памятники отсутствуют до XIII в. Древнейшие относятся к эпохе Иоанна Асеня II. Это, во-первых, Тырновская надпись 1230 г., вырезанная на мраморной колонне храма Сорока Мучеников, в память победы над греками и занятия Македонии; во-вторых, Болонская псалтырь, она косвенно датируется летописью на л. 126 bis. об., гласящей, что рукопись писана в Охриде «при царе Асене болгарском». По историческим

соображениям в этом царе можно видеть только Иоанна Асеня II, владевшего почти всюю Македонией. Именно, Болонская псалтырь писана между завоеванием Македонии и смертью Асеня II (1230—1241)⁴⁷. К тому же десятилетию должна относиться грамота Асеня, выданная Дубровчанам. Из среднеболгарских памятников, не имеющих ни прямой, ни косвенной даты, только Добромирово евангелие (названо так по писцу) по данным языка и графики относится к XII в. Слепченский апостол, Охридский апостол, Паремейник Григоровича по совокупности своих примет должны быть относимы к XIII в. Тревожная история балканских государств, турецкое завоевание, гнет греческого духовенства, еще в XIX в. сжигавшего иногда целые библиотеки славянских рукописей, уничтожили значительную часть югославянской письменности, болгарской особенно. Число датированных памятников болгарских так ограничено, что точное определение века значительно труднее, чем в русской письменности. А так как рукописи XII в. почти отсутствуют, то практически вопрос сводится к различению первой и второй половины XIII в., а равно к различению XIII и XIV вв.: Для эпохи пергаменных рукописей мы принуждены тщательно взвешивать приметы графики, орфографии, орнамента и языка, а в эпоху бумажных рукописей (у южных славян — уже с середины XIV в.) существенную услугу при датировке оказывают нам водяные знаки.

С XII в. большинство югославянских рукописей представляет полуустав. При нем в некоторых роскошных рукописях находим крупный и выправленный литургический устав. Таково сербское Мирославо евангелие и некоторые болгарские рукописи эпохи Иоанна Александра.

§ 71. Начерки в югославянской письменности изменялись иначе, чем в русской. Отметим прежде всего, что различные начерки, характерные для древнейшей кириллицы, в югославянских рукописях продолжают употребляться и позднее XI в. Македоно-болгарское Добромирово евангелие очень важно в этом отношении своими показаниями. По состоянию языка и орфографии оно не может быть относимо ни к XI, ни к XIII в.: оно, с одной стороны, утратило старую правильность в употреблении юсов, характерную для древнеболгарских рукописей, с другой — еще не имеет новой нормировки юсов, или так называемой «смены» их. По совокупности примет академик Ягич справедливо относит Добромирово евангелие к XII в. Ясно, что за отсутствием датированных памятников XII в. Добромирово евангелие становится главным представителем и мерилom этой эпохи болгарских рукописей. Между тем Добромирово евангелие знает следующие

⁴⁷ В России некоторые филологи до сих пор повторяют мнение Срезневского, который видел в этом имени Асеня I (1186—1196). Своих оснований Срезневский в свое время не сообщил, и решающих доводов в пользу его взгляда с тех пор приведено не было.

древнейшие начерки: а и р с малою головкой, ђ, ц и џ, помещенные вместе с хвостиками в пределах строки, w с высокой серединой. Можно думать, что эти архаизмы у южных славян вообще господствовали в XII в., ибо еще и в XIII в. они не вполне вытеснены новыми типами: македоно-болгарская Болонская псалтырь имеет ять новое высокое и старое низкое, омегу новую с сокращенной серединой и старую с высокой, пси новое в виде лука с стрелой и старое крестовидное, ци и џ, стоящие хвостиком на строке, по-видимому, в XIII в. уже отсутствуют. Но Добромирово евангелие XII в. имеет два варианта буквы а с малою головкой: один подобный старому а, т. е. с головкою более или менее треугольной, другой вариант новый — с головкою в виде плоской петли. Этот вариант, очевидно, принадлежит XII в. и последующим ⁴⁸.

С XIII в. в болгарской письменности во многих рукописях совершенно отсутствуют знаки юсов иотованных: љ и ља, а в сербской письменности — с XIII в. отсутствуют также жи и ла — знаки юсов простых, или неотованных. Из полугласных в сербской письменности на месте старых љ и ља употребляется только љ.

§ 72. В болгарской письменности необходимо различать два разряда — Македонский и Восточноболгарский. Они различаются по приметам языка, орфографии и графики. Территориальная классификация, как мы видели (§ 3), всего надежнее производится по данным языка.

В Македонском разряде может быть встречено написание о вместо љ всюду, где в соседнем слове направо исчезли (хотя часто и продолжали писаться) звуки љ, љ и і краткое: сонљ, токмо, крољ, любовиљ, воиљ на месте древнеболгарских сљнљ, тљкъмо, крљљ, любљвиљ вљлиљ. В восточноболгарских рукописях такие случаи отсутствуют совершенно или встречаются редко. В последнем случае написания о вместо љ объясняются или 1) переносом из македонского оригинала в восточноболгарский список,

или 2) отчасти принятием македонского выговора в литургический славянский язык, именно — в таких литургических словах, как **любовљ**, **смоковница** (на месте древнейших **любљљ**, **смокъљница** или 2) особенностью древнего дунайского наречия, которое по фонетическим причинам изменило љ в о в трех только случаях: а) в суффиксе **љкъ**, например, **патокљ**, **початокљ**, **младокљ** «молодой побег» (на месте древнейшего **патљкъ** и пр.), б) в членовой форме или тесном соединении существительного с последующим местоимением: **работљ**, **градљ** (на месте древнейших **рављ-тъ**, **градљ-тъ**), наконец, в) в местоимении **тон** «он» (на месте древнейшего **тъ**): о из љ в 1), 2), 3) получено как в македон-

⁴⁸ Листки Ундольского, на основании точного различения знаков ж и л по большей части относимые еще к древнеболгарским памятникам, на самом деле, вероятно, относятся к началу XII в.: они имеют а с малою плоскою петлей, не знают юсов иотованных, почти не употребляют љ.

ских, так и в восточноболгарских рукописях. Все эти ограничения должны быть приняты в расчет при отнесении среднеболгарской рукописи к Македонскому или Восточному разряду. Македонскому разряду свойственны также ошибочные написания ѣ вместо настоящего (старого) о: вѣскъ вместо воскъ, такие написания можно назвать антимакедонизмом (ср. выше стр. 31, термины антирусизм, антисербизм и пр.). В Македонском разряде распространено и правописание с одною полугласною, причем употреблялось или только ѣ (дѣнь вм. старого дѣнь «день») или только ѣ (сѣнь вм. старого сѣнь «сон»); в этом последнем случае находим, следовательно, частичное совпадение с сербским изводом. В Македонском разряде иногда пишутся фиктивные полугласные, т. е. такие, которые в данном положении никогда не произносились (например, пѣрѣда вм. правѣда, сѣтарче вм. старѣче). В XIII в. в Македонском разряде является упрощенное народное правописание с одним юсовым знаком: сначала пишется только ж вм. ж и л (пѣтъ вм. старых пѣтъ «путь» и пѣтъ «пять»), позднее, во второй половине XIII в., пишется также одно л (пѣтъ вм. старых пѣтъ и пѣтъ⁴⁹). Кроме того, во второй половине XIII в. в Македонском разряде находим следующие явления: 1) обилие графических вариантов юсов, между тем как ранее, с XI в., известны были по большей части только ж и л, другие знаки были редки; 2) смешиваются на письме знаки юсов и знаки полугласных: ѣ мѣка вѣунуѣхъ вместо старого ѣ мѣкъ вѣуныѣхъ, 3) чаще смешиваются на письме знаки ѣ и н, что в первой половине XIII в. встречается лишь спорадически (ср. ту же особенность в сербском изводе), 4) нередки ошибки в падежных окончаниях: ѣ пѣтн хрнстовѣмъ, прѣдъ дѣверѣхъ вм. старых ѣ пѣтн хрнстова, прѣдъ дѣврѣмн.

Причины приведенных явлений могут быть определены так: во второй половине XIII в. сказываются резкие перемены в фонетике и морфологии болгарского языка; это отражается, между прочим, в большой безграмотности македонских рукописей.

§ 73. Восточноболгарский разряд гораздо грамотнее, и почерк здесь красивее. Это понятно, ибо центром второго Болгарского царства (XIII—XIV вв.) была Восточная Болгария. В Восточной Болгарии ни обилие графических вариантов юсов, ни орфография с одной полугласной, ни орфография с одним юсом — вообще неизвестны. Равным образом здесь неизвестны ни частые ошибки в падежных окончаниях, ни частое смешение знаков ѣ и н, ни частое смешение знаков полугласных с носовыми; исклю-

⁴⁹ Уже в XI в. должно было существовать правописание с одной полугласной, а в XII в. — правописание с одним юсовым знаком. Но тогда это не было господствующей орфографической манерой, судя по тому, как скудны следы такого правописания. Македонский разряд XIII в. узнается по сравнительному обилию памятников одноюсого письма.

чение составляет обычное и в Восточной Болгарии правописание ил (в значении союза нъ «но»).

Восточноболгарский разряд уже в XIII в. имеет склонность употреблять ѣ для обозначения болгарского глухого звука ѣ, а к — в значении знака безгласного; в XIV в. эта склонность усиливается и при Евфимии становится правилом. Из юсовых знаков Восточноболгарский разряд употребляет почти только ж и л. Восточноболгарские писцы употребляют юсы по известному правилу, называемому «сменой» (см. выше в главе об изводах).

Между сербской и болгарской письменностью XIII и XIV вв. существует взаимодействие, что отражается значительным сходством в эволюции начерков и в орфографии. В XV в. традиции Евфимиевской реформы продолжают жить в сербских и румынских странах, сравнительно с Болгарией менее подверженных турецкому разорению.

§ 74. Определить век среднеболгарской и сербской рукописи чисто палеографическим методом всего легче на основании начерков буквы ча: в XII в. (насколько мы вообще его знаем у южных славян) господствует ча симметричное — с округлой или конической чашею; прямоугольная чаша является редко. В XIII в. господствует ча полусимметричное (начерки стремятся к симметрии, но не достигают ее потому, что буква пишется в два приема: длинная кривая + короткая наклонная. Реже в XIII в. вполне асимметричное, одностороннее ча: длинная наклонная + наклонная или кривая короткая; из симметричных типов в XIII в. встречается только угловатое коническое ча. В XIV в. господствуют односторонние начерки, из коих некоторые пишутся уже не в два приема, а в один (см. рис. 58, ряд 4 и 5; рис. 58): из более старых типов еще встречаются угловатые (симметричные и несимметричные).

75. Кроме того, югославянские рукописи XIV в. при старых вариантах букв в, е, з, ж, т начинают употреблять новые: в «калачиком», т. е. с круглыми отдельными петлями, з в виде цифры 3, е такое же, но в обратную сторону, т с двумя или с тремя длинными ножками, ж — почти без верха (ср. рис. 58, ряд 1—3). Так как сербы устранили полугласную ѣ, то и в знаке еры находим вместо нее ерь: ѡ. У болгар в XIII в. в школе, сохраняющей только ѣ, пишется ѡ, но в школе, сохраняющей только ѣ, смотря по памятнику, пишется ѣ или ѡ. В Восточной Болгарии, где сохранялись обе полугласные, в XIII в. еще пишется ѣ, в XIV в. преобладает ѡ. В XIII в. у южных славян проявляется, а в XIV в. господствует обязательная постановка десятеричного ї перед всеми гласными: пѣнїе, пѣнїа, пѣнїю, въ пѣнїи и т. д. (вм. старославянских ик, иа, ие, ин), между тем как в древнеболгарском правописании и в России до югославянского влияния десятеричное ї было только необязательным сокращением (в конце и под конец

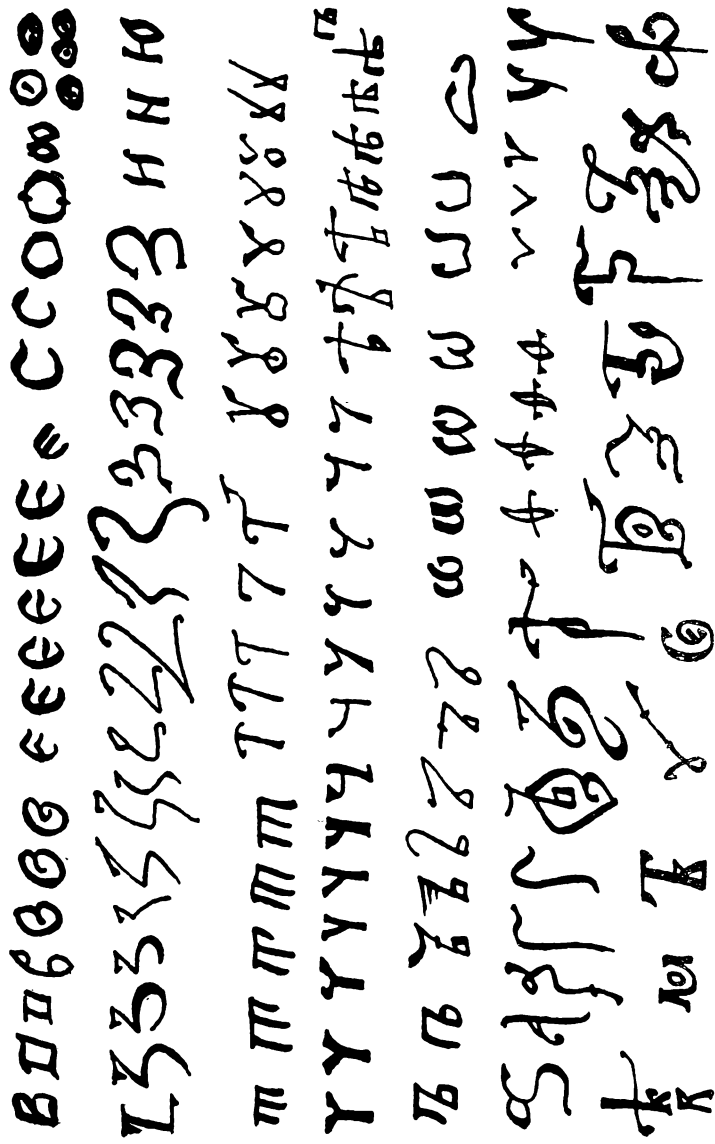

Рис. 58. Южнорусский полуустав XV—XVII вв.

строки) восьмеричного п, причем из двух соседних п могло быть сокращаемо только второе: прѣлѣнтѣк (обычно), прѣлѣнтѣк, прѣлѣнтѣк, въ прѣлѣнтѣи (обычно), въ прѣлѣнтѣи, въ прѣлѣнтѣи (вертикальная черта означает конец строки). У южных славян сохраняются такие особенности древнеболгарского правописания, которые некогда подверглись изменению в России. Таковы: 1) группы рѣ, лѣ, рѣ, лѣ в таких случаях, где в русском языке гласная стоит перед плавной, ср. старославянские трѣгѣ (русское *торг*), длѣгѣ (русское *долг*), врѣхѣ (русское *верх*), влѣкѣ (русское *волк*); 2) группы рѣ, лѣ в таких случаях, где в русском языке находим полногласие *ере, оло*, а в русском изводе книжного церковнославянского языка писалось *ре, ле*: старославянское врѣгѣ, млѣко, русское *берег, молоко*, русский извод церковнославянского языка врегѣ, млеко.

§ 76. Сербские, болгарские и румынские почерки могут быть различены и по общему впечатлению. Сербские почерки (кроме боснийских) прямые, округлы и довольно красивы; буквы приближаются к размерам квадрата, и все линии их довольно толсты. Румынские почерки тоже прямые, тоже имеют широкие буквы, но эти почерки несколько острее сербских, их округлости имеют некоторый манерный извив, а черты тонкие и толстые резко различены. Из болгарских почерков македонские вообще некрасивы и просты; они часто бывают наклонны к концу или (реже) к началу строки, отдельные буквы — угловаты или срезаны сверху; такие буквы, как *нн п*, бывают сжаты с боков (узкие); буквы в строке бывают неравной величины и с неравным наклоном. Несмотря на общее впечатление простоты и грубости македонские почерки вообще довольно разнообразны по внешнему впечатлению. На русской почве они сильнее отразились на западе и юго-западе в различных простых (деловых, народных) почерках и особенно часты — в XV в. Восточноболгарские почерки — лучшие из югославянских XIII—XIV вв. Это объясняется наличием крупного культурного центра, по коему красивые восточноболгарские почерки и называются тырновскими. Один тырновский почерк — прямой и умеренно округлый (несколько острее сербских почерков) послужил источником для подобного, но более манерного румынского почерка, о коем упомянуто выше. Этот тырновский почерк перешел и в Россию: известен в России юго-западной и западной главным образом в XVI и XVII вв., а в Московском государстве — до середины XVI в. Другой тырновский почерк (лучший из всех южнославянских) — наклонный вперед, довольно острый и изящный. Он утвердился в Московском государстве. В XV в. он встречается в России редко, ибо каллиграфический вкус тогда еще не развит. Но в XVI в. он стал любимым каллиграфическим почерком лучших великорусских писцов, привился в новгородской школе Макария, а в Москве — в школе Грозного и из нее перешел в печатные

церковные книги. Кроме того, у южных славян в XIV и XV вв. существовал особый, по большей части очень круглый греческий почерк, прямо подражающий византийской скорописи — с красивыми, округленными начерками. Некоторые начерки этого греческого почерка проникли в XIV в., как мы видели, в другие, чисто славянские почерки, сербские и болгарские. Таковы, например, начертания *е*, *ε*, *з*. Этим греческим почерком писал, между прочим, московский митрополит Киприан сербский. Но большого распространения в России греческий почерк не получил.

Югославянские писцы XVI в. употребляли различные вычурь. Так, например, в слове *око* писалось *о* с точкой внутри, в слове *оун* — писалось *о* с двумя точками внутри или два *о* слитных, каждое с точкой. В слове *окръсть* писалось *о* с крестиком внутри⁵⁰. В конце строк многие буквы украшались хвостами, узелками и усиками. В нижней и в верхней строке некоторые буквы узорно выступали на поля. Употреблялись *о* и *с* широкие, а равно различные декоративные лигатуры (соединения букв, основанные на совпадении соседних линий) и вензеля (соединения букв, основанные на пересечении линий) — см. рис. 47, ряд 6 и 7.

§ 77. В конце XIV в., незадолго до падения Болгарии, тырновский патриарх Евфимий произвел исправление книг. Реформа Евфимия касалась также орфографии, как видно из того, что именем царя (Иоанна Шишмана) и патриарха обнародован был наказ писцам. Ни этот наказ, ни подлинные тырновские тексты Евфимиевской редакции до нас не дошли. О Евфимиевской орфографии мы судим по сербским и румынским рукописям XV в., по грамматическому сочинению серба Константина Костенцкого, учившегося у учеников Евфимия, а равно по тырновским рукописям середины XIV в., непосредственно предшествующим реформе. При отце Иоанна Шишмана, царе Иоанне Александре, наблюдается некоторое оживление болгарской письменности и искусства. До нас дошло, между прочим, несколько лицевых рукописей, возникших при его дворе: Лицевая летопись Манасии в болгарском переводе (Ватикан), евангелие Иоанна Александра с изображением царской семьи (Британский музей), Лицевая псалтырь Томича (Москва, Историч. музей), а равно несколько рукописей без лиц, но отличного письма. Сравнивая эти тексты с такими, которые писаны после Евфимия и на основе его реформы, мы должны принять, что Евфимий только привел в систему восточно-болгарскую орфографию, как она сложилась до него, введя от себя некоторую организацию.

⁵⁰ Ранее *о* с точкой и *о* с крестиком употреблялись вне этих слов, не как идеограммы, а просто как декоративные буквы.

в четырехугольное и в округлое (рис. 58, ряд 1); при *е* появляется *є*; вместо старых типов геометрического *з* появляются негеометрические, в том числе тип наподобие цифры *3* (рис. 58, ряд 2); вместо *е* йотованного и *е* якорного появляется тип, отличный от простого *е* большею шириной, а от якорного — направлением не вверх, а вправо или вниз; вместо *ѡ* с сокращенной серединой снова появляется *ѡ* с высокой серединой (обычно), а *ѡ* без середины — в особом «греческом» почерке (рис. 58, ряд 5); вместо *т* появляется *т̃*; вместо *ѡа* симметричного появляется одностороннее (рис. 58, ряд 4); вместо *ѣ* появляется *ѣ̃*; вместо *и*, *н*, *ю* с косой перекладиной сверху появляются *и̃*, *н̃*, *ю̃* с косой перекладиной в середине (рис. 58, ряд 2 в конце). Все эти новые типы вытеснили своих предшественников. Кроме того, не вытесняя старых начерков, появляются новые *ѣ̃*, *ѣ̃̃* (рис. 58, ряды 4 и 5), т. е. *ѣ̃* и *ѣ̃̃* получают такое же удлинение загибов, как *т̃*; ижица может иметь вид *ѵ* и *ѵ̃* вместо *ѵ̃* (рис. 58, ряд 6 в конце). Вот главные графические приметы, коих *мы*, вообще говоря, не встречаем в русских рукописях XIV в. и которые вообще характерны для XV в., но отчасти известны также и в следующих веках.

§ 80. В орфографии появились следующие югославянские черты:

1. Знак *ѣ* стал употребляться как вариант знака *ѣ̃*: *онѣ*, *богѣ*, *сынѣ* (мы видели, что *ѣ̃* в составе знака *ѣ̃* был совершенно вытеснен знаком *ѣ*).

2. Знаки *ѣ̃* и *ѣ̃̃* стали употребляться после плавных вместо русских «*о* и *е* перед плавными» в таких случаях, как *врѣхѣ̃*, *врѣхѣ̃̃* «верх» и *вълна*, *вълна̃* «волна». Это правописание ошибочно распространялось иногда и на *о*, *е* старые: *палѣ̃* вм. *палѣ̃̃* «половина».

3. Звук *з* стал выражаться иногда через *з̃* (зело), звук *у* (лат. *и*) — иногда через *юс* большой (*ж*), который по меткому выражению старой русской книжности ставился «красоты ради, а не истивы»: *ѡмж*, *сынж* и т. п., т. е., между прочим, и в таких случаях, где болгарский язык никогда не имел звуков *з̃* и *ж*.

4. Фита, ижица, кси, вне числового значения в XIII—XIV вв. весьма редкие, стали употребляться в словах заимствованных, в подражание греческому правописанию.

5. Вместо правописания «*оу* в начале слога, *ѵ* в середине слога» всюду восстановлено *оу* или его замена — лигатура *ѡ*.

6. Вместо *ѡ* после гласной стало употребляться *ѡ̃*: *дѡбраѡ̃ братѡ̃ моѡ̃*; это явление, возникшее фонетически в говорах болгарского языка, в России графически распространено и на такие случаи, где болгарский язык никогда не имел звука *ѡ̃*: *всѡ̃ Рѡсѡ̃и* (старосл. *вѣсьѡ̃*, среднеболг. написания *вѣсьѡ̃*, *вѣсьѡ̃̃*).

7. Утверждается орфографическое правило, по которому перед всеми гласными обязательно пишется *і*, не *и* (ср. выше § 75).

8. Из орфографических явлений укажем еще, что югославянское влияние принесло нам: 1) запятую в качестве знака препинания, 2) обозначение (как в глаголице) цифры 900 через *ц* вместо старого кирилловского *л* (*л* в значении 900 почти исчезает со второй четверти XV в.), 3) появляется *е* оборотное (глаголического происхождения), которое уже с конца XV в. встречается в западнорусской письменности для выражения *э* (не *је*!) в начале слога, а с установлением гражданского шрифта в том значении употребляется в новой русской грамоте.

§ 81. Таково содержание югославянского (главным образом болгарского) влияния. Оно несколько ранее (с середины XIV в.) и сильнее привилось в западной и юго-западной Руси, нежели в Московском государстве; в последнем, например, *ж* и *рѣ*, *рѣ* и *пр.* (вм. русских *ор*, *ер*) вообще не получили общего распространения, а в первой половине XVI в. московская письменность (кроме литургических текстов) вообще постепенно очищается от югославянских особенностей; на западе и юго-западе России они отзываются и в XVI в. и отчасти даже в XVII в. Для Москвы XVII в. написание «всѣа Русіи» в титуле царя Алексея Михайловича было, например, уже сознательным архаизмом. Как бы то ни было, в XV в. громадное большинство русских рукописей кишит югославянскими особенностями. Есть рукописи с сербским, есть с болгарским влиянием, есть рукописи с сербскими и болгарскими чертами одновременно. Но преобладает влияние болгарское, почему вполне уместно говорить о смешанном русско-болгарском изводе.

§ 82. Ясно, что югославянское влияние в графике и орфографии принесло нам главным образом ненужные или вредные элементы, противоречащие русской фонетике, обременительные для памяти писца или для глаза читателя. Большинство этих чуждых элементов устранено теперь своего рода отбором, причем югославянских знаков *ш*, *п*, *п*, *н*), как увидим, господствовало в русском полууставе XVII и XVIII вв., было принято Петром Великим в его гражданский шрифт, и только в середине XIX в. заменено в печати типом *т*, а в современных нам скорописных почерках у большинства господствует до сих пор, необычайно усиливая нечеткость. Единственные полезные остатки югославянского влияния, недаром уцелевшие, суть следующие:

1) Одностороннее *ч*, более удобное для письма и для чтения: *ч* и другие симметричные типы были бы нечетки в печати при других буквах с симметричным верхом, каковы *т* и *у*.

2) Более простое *ы* вместо *ѣ*.

3) Правописание *і* перед всеми гласными. Как мы видели, такое правописание появляется в Болгарии еще в XIII в. Первоначально оно вызвано потребностью дать для глаза отдых от монотонного написания *иш*. Современное нам новоболгарское

правописание, совершенно устранившее знак *i*, неприятно и утомительно для глаза, ср., например, группу «*шини*» и «*шин*» или соответствующие курсивные группы *шини* и *шин*. То же искание зрительного отдыха, или «дифферента» находим в средневековой французской графике, где группа *ii* заменилась через *ij*, откуда далее *y* в значении двойного *i*. Почему в Болгарии XIII—XIV вв. утвердилась последовательность *in*, не *ni* — объясняется, вероятно, влиянием греческого письма, где группа *ιη* встречалась часто, а обратная группа *ηι* почти не встречалась. Что же касается постановки *i* перед остальными гласными, то это орфографическое правило установилось отчасти также под влиянием распространенных греческих написаний *ια*, *ιε*, *ιο* и т. д. (написания *ηα*, *ηε*, *ηο* почти или совсем не встречались), но главным образом для того, чтобы после введения абсолютно полезного написания *in* объединить правописание и сохранить цельность тех графических картин, которые разбились бы при двойственном правописании *пѣнне* — *пѣнѣи*, *кесарни* — *кесарѣи*, *прѣмешн* — *прѣмѣж* и пр. Современный русский литературный язык, особенно в своих высших функциях, изобилует отглагольными существительными на *-ие*, *-ие* и заимствованными культурными словами на *-ия*. Поэтому целесообразное в своей основе и практически легко усвояемое правописание *iu*, *ie*, *ia*, *iu* могло бы быть сохранено. Его отмена заметно уменьшит четкость русской книги, т. е. затруднит и замедлит процесс чтения, которое в современных условиях жизни для большинства людей есть главная из всех потребностей, удовлетворяемых письменными знаками.

То же самое следует сказать относительно старого начерка **ѣ** с высоким крестом. Опыты убеждают, что такое **ѣ**, подобно высоким зданиям городов, является важным сигнальным знаком, по коему быстро узнается вся зрительная группа, в данном случае — слово.

XIII. РУССКИЙ ПОЛУУСТАВ

§ 83. Русский полуустав XV—XVII вв. в палеографическом отношении сравнительно мало исследован, главным образом потому, что для этой эпохи время написания рукописи легче и вернее определяется по водяным знакам, по вязи, по орнаменту, чем на основании эволюции почерков.

§ 84. Полуустав XV в. узнается главным образом по общему характеру своих почерков — румынских и македонских (см. выше). Эти два типа почерка господствуют в XV в., между тем как красивые тырновские почерки редки; они распространены в XVI в., но только в Московском государстве. В юго-западной России в XVI в. и даже в начале XVII в. господствует полуустав румын-

ского почерка, а в западной России в XVI в. вырабатывается довольно простой и четкий полууставной почерк, который часто бывает мелким, между тем как полууставные почерки Московского государства по большей части одного и того же, среднего размера. XV век не может быть отличен от первой половины XVI в. по количеству югославянских графических особенностей: обем эпохам свойственны югославянские декоративные лигатуры и прочие вычуры⁵¹. Равным образом всему XV в. и первой половине XVI в. на всей русской территории свойственно югославянское правописание в его ненужных особенностях (ж, зияние аа в м ай и пр., югославянские постановки ръ в м. ор, лъ в м. ол и пр., знак к в м. ѣ. Однако в московской письменности первой половины XVI в. югославянские особенности представлены уже не последовательно, как пережиток. Во второй половине XVI в. московская письменность уже свободна от югославянской орфографии, между тем как западная и юго-западная страдает ими весь XVI в. и еще в начале XVII в. Из отдельных почерков в XV в. господствуют разнообразные некрасивые типы знака *земля*, ломаные и кривые, во всевозможных переходах от «зигзага» к «тройке» (см. выше, рис. 58). В XVI в., в Московском государстве особенно, господствует красивая *земля* тырновского происхождения. В московском полууставе XVI в. этот тип становится особенно красив, он получает маленькую, склоненную вниз головку на высокой лебединой шее. На юго-западе в том же типе шея умереннее, а хвост буквы толще.

§ 85. Полуустав XVII в. вообще отличается простотой почерка: он лишен изящества почерков XVI в. и грубой манерности почерков XV в. Равным образом XVII в. лишен всех тех вычур, кои одинаково свойственны полууставу XV и XVI вв. Эти вычуры (см. выше, рис. 58, ряды 6 и 7) — декоративные лигатуры и вензеля, буквы с узелками и усиками, с высокими широкими верхами или длинными хвостами — ставились к полям верхнему, нижнему и боковому. До самого конца XVI в. в исходе строки можно встретить такие вычурные буквы, строчные и надстрочные, между тем как в XVII в. писцы уже не увлекались подобной каллиграфией, ибо работали на сбыт, конкурируя с печатным станком. Поэтому для различения полуустава XVI и XVII вв. следует пробегать глазом вдоль конца строк: наличие украшений всегда будет говорить за XVI в. и против XVII в. Главное исключение из этого правила составляют рукописи первой четверти XVII в., писанные в Сергиевой Троицкой лавре, где традиции XVI в. не были прерваны Смутным временем.

Из отдельных начерков XVII в. свойственны: во-первых, очень простая *земля* ломаного рисунка, кроме того — очень распро-

⁵¹ Эта каллиграфия еще очень сильна в придворном Московском полууставе эпохи Грозного.

странена земля в виде тройки, полученная еще в эпоху югославянского влияния и с тех пор не исчезающая. Во-вторых, в XVII в. господствует буква ш (*mэ*) в три равных черточки; в XV и XVI вв. одна из боковых черточек или обе могут быть короче средней, но могут быть и той же длины, т. е. как в XVII в. Таким образом, тип ш свойствен всем трем векам полуустава и его наличие не датирует рукопись, между тем как присутствие иных типов свидетельствует против XVII в.

§ 86. Различить века полуустава можно также по сокращениям, в частности по надстрочным, или выносным буквам. В уставе, по греческому образцу, употреблялись сокращения, которые состояли в пропуске строчных букв и отмечались надстрочными знаками, или титлами (им. ед. «титло»). Эти сокращения были двух родов: 1. Без выноса буквы над строчку: **бгъ** «бог», **дхъ** «дух», **снъ** «сын», **мти** «мати», **стъ** «свят» и др. Титло состояло из горизонтальной черты, по большей части с загнутыми краями. Так сокращались у греков и славян основные религиозные понятия: **снъ** всегда означает Христа, **мти** — богородица. 2. Сокращения с выносом буквы над строку: **рвѣ** «рече», **неѣ** «неделя», **ввѣ** «вечер», **коѣ** «конец». Так сокращались часто встречающиеся, «обиходные» слова бытового и служебного характера. Титло в этом случае имело вид крыши округлой или двускатной. Иногда тем же способом писались и религиозные понятия: **хѣ** «христос», **апѣль** «апостол». До XIV в., в уставе пропуск титла в том и другом классе является лишь в виде случайной небрежности. Только предлог **отъ** пишется в виде **Ѡ**: омега и надстрочное т без титла⁵², — очевидно потому, что сама эта буква своим начерком напоминала титло. Над иными буквами, нежели омега, т писалось с титлом. В XIV в. в уставе и русском полуустава без титла иногда пишется надстрочное д. В XV и XVI в. в полуустава югославянского типа постепенно прибывают надстрочные «титловидные» буквы без титла.

§ 87. В XV в., в первой половине, находим без титла только надстрочное д над любой буквой и надстрочное т над омегой в предлоге **Ѡ**; над другими буквами надстрочное т без титла очень редко и всегда сохраняет свою ножку. Во второй половине без титла находим надстрочные **джзмитх**, причем к д может присоединяться о, а т иногда теряет свою ножку.

§ 88. В XVI в. прибывают с первого десятилетия новые надстрочные буквы без титла: в, г, лежащее «эрь»: **э**, а равно и в виде двух наклонных: **э**. Тогда же прибывают менее упо-

⁵² Несокращенное написание **отъ** редко уже в древнейшую эпоху. **Ѡ** под титлом писалось иногда в уставе в смысле цифры 800, т. е. вместо **Ѡ**. В цифровом значении буквы вообще снабжались титлом.

требительные надстрочные и, к без титла. Титловидные надстрочные XV в., разумеется, сохраняются и теперь, но надстрочное т часто является без ножки, а надстрочное х своими правыми концами нередко смыкается в петлю. Надстрочное ш над собою или после себя может получать и в виде двух наклонных.

§ 89. Все эти надстрочные титловидные буквы следует искать в середине строки, а не в конце, ибо в конце строки надстрочные выносы нередко бывают вынужденными и потому более произвольными. С начала XVII в. прибывает надстрочная группа гч, в коей Г вырастает из среднего штамба «омеги». Далее развитие титловидных выносов останавливается, и полуулав XVII в. живет тем, что было получено от XVI в. Заметим здесь же, что в скорописи XV и XVI вв. развитие титловидных выносов идет почти так же, как в полуулаве, между тем как скоропись XVII в. идет в этом случае своими особыми путями (ср. ниже в главе о скорописи).

XIV. СКОРОПИСЬ

§ 90. Скоропись есть почерк, рассчитанный на существенное ускорение процесса письма. Ускорение достигается: 1. Большой свободой тех нажимов и взмахов, коими конечности букв выводятся вверх или вниз. 2. Безотрывными написаниями соседних букв. 3. Более многочисленными сокращениями. В создании великорусской скорописи из трех указанных действующих причин первая была основною, она обусловила новый, скорописный почерк. На постепенном проявлении второй и третьей действующей причины основана дальнейшая эволюция великорусской скорописи. Иными словами — древнейшая великорусская скоропись была более свободным и размашистым способом письма. Позднее — соединения⁵³ и сокращения, умножаясь с каждым веком и полувеком, видоизменяли скоропись.

Скоропись может быть основана и на ином принципе, и тогда она получает существенно иной вид. Так, византийская скоропись имеет круглый и более или менее мелкий характер по той причине, что в основу ее положены мелкие округлые движения пальцев. При таком приеме письма нажимы и взмахи не играют суще-

⁵³ Соединения, или безотрывные написания скорописи, должны быть отличаемы от лигатур вязи. Последние основаны на совпадении смежных и притом тождественных частей двух соседних букв, между тем как связанные написания скорописи основаны на введении соединительных черт между соседними буквами. Существует еще один вид сочетания соседних букв, называемый вензелем. Вензель состоит в пересечении одной буквы другою. Четвертый термин, монограмма, обозначающий как лигатуру, так и вензель, но только уставного почерка, принят в нумизматике и сфрагистике; в палеографии он является излишним.

ственной роли: экономия времени достигается привычкой к однообразному круглящему движению, а равно его малым радиусом. Соединительные черты и сокращения являются и в этом случае необходимым подспорьем; кроме того, и лигатуры имеют большое значение в византийской скорописи.

Скоропись появляется на Руси прежде всего в памятниках. кои служат практическим целям: в документах дипломатических (грамоты и договоры), административных (писцовые и переписные книги, делопроизводство в приказах), судебных (следственные дела и тяжбы, челобитные и судебные решения), хозяйственных (описи имущества, книги приходные и расходные). В таком употреблении скоропись довольно распространена уже в XV в., а в XVI и XVII вв. господствует. Кроме того, в XVI в. реке, а в XVII в. чаще скорописью пишутся и литературные памятники. Однако до XVIII в. литературные памятники (кроме черновики) несравненно чаще пишутся полууставом, а церковные — почти всегда.

Скоропись может быть четкой, т. е. не спешной, заменяющей полуустав в эпоху, когда он уже отжил; такова часто скоропись XVIII в. Скоропись может быть беглой, т. е. спешной, в большей или меньшей степени. Особенной беглостью отличается скоропись помет, собственноручных подписей и черновых документов. Новые приемы прежде всего и сказываются в беглой скорописи. Как правило, следует отметить, что под конец каждого века в беглой скорописи появляются такие новые явления, которые в следующем веке станут общими. В этом случае особенно следует помнить, что памятник датируется по совокупности примет, а не по одной примете, хотя бы и характерной.

§ 91. В России скоропись появляется еще в XIV в., именно — в некоторых грамотах. По своим начеркам русская скоропись XIV в. есть в сущности тот же древнейший русский полуустав, но только значительно ускоренный полной свободой нажимов и взмахов. Не только отдельные начерки этой древнейшей скорописи все принадлежат русскому полууставу, но также и орфографическая система. Скорописи XIV в. свойственны, между прочим, такие начерки древнейшего полуустава, как ж без верха, лежащее е (в значении йотованного) ч без ножки, з в виде некрасивого крючка (ср. рис. 56, в конце рядов 4, 6 и 9). В правописании эта скорость сохраняет правило, возникшее в русском уставе в середине XIV в.: оу, иа, ѡ в начале слога, у, ѡ, е в середине слога. Кроме того, в скорописи перешло (и навсегда в ней сохранилось) древнейшее употребление знаков н и і: первый знак — основной и употребляется во всяком положении, последний — есть лишь факультативное сокращение первого, каковое, однако, никогда не употребляется перед н (восьмеричным), а только после него: иѣ. С XV в. в полууставе югославянского характера, как мы видели, десятеричное і употребляется как в позднейшем русском

правописании: перед всеми гласными, притом не факультативно, а обязательно. Сокращения в древнейшей русской скорописи, как ранее в уставе и полууставе, обозначаются или одним титлом или вынесенной под титло буквою, причем сокращения те же, что в уставе и полууставе, и в том же количестве; а безотрывных написаний еще нет. Эта древнейшая скоропись XIV в. мало различается по территориям русской земли.

§ 92. С XV в. скорописи Московского и Западнорусского государств начинают расходиться. К началу XVI в. оба разряда скорописи создают независимо друг от друга новые начерки букв, отличные от полууставных. В московской скорописи уже с самого начала свобода взмаха несравненно сильнее, чем в западнорусской, а самые взмахи направлены вверх, почему среди новых начерков преобладают высокие буквы. В западнорусской скорописи с самого начала сильнее сказываются югославянские влияния. Они, как мы видели, вообще менее коснулись Московского государства, и в нем ранее стали исчезать в своих последствиях. Но всего менее югославянское влияние коснулось московской скорописи: она только во второй половине XV в. обнаруживает новые начерки, отличные от русского полуустава XIV в. и заимствованные из югославянских источников. Югославянская скоропись, возникнув под непосредственным влиянием скорописи византийской, развила принцип круглящих движений и не дала полного развития принципу свободных взмахов; ее длинные линии носят манерный характер — не спешный, а декоративный. То же сказалось в скорописи западнорусской: размахи ее скорее манерно-декоративны, как в югославянской скорописи, и по большей части направлены вниз в виде хвостов.

Югославянские влияния проникают в московскую скоропись главным образом из полуустава, особенно — через ускоренный или так называемый беглый полуууав югославянского характера: это — почерки простые и некрасивые, рассчитанные, кроме удобства, также на некоторое ускорение, но лишенные принципа полной свободы нажимов и взмахов. В московских документах XV в. этот беглый полуууав распространен сильнее, чем скоропись.

§ 93. Московская скоропись XV в. имеет сокращения такие же, как полуууав, а безотрывных написаний соседних букв еще совсем не имеет, ибо под этот термин не подходят немногие лигатуры и вензеля, проникшие из югославянского полуустава, каковы, например, *тв*, *тр*, *нъ* (см. рис. 58, последние два ряда).

В первой половине XV в. все вынесенные (надстрочные) буквы имеют титло, кроме буквы *д*, которая сама подобна титлу и потому очень часто его не имеет. Надстрочное *з* не имеет титла только в формуле «се *изъ*», начинающей документа.

Во второй половине из надстрочных букв тител по большей части не имеют «титловидные» буквы *джзлтх*, причем вынос-

ное т чаще, чем в полууставе, является уже без ножки (см. табл. 59). Из отдельных начерков еще в первой половине XV в. исчезло старое «якорное» е, заменившись (как и в полууставе) югославянским ѿ для выражения к. Со второй половины XV в. безразлично (т. е. без правил) употребляются в скорописи ѿ и ѿ, ѿ и ѿ; написания оу и е исчезли. Далее, т. е. в XV и XVII вв., начерк ѿ употребляется даже чаще, чем ѿ.

§ 94. Московская скоропись XVI в. все еще очень проста, но в смысле свободы письма это уже настоящая скоропись, ясно отличающаяся от беглого полуустава. Увеличивается число букв, писанных в один прием (т. е. не отрывая руки) и не более как в два приема. С самого начала века к старым выносным буквам без титла прибывают новые: лежащее р, двускатное л, б первоначально — с длинным титловидным навесом вверху, а равно и в виде двух косых черточек (см. рис. 59). Такое и может присоединиться справа к другим надстрочным буквам, например к д, подобно тому, как к нему же еще в конце XV в. присоединялось о. Надстрочное т в скорописи XVI в. всегда пишется без ножки, а надстрочное х часто пишется не отрывая пера — с петлею справа. Кроме того, надстрочные м и т могут иметь более или менее вертикальное написание (см. рис. 59). Остальные надстрочные буквы продолжают писаться под титлом. Несколько позднее, к середине XVI в. прибывает надстрочное нетитлованное н и такое же к; тогда же впервые надстрочное и начинает писаться в виде одной, несколько извитой и наклонной черты; написание и в виде двух черточек \llcorner не исчезает и далее. С конца XVI в. вертикально может писаться и само титло, помещаясь слева от вынесенной буквы.

1. В XVI в. появляются впервые безотрывные написания, но они очень немногочисленны. Чаще всего встречается связанное написание ѿв (см. рис. 59); оно входит в употребление в царствование Грозного и пишется в титуле и имени царя: «царь ѿ великий князь Иван Васильевич». Другие связанные написания до второй половины века редки.

2. Из отдельных начерков для скорописи XVI в. чрезвычайно характерно двухвостное д (здесь и далее см. рис. 59). Первые образцы такого д появляются еще под конец XV в. — один напоминает латинское R, другой — современное нам скорописное я. В XVI в. варианты двухвостного д многочисленны: буква пишется в один прием (не отрывая руки) или (чаще) в два приема, очень различными способами, но все варианты своим рисунком более или менее напоминают клещи. Под конец века преобладают два варианта: один — с правым хвостиком, укороченным и направленным несколько вверх; такое д легко соединяется с следующей строчною буквой; в другом варианте, не отрывая руки, сначала пишется головка буквы, потом один за другим оба хвостика; иногда правый хвостик отходит от головки, и тогда воз-

никает прототип современного скорописного *д*, но редко с петлею внизу. Треугольное *д* продолжает употребляться и в скорописи XVI в., но много реже и с некоторыми изменениями. Во второй половине XVI в., наряду с старыми начерками *ю* и *и*, *я* (последний возник из *л*) появляются варианты чисто скорописные — *ю* в виде *о* с крючком сверху, *и*, *я* в виде *а* с крючком сверху; они пишутся не отрывая руки. Буква *и* во второй половине XVI в. имеет вертикальные линии несколько округлые. Прочие новообразования XVI в. появляются главным образом под конец века, в документах очень беглого письма и должны быть рассматриваемы под XVII в., где они господствуют и образуют систему.

§ 95. Московская скоропись XVII в. развивает постепенно сложную систему сокращений и связных написаний (рис. 59). В разряде сокращений следует отметить различные явления:

1. Выносное *м*, писавшееся ранее наклонным зигзагом, с начала XVII в. пишется в виде большой (и вверху толстой) наклонной прямой; выносное *и* изображается в виде наклонной значительно меньшего размера. 2. К выносным буквам, утратившим титло еще в XV и XVI в., в XVII в. прибывает вновь только литловидное широко перечеркнутое *и* (см. там же); ранее надстрочное «*и*» было перечеркнуто умеренно; но скоропись XVII в. имеет ту особенность, что при случае титло может быть пропущено над всякою буквой. 3. Надстрочные буквы, сохранившие титло, часто соединяются с этим последним и пишутся с ним не отрывая руки, причем сама вынесенная буква часто изображается с утратой частей. Так создаются новые надстрочные *л*, *и*, *м*, *г*, *р*, *ч*, *в* (расположенные здесь по степени употребительности, см. там же). Наряду с этими слитными типами продолжают употребляться старые выносы с горизонтальным или вертикальным титлом, а также выносы без титла.

I. Соединение или связные написания широко распространяются только в XVII в., но и в нем никогда не образуют ни обязательной, ни точно установленной системы. Любая буква может соединяться с соседней буквой при помощи черты, т. е. писаться с нею не отрывая руки. Следует различать три вида соединений: 1. Строчная буква соединяется с строчною. Эти соединения прибывают постепенно; в начале века они еще разнообразны и встречаются нечасто. Это главным образом соединение *ив*, несколько иное, нежели в XVI в., да редкие соединения, начинающиеся буквою *д* (следующая буква стоит на правом хвосте буквы *д*, укороченном и приподнятом в строку). После Смутного времени в начале грамот и других документов связно и отчасти вензелем начинает писаться формула «се язъ». К середине века соединений всего этого разряда заметно прибыло. Под конец века их очень много и самых различных (см. там же). 2. Надстрочная буква соединяется с надстрочною. Этот разряд, представленный главным образом старым соединением «*до*», мало

развивается: надстрочные буквы чаще ставятся рядом без соединительной черты или образуют вензель, т. е. пересечение (см. там же). Впрочем, только с начала XVII в. находим новую надстрочную группу гв (см. там же). 3. Строчная буква соединяется с надстрочною. Это — типичное новообразование XVII в., особенно распространенное к концу его. Сюда относятся соединения строчных букв с надстрочным р, з, в, у, д и др. (см. там же).

Умножившиеся соединения с середины XVII в. отчасти вносят в скоропись новый принцип круглящих движений, не вытесняя, однако, первоначальный принцип движений свободных.

II. В отдельные начерки XVII в. вносит много нового. Двуххвостное д встречается только в начале века: преобладают те его начерки, кои пишутся не отрывая руки; рядом с ними — начерки с одним хвостом. Отсюда к середине века получается д нашего скорописного типа — с одним хвостом в виде петли, а к концу века — такое же д с головкою вправо. Еще в 30-х—40-х годах XVII в. некоторые буквы получают внизу росчерк в виде петли: это — ө, д, і и ѳ (см. там же). Во второй половине XVII в. так же начинают писаться ъ, ъ, ъ, ъ (см. там же). Под конец века петля особенно часто имеет большой росчерк у ъ, ъ, ъ, ъ, д (см. там же); тогда же ъ получает вверху большой крючок или петлю, в (особенно надстрочное) начинает писаться калачиком, ы — наподобие высокого змеевидного з. С 30-х—40-х годов XVII в. р начинает писаться не отрывая руки, наподобие стручка: левый извив вниз, правый извив вверх; во второй половине века такое р господствует и дает различные варианты, один — наподобие восьмерки. С 30-х—40-х годов начальная черта буквы и (ранее округлая) получает извив наподобие латинского s; к середине века извив становится очень силен, и тогда же и начинает писаться в два приема, как бы соединяя малое скорописное с с большим скорописным Л (см. там же). В итоге следует запомнить, что новшества в московской скорописи возникают главным образом во второй половине царствования Михаила Феодоровича и что сложный и своеобразный вид московская скоропись получает при Алексее Михайловиче. По общему виду скорописных почерков два царствования значительно различаются между собою.

III. Московская скоропись в XVII в. имеет многочисленные варианты одних и тех же букв. Варианты принадлежат отчасти различным десятилетиям, отчасти различным областям Московского государства, отчасти различным писцам. Вместе с тем всякий скорописный почерк употребляет одновременно различные варианты одной и той же буквы: в каждом отдельном случае тот или другой вариант избирается по требованию удобства или скорости: русское «аз» и греческое «альфа», «земля» и «зело», і «десятеричное» или и «восьмеричное» и многое другое. Некоторые буквы при этом могут получать очень сходные начерки, например: ъ, б, ѳ или в и ѳ (см. там же), но обыкновенно у одного

и того же писца полных совпадений не бывает, по крайней мере в том случае, если сходным знакам пришлось бы стоять рядом или почти: тогда вносится различие в частях или в общих размерах сходных знаков. Даже две тождественные буквы, стоящие рядом, нередко пишутся различно из своего рода оптической гигиены.

IV. В XVII в., когда скоропись становится главным видом письма, в Московском государстве появляется и каллиграфический вариант ее. Образец каллиграфической, или декоративной, скорописи дают нам прописи, или скорописные азбуки, в большом количестве дошедшие до нас от XVII в., особенно от конца его. Они писались главным образом на свитках. В декоративном варианте скорописи все начерки, кроме некоторых заглавных, суть скорописные по происхождению, но они выведены медленно и длинно, выправлены, большинство вертикальных линий получило извив, а концы размахов обращены в петли и завитки.

§ 96. Скоропись Виленская и Киевская. Вне Московского государства известно несколько разновидностей русской скорописи. Из них особенно типичны две: более древняя западная скоропись Литовской великокняжеской канцелярии XV—XVI в., или скоропись виленская и более поздняя скоропись юго-западная, или киевская, господствовавшая в XVII в. Виленская разновидность основана на полууставе XIV—XV вв. при участии югославских влияний, что между прочим сказывается в длинных и манерных хвостах, по большей части направленных вниз. Только ж, ѝ, ь имеют хвосты, направленные вверх. Скорописность основана на некоторой свободе размаха; особых сокращений нет, и буквы не связываются между собою. Выносы те же, что в полууставе. По начеркам эта скоропись не слишком отличается от современной ей Московской. В дальнейшем виленская скоропись нами не рассматривается. Киевская скоропись XVII в. по начеркам и общему впечатлению очень далека от московской. Скорописность основана главным образом на многочисленных соединениях строчных букв, т. е. на значительной безотрывности письма. Этим киевская скоропись решительно превосходит московскую и приближается к современным курсивным почеркам. Принцип упрощения начерков также представлен в Киевской скорописи, но неравномерно: некоторые начерки не только не упрощены, а наоборот очень манерны. Свобода взмаха ограничена, но круглящее движение сказалось на многих начерках. Хвосты по большей части обращены вниз. Надстрочных сокращений и выносов не более, чем в полууставе. Киевская скоропись не знает московского «зело» в смысле «земли», московского длинного «десятеричного» і, московского большого с. Киевская скоропись имеет совершенно особые знаки для б, в, ж; употребляет в иностранных словах э оборотное и особое высокое Г для обозначения взры-

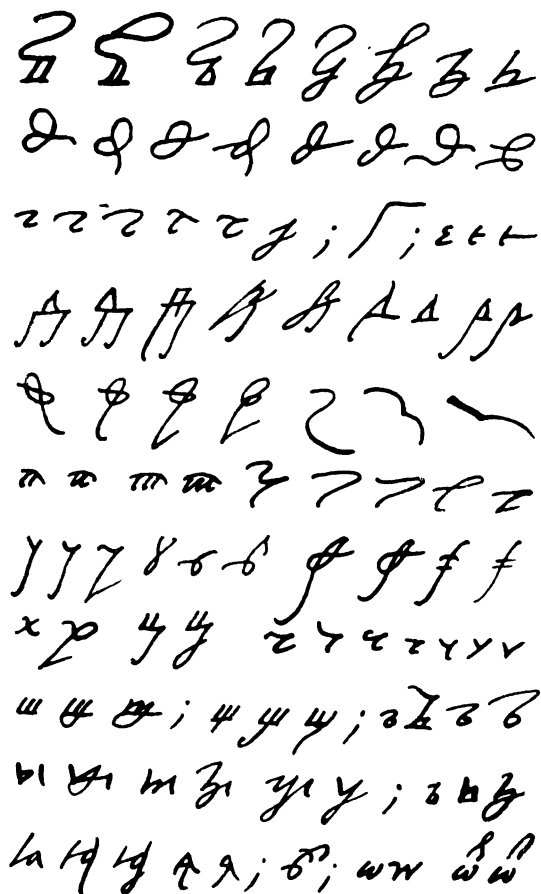

Рис. 60. Юго-западная скоропись XV—XVII вв.

ного (как в великорусском литературном языке) звука *з*, между тем как обычное *з* в Киевской скорописи выражает фриктивный звук малорусского и белорусского языков.

Во второй половине XVII в. Киевская скоропись некоторыми начертками повлияла на московскую, а вместе с переносом киевской схоластической школы киевские почерки появляются в Москве в произведениях литературного и учебного характера. Еще в первой половине XVIII в. юго-западные почерки отзываются в почерках великорусской семинарской науки.

§ 97. Существующие руководства по скорописи преследуют практические цели: они учат читать скоропись и разбираться в трудных почерках и всевозможных сокращениях. Иногда в таких руководствах начинающему дается совет писать старой ско-

рописью. Этого решительно следует избегать, ибо опыт показывает, что у вполне грамотных моторная (мускульная) память по отношению ко всем почеркам скорописного характера вообще развита несравненно сильнее, чем зрительная; последняя сильнее моторной памяти только по отношению к печатным знакам, кои воспринимаются почти исключительно зрением. Учиться старой скорописи следует прежде всего глазами, одновременно стараясь читать вслух. Только такой прием дает твердые навыки чтения, что по отношению к скорописи есть первая потребность для всякого специалиста. На том же основании не следует изучать скоропись путем списывания. Если начинающему необходимо для специальных целей дословно скопировать скорописный текст, полезно и в этом случае читать оригинал вслух.

XV. ТАЙНОПИСЬ

§ 98. А. В рукописях находятя иногда отдельные слова или целые фразы, написанные тайным письмом. Тайнопись, или криптография, перешла от южных славян из Византии, а в России она была получена от южных славян вместе с христианством и письменностью; древнейшие случаи тайнописи дошли до нас в русских рукописях XII и XIII в. Как у византийцев, так и у славян тайнопись имела лишь ограниченную сферу применения: она употреблялась старыми писцами главным образом в качестве забавы: писец обращал в загадку свое имя или краткое после-словие, а иногда изображал тайнописью приписки более или менее случайного характера. Тайнопись, находимая в кирилловских рукописях, делится на несколько систем.

1. СИСТЕМА ЧУЖДЫХ ПИСЬМЕН

1) Глаголица употребляется в русских рукописях в качестве тайнописи в дотатарский период в виде редких и кратких записей, по большей части содержащих ошибки и таким образом обнаруживающих у писцов лишь случайное знакомство с глаголическим письмом. Древнейшие случаи употребления глаголицы русскими людьми находим в кратких надписях, начерченных острием в новгородском Софийском соборе на обмозке стен. Эти надписи могут быть отнесены к XI—XII в. В русских рукописях глаголица встречается в XII и XIII вв. У южных славян и отчасти у румын глаголица встречается в качестве тайнописи и в более позднюю эпоху (кончая XVI в.), но нередко в смешении с иными знаками.

2) Греческая азбука в качестве тайнописи встречается в России в XV в. (пролог Публичной библиотеки 1431—1434 гг.).

что следует поставить в связь с югославянскими влияниями. Позднее, в эпоху новогреческих влияний XVII в. и славяно-греко-латинской школы в Москве — греческие буквы появляются тайнописи в смешении со знаками иного характера.

3) Пермская азбука, изобретенная в XIV в. Стефаном Пермским, встречается в качестве тайнописи в нескольких русских рукописях XV в. Пермская азбука является переделкой кирилловских знаков, нередко — недописанных; она однообразна и содержит немало типов в виде острого угла в том или ином положении.

4) Латинская азбука встречается в России в виде тайнописи в XVII и XVIII вв., ее проводниками были: отчасти — посольский приказ, а всего более — духовная школа. В XVIII в. на рукописях семинарского происхождения (записки лекций) нередко имена писцов, владельцев, даты и другие записи даны латинскими буквами — сплошь или в соединении с иными знаками; иногда в тех же рукописях находится особый вычурный и неудобочитаемый шрифт, полученный из латинского.

5) К этой системе следует отнести также различные изобретенные алфавиты. Они встречаются не часто и редко бывают вполне оригинальны — в большинстве случаев изобретенные алфавиты содержат переделку отдельных греческих, глаголических и кирилловских знаков. Вся система чуждых алфавитов вообще встречается не часто.

2. СИСТЕМА ИЗМЕНЕННЫХ ЗНАКОВ

Для целей тайнописи кирилловские буквы недописывались («полусловица») или изменялись иным образом. Это довольно трудный вид тайнописи, ибо многое в нем предоставлено изобретению пишущего и таким образом не существует одного общего ключа. И эта система употребляется не часто, притом редко в чистом виде — чаще в смешении с знаками чуждых алфавитов или знаками изобретенными. Недописанные буквы нередко являются в виде сокращения в конце строки; в русском полууставе конца XIV — начала XV вв., выправленном и уже носящем первые следы югославянского влияния, такие сокращения производятся иногда над многими буквами и составляют своего рода манеру. В ватиканской библиотеке (Славянские рукописи № 7) хранится псалтырь русского письма XIV—XV вв., сплошь писанная подобной полусловицей; здесь целью такого письма является, как полагают, ускорение, но разумеется не без оттенка забавы. Вся эта система тайнописи известна в русских рукописях XIV—XVI вв., она, вероятно, найдена югославянскими каллиграфами и проникла в Россию в эпоху югославянского влияния.

3. СИСТЕМА ЗАМЕН

В этой системе одни кирилловские знаки заменяются другими, кирилловскими же. Эта система имеет много вариантов. В старой письменности для системы замен существовало название «литорея»; это слово считается искажением предполагаемого «ритория» и объясняется как «риторская азбука», т. е. «письмо ученых книжников». В самой старой письменности литорея делится на простую и мудрую.

1) Простая литорея, или тарабарская азбука, оставляет без замен все гласные, полугласную ъ и ь, а из согласных — буквы з и ѳ. Остальные согласные распределяются в два ряда один под другим, по десяти знаков в ряду. Знаки идут в порядке кирилловского алфавита, в верхнем ряду — слева направо, в нижнем — справа налево:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ѳ	т	с	р	п

При письме верхние буквы заменяются своими нижними и наоборот. Таким образом, слово «аминь» изображается простой литореей в виде «арипь», «написахъ» в виде «панилажъ» и пр.

2) Мудрая литорея отличается от простой тем, что буквы нижнего ряда стоят в каком-нибудь условном беспорядке (найденно четыре различных вида второго ряда). Есть также различные виды мудрой литорей, в коих в обоих рядах помещается в различном порядке вся азбука, и таким образом замене подвергаются как гласные, так и согласные. Несколько ключей к более сложным видам литорей издано академиком Соболевским («Славяно-русская палеография», изд. 2, стр. 110—111). Простая литорея была известна в России, вероятно, с начала письменности; она употреблялась чаще всех других видов тайнописи, и сейчас еще не забыта старообрядцами и школьниками.

4. СЧЕТНАЯ СИСТЕМА

Она основана на том, что большинство славянских букв имеет цифровое значение. Эта система имеет три главных разряда.

1). Цифровой разряд: отдельные буквы слова рассматриваются как цифры, которые разлагаются на слагаемые, единица (а) и буквы без числового значения (в, ж, ш, щ, ѳ, ю, и) остаются без изменения. Границы разложенных букв обозначаются пробелами, точками или иными разделительными знаками. Над отдельными слагаемыми иногда ставятся титла, коими вообще цифры отличались от букв.

Примеры. Слово **амннѣ** состоит из несчетного ѣ и из предшествующих цифр 1, 40, 8, 50. Оно может быть разложено в различном виде

а · кк · дд · лл · љ · љ, т е.	1 · 20, 20 · 4,	30, 20 љ
а · шш · кккк · шшш · љ	1 · 4 × 10 · 4	— · 5 × 10 љ
а · шшшш · аааааааа · еееееееее · љ	1 · 5 × 8 · 8 × 1	10 · 5 љ

В Румянцевской прописи 1643 г. имя писца Федор изображено таким образом: ррррр · аааа · аааа · о · шшшшш љ.
Буква о дана без разложения.

Однажды (в сборнике Типографской библиотеки, запись 1641 г.) найдена цифровая тайнопись, в коей разложенные слова писаны арабскими цифрами: единицы — знаками 1—9, десятки знаками —⁹, сотни — ¹—⁹, тысячи — ¹—⁹.

2). Описательный разряд. Цифровые значения букв (или их слагаемые) могут быть описаны словами, т. е. выражены словесной загадкой. Так описывали свое имя авторы, писцы и переводчики.

Примеры: В румянцевском Дионисии Ареопагите 1371 г. имя переводчика дано в следующем описании:

«В иноких мене худого аще хоцещи увидети, начало тому есть осмеричное число, среда же двусотное и первое, конец же десято с едином накончается». Это означает цифры 8, 200, 1, 10, 1, т. е. буквы нсаид.

В Румянцевском сборнике 1640 г. находим запись: «Аще хоцещи уведати господина книги сия и ты положи слово двусотное и осмое и первое, к симже двадесятое и пятидесятое и осмое и третьеежь и первое, также четыредесятое и осмое и шестисотное и первое, десятое, тридесятое и первое, еще же четвертое и четыредесятое и осмое и трехсотное же и сотное и пятое и второе же и осмое и девеностое и первое, по сих же двадесятое и сотное и первое, таже положи слово иже стоит в азбуце меж первого и второго слова, к сему же семидесятое и второе и первое слово». Читай: «сия книга Михаила Дмитриевича Крабова».

Этим описательным способом может быть скрыта также дата, например поздняя дата на памятнике искусства, подражающем по своему стилю старине. Такова, например, дата на огромной акварельной картине библейского содержания, хранимой в Историческом музее в Москве: «В лето обхождения солнечных озарений исчисляемо к седмию десяти сторицам и тридесяти шести десятицам третие сие подлежащее воображение изведох», т. е.: эту картину я нарисовал в лето от сотворения мира 7463 (читай 7363, или 1855 г.).

Иногда цифровое значение букв описывается менее ясно, дается, например, число гласных и согласных, общее число букв имени, сумма их цифровых значений. Иногда, наконец, все данные изложены притчей. Такова пространная притча в Барсовском сборнике № 1773, 4^о, XVII в., которую здесь помещаем:

«Аще кто хоцет(ъ) ведати, чия есть книга сия, се есть имя оо, написано зде сице.

На горе висоце стоить градъ превеликъ и красенъ зело. Около же его, града того, кѣ поприщъ; в стенахъ же имеетъ градъ той љ проездныхъ великихъ башенъ, а—я башни о љ верхъ, в—я башня о г—хъ верхъ, г—я башня (о) д верхъ; д—я и е—я имеютъ по г верхъ; з—я о д—хъ верхъ; љ—я о г—хъ верхъ. Внутри ж(е) града того пробойныхъ улицъ рлд п/р/ереулковъ же в(ъ) себе имеетъ ≠ а т ѳ тушиковъ же и несть числа. Царствуетъ же во граде томъ ц(ар)ь преславенъ; у него д ц(ар)ицы вел(ь)ми прекрасны; бояр(ъ) же у него служитъ и думчихъ е. У первого боярина х дворян, у второго ф, у трет(ь)его т, у четвертого с, у пятого р. Той же ц(ар)ь имеетъ у себе думныхъ дворянъ пятерицу пятерицъ, а два надъ ними суть. Прочихъ же дворянъ и детей боярскихъ лс алимпиядъ, копейщиковъ же и суличниковъ нз икдикѡновъ да три алимпияды с полуалимпиядою. Прочего же войска љ полковъ, имъ же и несть числа. И имей же смыслъ, да рассмотри(тъ), аще ли не срамится допрощати; понеж(с) словеса слога прикрыта. Подобна бо с(ъ) подобными к подобнымъ сподоб(и)».

3). Значковый разряд. Цифровые значения отдельных букв обозначаются значками: единицы — точками, десятки — черточками, сотни — кружками; эти знаки располагаются отчасти в горизонтальном, отчасти в вертикальном положении. Буквы без числового значения пишутся без перемен.

Пример. В псалтыри XVI в. Синодальной библиотеки находим значковую запись писца: «Слава Б(о)гу свершителю аминь».

: ≡ •||•б|||: ||: •ш::: ||: ≡ ю • ≡ :: ≡ б

После простой литорей самый распространенный вид русской тайнописи есть тайнопись счетная. Ее цифровая разновидность встречена с начала XIV в., описательная — с XIV в., значковая — с XVI в. Все три разновидности употребляются еще в XVIII в., а отчасти и до сих пор не забыты старообрядцами.

§ 98. Б. Единичные случаи тайнописи, которые не подходят ни под одну из главных систем. Таково обратное письмо, например, ѡданегнышѣргъ класнпа (Исаак Сирий XIV в. Соловецкой библ.), ѡшоргъ аз ѡшѣргъ ад змотн етѣорп енс отк а (Пролог виленской публ. библ., XVI в.). Однажды найдено обратное письмо названиями букв (ндюлн кѣвъ = вѣкн людн = б + л. и т. д.). Однажды найдено письмо словами, коих только начальные буквы должны быть читаемы.

Своего рода тайнописью является акростих, т. е. стихо-

творение, скрывающее тайный смысл в начальных буквах отдельных стихов. Такова, например, стихотворная молитва Константина Болгарского (писателя Золотого века), где начала стихов содержат всю славянскую азбуку: **Ѧзъ словомъ силмъ моимъ съ воюу. Боже всьма тварн и зидителю** и т. д.

Акростих исчез у славян вместе с писанием стихов по византийскому образцу (IX—X вв.) и появился вновь в России вместе с западными и юго-западными виршами.

Кроме того, известные надписи располагались узорами (в прямую, в косую клетку, лабиринтом, различного вида крестами). Этот вид тайнописи скорее относится к каллиграфии. В Болгарской псалтыри конца XIII в., принадлежавшей Норову, в середине текста находится лабиринт, в извилах которого, в разных направлениях, читается фраза **срѣдѣ** (а иногда — **срѣдѣ**) **достиже медоточнаа книга** (болгарский извод). Если надпись представляет замкнутую фигуру, например восьмиконечный крест, то читать следует, идя по контуру и начавши из одного определенного места.

Наряду с этими видами традиционной тайнописи, по большей части заимствованной у византийцев, существовала тайнопись личная, т. е. изобретенная отдельными лицами и не распространенная в письменности. Предполагают, что тайнопись на колоколе 1667 г. в Саввином Сторожевском монастыре изобретена самим вкладчиком этого колокола, царем Алексеем Михайловичем.

Тайнопись дипломатическая или так называемый шифр появляется у нас с конца XVI в. в подражание западным дипломатическим шифрам. В XVII в. это «затейное» или «закрытое» письмо разных систем было уже в большом употреблении в переписке русских послов и гонцов с царем и его доверенными лицами. Один дипломатический шифр был составлен патриархом Филаретом Никитичем. В делах Приказа тайных дел хранится много тайных азбук времен царя Алексея Михайловича, отчасти составленных самим царем.

XVI. ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

§ 99. Как в глаголице, так и в кириллице цифры, по византийскому образцу, обозначались буквами и особого знака для нуля не существовало. В цифровом значении буквы снабжались лежащими надстрочными чертами (титлами) и отделялись от окружающего текста и друг от друга точками. Точка обыкновенно отсутствует между десятками и единицами, и тогда эти два разряда имеют и одно общее титло. Иногда вся дата объединялась писцами, особенно у византийцев, под одним большим титлом.

В глаголице все буквы подряд имеют цифровое значение, в кириллице цифровое значение имеют только те буквы, которые непосредственно заимствованы из греческой азбуки: даже

специально греческие ξ, ψ, ω, кои для славянского языка лишние и в глаголице отсутствуют. Буквы специально славянские в, ж, ш, щ, ѣ, ѓ, љ и пр. в кириллице цифровых значений не имеют, но имеют их в глаголице. Впрочем, из этих специально славянских букв кирилловские «зело» ѕ, «червь» у, ч и «юс малый» ѡ заменили собою греческие устаревшие буквы «вау» и «сигму» (β), «коппу» (Ϡ), «сампи» (Ϡ00), с коими имели сходство в рисунке. У греков эти три знака уже в классическую эпоху употреблялись только в качестве цифр. «Коппа» по начерку совпала с односторонним и, ранее в эпоху у симметричного (а отчасти и позднее, при ч) в кириллице употреблялась и настоящая «коппа» Ϡ. В России в эпоху югославянских влияний (а у южных славян еще ранее) «юс малый» ѡ в значении 900 заменился знаком ц (ср. глаголическое ц = 900).

Таким образом, кирилловские цифры согласуются с греческими, глаголические почти всегда с ними расходятся, как видно из следующей таблицы:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
α	β	γ	δ	ε	ς	ζ	η	θ		ια
д	в	г	д	е	ѕ	з	н	ѳ	і	дѡ
а	б	в	г	д	е	ж	дз	з	і	=глаг.

В числительных 11—19 и у греков и у славян единицы произносятся ранее десятков, но на письме греки изображали десятки ранее единиц, славяне же писали согласно произношению:

дѡ	вѡ	гѡ	дѡ	еѡ	гѡ	зѡ	нѡ	ѳѡ
11	12	13	14	15	16	17	18	19

При числительных 20—90 единицы у славян, как и у греков, ставились на втором месте:

к	л	м	н	ξ	Ϡ	п	ψ	
20	30	40	50	60	70	80	90	
ка	ке	кг	кд	ке	кѕ	кз	кн	кѳ
21	22	23	24	25	26	27	28	29

Сотни изображались дальнейшими буквами, начиная с эр:

ρ	ς	τ	υ	φ	χ	ψ	ω	ѡ (ц)
100	200	300	400	500	600	700	800	900

Тысячи у греков и в кириллице изображались теми же цифрами, что и единицы только с особым знаком (/ или чаще ꝛ) впереди: ꝛ α = 1000, ꝛ β = 2000, ꝛ γ = 3000, ꝛ δ = 4000 и т. д. В глаголице тысяча обозначалась знаком «ча»; дальнейшие тысячи, несомненно, тоже обозначались

особыми буквами, но такие большие цифры в глаголических текстах не встречаются; глаголические даты имеем, только начиная с угловатой, хорватской глаголицы, и те от рождества Христова, почему они и начинаются знаком «ча» = 1000.

В кириллице десятки тысяч или по старой терминологии «тмы» в позднейших грамматических сочинениях (XV—XVII вв.) изображаются теми же знаками, что и единицы, но только в кругах; сотни тысяч, или «легеоны» — теми же знаками в кругах из точек; тысячи тысяч, или «леодры» — в кругах из лучей или из запятых, десятки миллионов, или «вóроны» — в кругах из крестиков. Этим заканчивалось кирилловское счисление, ибо далее следовало бесконечное число «колода»; о ней говорится: «бесчисленная лежит колода, ей же больше несть числа и человеком от бога утаено; невозможно бо есть человеку таину Божию ведети». В других источниках колода принимается за определенное число и дается счет колодами $\bar{а}$, $\bar{в}$, $\bar{г}$, (см. Ягича «Рассуждения старины о церковно-славянском языке»).

§ 100. Ошибки в написании дат старой книжности встречаются иногда в сотнях. Так, в Постничестве Василия Великого, Чудовской пергаменной рукописи, писанной уставом и древнейшим полууставом, находим дату:

ѠѠѠѠѠ

т. е. цифры 6000, 800 и 900, 90 и 6. Таким образом можно колебаться между датами 6896 и 6996. К пергаменту и к почеркам рукописи подходит только первая дата: 6896 = 1388 г.

§ 101. Ошибки в чтении цифр встречаются чаще. В древнейших кирилловских рукописях открыты случаи неверного перевода глаголических цифр оригинала (по большей части отдаленного) на кирилловские, так, например, при переписке глаголического текста, з вопреки кирилловскому счету принималось иногда за 8 (как в глаголице) вместо ожидаемого 6. Такие ошибки могут быть установлены в тех случаях, где доступна проверка цифры сравнением с иным источником: в нумерации Евангельских чтений, в Синаксаре (месяцеслове), в списке Летописи. При чтении дат необходимо помнить, что цифра всегда имеет титло: если в конце даты стоит буква с иным знаком, нежели титло, или стоит буква без всякого знака, или буква, хоть и с титлом, но надстрочная, то это звук, а не цифра. Так, например, дату «В лето з р Ѡ Ѡ » следует

з р Ѡ Ѡ

читать «в лето 7185», а дату «в лето з р Ѡ Ѡ » следует

з р Ѡ Ѡ

читать «в лето 7180». Так же различаются даты «в лето

ѣ ч г», читай «в лето 7093» и «в лето ѣ ч г» читай «в лето

7090-го (году)». Далее возможно смещение цифр, имеющих близкие начерки, каковы є и ө, ч и і. Эти и другие цифры можно смешать в поблденвшем, полусмытом, полустертом, замазанном письме. При подделке дат фальсификаторы стараются воспользоваться подлинной датой, чтобы сделать ее древнее. С этой целью, например, цифру п подчищают и подправляют в н, в л или в к. Иногда только опытный глаз может открыть такую подделку.

§ 102. Перевод дат с одного летосчисления на другое.

Летосчисление у христианских народов велось от сотворения мира. На Западе счет от рождества христова распространяется еще в середине средних веков. Но у греков и у православных славян счет от сотворения мира держался до XVIII в. В Византии гражданский и церковный год начинался с сентября. Мартовский год был заимствован южными славянами, вероятно, из Пасхалии и вместе с письменностью перешел к русским. С эпохи югославянского влияния в России в гражданском употреблении появляется византийский церковный год, т. е. сентябрьский от сотворения мира, хотя сами южные славяне и продолжают держаться мартовского. В XV в. в России еще употребляют оба года, с XVI в. мартовского года в России уже не находим, — сентябрьский господствует.

Летосчисление январское от рождества христова всего ранее проникало к тем православным славянам, кои соседили с католическим Западом. В богумильской Боснии оно господствует, начиная с древнейшего памятника — грамоты бана Кулина 1189 г. Январский счет от рождества христова встречается в смоленских, полоцких и галицких грамотах; древнейший случай этого рода — договор смоленского князя с Ригю в 1229 г. В XIV в. в западной России январский счет от рождества христова встречается в грамотах часто, в письменности западнорусской он утверждается только с конца XVI в.

Две даты — одну от сотворения мира, другую от рождества христова — находим в славянских печатных книгах: сербских XV и XVI в. (цетинских, венецианских), западнорусских XVI—XVII вв., московских второй половины XVII в. (в изданиях никоновских и позднее). В сербских изданиях первая дата мартовская, в русских — сентябрьская. Московские документы и старая московская письменность двойного счета вообще не знают.

Перевод с сентябрьского счета на январский. Петр Великий указом от 20 декабря 1699 г. ввел в России январский счет от рождества христова и повелел считать новый 1700 г. с ближайшего 1 января. Между тем старая Русь всего четыре месяца тому назад встречала свой сентябрьский новый год, 7208-й от сотворения

мира. Эти четыре месяца (сентябрь—декабрь) по новому счету были отнесены теперь к предыдущему, 1699 г.

| Сент. | Окт. | Ноябрь. | Дек. | | 7209

7208

| | | Сент. | Окт. | Ноябрь. | Дек. |

1700

Те же месяцы 7207 г., очевидно, отходили к 1698 г. и т. д. Эта точка зрения усваивалась и ранее, в русских печатных изданиях с двойным счетом. Та же точка зрения вообще вносится в древность наукою хронологией: при переводе даты с сентябрьского счета на январский месяцы сентябрь—декабрь относятся к предыдущему году, так как мерилом времени является январский год.

По византийской (царьградской) хронологии от сотворения мира до рождения христово протекло 5508 лет. Существовал и иной расчет: 5500 и 5506, но он в самой старой письменности встречается редко и при переводе дат вообще не применяется⁵⁴. Таким образом, для перевода с сентябрьского года на январский из старой даты следует вычесть 5508, а если дата относится к четырем последним месяцам года, следует вычесть 5509. Если дате месяц не указан, вычитается 5508, имея в виду, что такой вычет соответствует восьми месяцам из двенадцати и, следовательно, имеет за себя большую вероятность.

Перевод с мартовского счета на январский. Югославянские рукописи и русские пергаменной эпохи имеют даты по мартовскому счету. Мартовского счета держатся поп Упирь Лихой (в рукописи пророков 1047 г., ср. выше стр. 25), писец Остромирова евангелия 1056—1057 гг., писец Толкового апостола 1220 г и русские летописцы до XV в.

Мерилом для перевода и в этом случае является январский год:

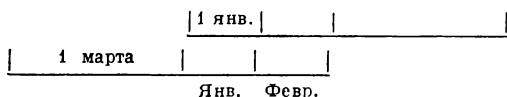
| | | Янв. | Февр. |

| Янв. | Февр. | |

Так как в этом случае январский год оканчивается ранее, то остающиеся два месяца мартовского года относятся к следующему, январскому. Для совпадающих месяцев того и другого года (март—декабрь) из мартовской даты вычитается уже известная разница 5508, для января и февраля мартовского счета вычитается 5507. Если в дате месяц не указан, с значительной вероятностью вычитается 5508. Сербские печатные издания XV—XVI вв. с двойною датой не всегда точно следуют этому правилу: иногда они определяют январскую дату, вычитая из мартовской

⁵⁴ Так называемая Александрийская эра считает 5500 лет от сотворения мира. Расчет этот применялся во всех древних византийских хрониках VI—X вв. Александрийская эра дана также и в Сказании черноризца Храбра X в. (см. Куйо М. К у е в. К ъ м вопроса за началото на славянската писменост. София. 1960. — *Прим. ред.*).

5508 для месяцев января и февраля, 5509 для остальных десяти месяцев. В таком случае издатели, очевидно, избирали мерилом свой мартовский год и руководились схемой:

В датах иногда указывается год индикта. Индикт (лат. *indictio*, откуда греч. *ἰνδικτος*) есть пятнадцатилетний период времени, исчисляемый от сотворения мира и в сентябрьских годах. Ясно, что индикт находится делением даты на 15: частное указывает число индиктов, протекших от сотворения мира, а остаток — очередной год текущего индикта. Так, например, дата: август 6815 г. дает $6815 : 15 = 454$ и в остатке 5, т. е. пятый год текущего индикта. Так, находится, а равно и поверяется индикт по дате. Дата поверяется по индикту обратными действиями: $6815 - 5 = 6810$; $6810 : 15 = 454$ без остатка. Если индикт дается при дате, считаемою от рождества Христова, основанием счета индиктов, все же остается сотворение мира, таким образом приходится переводить дату с январского счета на сентябрьский, т. е. до деления на 15 к дате от рождества Христова прибавляется 5508 (при возможности поправки — 5509).

Если индикт вычислялся в эпоху мартовского года, то была необходимость переводить дату, над которой производилась операция, с мартовского на сентябрьский счет. В одном полугодии дата обоих годов совпадает, в другом — расходится на единицу. Расчет зависит от того, какой год принят за мерило (ср. схемы I и II):

Схема I:

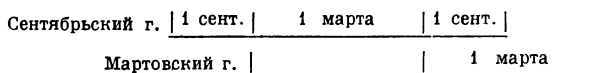
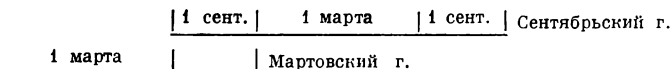

Схема II:

XVII. ПОВЕРКА ДАТ

§ 103. Датами в широком смысле называют иногда все те данные или указания, которые, будучи соображены друг с другом, в конце концов более или менее датируют памятник. Сюда относятся все то, что мы выше назвали приметам (ср. § 2). Датой в собственном смысле мы называем только точное указание на время возникновения памятника.

Даты, однако, бывают прямые и косвенные: прямая дата, называемая также «летописью» памятника, всегда содержит

цифровые знаки: это есть свидетельство самого писца или иного современника о времени создания памятника. Косвенная дата есть такое же свидетельство, но без цифровых знаков: косвенные даты состоят в упоминании фактов, современных созданию памятника и в то же время обладающих определенной датой. Косвенную дату заключает, например, летопись без года, если содержит слова: «в первое лето царства благоверного царя Иоанна Васильевича». Евангелие 1282 г. (Румянц. муз.) кроме прямой даты в цифрах заключает в своей летописи еще косвенную: «коли сѧ женноу горгни князе а мѣць кѣмоу въ оутры ходило, тогда скончашасѧ книги сѧ» (о косвенных датах ср. выше § 5).

Каждая прямая дата вводит в науку новый факт прошлого, который не может быть принят без проверки, без соображения с фактами, известными ранее.

1. *Палеографическая проверка.* Палеограф начинает проверку даты с внешнего осмотра: он сравнивает «летопись», содержащую год, с почерком (или почерками) самого памятника. Обыкновенно летопись пишет сам писец и по окончании своего труда называет свое имя: *Аз грешный. писах, или писал; Господи помози рабу своему. списавшему; а писано многогрешною рукою. ., написание смиренного и многогрешного. ., писа или написа худый.* и тому подобное читается в таких летописях. Но если писец не называет себя, мы узнаем его по почерку, тщательно сравнивая все начерки летописи с начерками текста. В Болонской псалтыри ясно различаются четыре писца и содержатся две записи без года: первая писана вторым писцом (о чем ясно говорит ее почерк), она же поминает имена первого и второго писца (Иосифа и Тихоту) и содержит косвенную дату (слова: *при црн асѣни болгарьскимъ*); вторая запись поминает имя третьего писца (Бѣлослава), писана им самим и не содержит даты; четвертый писец не оставил ни записи ни летописи. Иногда летопись бывает писана не чернилами, а краскою, иногда другими чернилами, но тем же почерком, что и текст. Если на первый взгляд летопись писана тем же почерком, необходимо убедиться, не подражает ли она почерку самой рукописи. Подражание называется известной робостью и однообразием начерков: фальсификатор по большей части старается «подогнать» летопись к концу текста, читаемому на той же странице, и потому употребляет не все варианты букв, свойственные писцу, а перерисовывает лишь те, кои находит тут же. Если летопись писана другим почерком, нежели текст, возникает вопрос, одновременна ли летопись окончанию труда (или писана в другое время по памяти, по преданию, по догадке, по более древнему оригиналу и т. п.). В этом случае необходимо посмотреть, не встречается ли почерк летописи где-нибудь в тексте: если он в середине текста сменяет, например,

главного писца и сам сменяется им (хотя бы через несколько строк), оба почерка, очевидно, одновременны. Но может обнаружиться, что почерк летописи только подобен почерку текста и что чернила также несколько различны, хотя незначительно. И в этом случае может еще оказаться, что летопись старая и даже одновременна тексту, если отдельные начерки ее окажутся уверенными и вполне типичными для данного времени. Такая летопись могла быть сделана, например, заказчиком-вкладчиком или игуменом, по «замыслению» коего рукопись писалась иноками его обители. Наконец, летопись может быть писана на отдельном листе иного пергамента или иной бумаги. И в этом случае летопись еще может быть подлинной, если начерки ее не внушают никаких сомнений. В противном случае приходится думать о подделке (ср. § 6). Вообще, определяя по почерку самой летописи ее древность, мы даем ей палеографическую датировку, которая никогда не имеет абсолютной точности (ср. § 7). Как бы то ни было, подлинность многих «летописей» приходится оставлять под сомнением. А из сомнительной даты не следует извлекать никаких научных выводов.

Затем всю летопись, и дату ее особенно, следует тщательно рассмотреть — в лупу, на свет и с оборота, чтобы убедиться, что она ни в какой части не подчищена и не переправлена. Понятно, что с тою же осторожностью следует отнестись и к более поздним записям, находимым в рукописях: к датированным или именованным записям вкладным, дарственным, купчим, продажным, владельческим, а равно к недатированным записям и припискам, бросающим свет на последующую судьбу памятника или просто отмечающим различные факты (факт дальнейшей переписки и чтения данной рукописи, записи о текущих событиях, о ценах, даже пробы пера), все это может быть очень важным для внешней истории письменности, а равно для судьбы данного памятника и требует определения с точки зрения времени, места и подлинности.

За внешним анализом даты следует анализ внутренних. Он может быть историческим, дипломатическим и календарным.

2. Историческая проверка состоит в том, что для всех лиц, титулов, учреждений, сооружений и других исторических фактов, упомянутых в летописи, подыскиваются их точные исторические даты; они сверяются между собою и с датой, стоящей в летописи. Титулы государей и иерархов менялись в течение русской истории или меняли свое содержание; менялись границы государственных территорий и епархий; были канонизуемы новые святые. В стране возникали новые города, новые храмы и обители. От прославленных икон и от останков святых творились новые чудеса в позднейшие времена. Литературные сочинения перделывались, пополнялись из памятников, возникших много позднее.

Исторические лица, исчезая, сменялись новыми⁵⁵. Все это должно находить соответствие в «летописях» написания памятников. Всего чаще оперируют следующими историческими датами: принятие царского титула Грозным 1547 г., московская канонизация святых в 1547 и 1549 гг., введение патриаршества в 1589 г. (связано с учреждением новгородской митрополии и с основанием новых архиепископий и епископий). Историческая проверка производится на основании общих исторических сочинений, но также на основании различных специальных трудов по русской исторической библиографии (между прочим — важнейший труд Иконникова), по агиографии (труды Ключевского и Барсукова), по генеалогии, на основании специальных списков государей, иерархов (труды Строева и Дурново), списков дворянских родов, служивших людей, на основании описей усыпальниц и т. п.

3. Дипломатическая проверка состоит в проверке формул. Как в дипломатических и государственных актах, так точно в «летописях» и иных записях, читаемых в памятниках письменности, выработались известные формулы, именно:

1) для сообщаемых фактов существует известная установленная очередь: государь поминается ранее иерарха, общий государь или иерарх — ранее местного. Дата либо стоит в самом начале летописи и далее следуют имена государя, иерарха, обители, ее настоятеля, либо летопись начинается (например в старопечатных текстах) указанием на промысел божий, повеление государя, благословение иерарха и только затем следует дата;

2) для выражения фактов существуют определенные термины, которые неодинаковы в различное время и на различных территориях.

Дата с начала славянской письменности вводится выражением «в лето». У южных славян этот оборот в рукописях остается единственным, в России находим большее разнообразие. В Московском государстве документы последовательно переходят к новому обороту «лета» с конца XV в., между тем как в рукописях церковного и литературного характера старый оборот «в лето» за редкими исключениями господствует до XVII в., а в XVII в. за редкими архаизмами господствует новый оборот «лета»⁵⁶. В Белоруссии и Малороссии формулы разнообразнее: в грамотах уже в XIV в.

⁵⁵ В конце этого отдела помещаются два списка смертных записей для датировки Синодиков XVII и XVIII вв. — именной и погодный. Сверля смертные записи любого синодика с именным списком, мы определяем, кто и когда пред написанием данного синодика умер последним. Отмечивая ту же дату в погодном списке, мы устанавливаем, кто и когда после написания синодика умер первым. При этом необходимо тщательно различать почерки смертных записей: древнейший и последующие (ср. § 5).

⁵⁶ До XVII в. оборот «лета» имеют в датах 1) евангелие Псковское 1279 г., 2) бытль может, псалтырь княгини Марины 1296 г. (дата сверху обрешана), 3) хронограф 1538 г. (публ. библ.), 4) Макарьевские минеи четки 1552 и некоторые другие немногочисленные рукописи второй половины XVI в.

находим «у лето» (т. е. в лето), «под леты», «лета». В XVI в. преобладает оборот «лета», а с XVII в. сначала в Белоруссии, а потом и в Малороссии начинает господствовать оборот «року»⁵⁷. Старопечатные книги имеют свои особенности, о коих здесь не упоминаем.

Титул в удельно-вечевом периоде сначала очень прост: **Издаславоу кнѣзю** в Остромировом евангелии, **кнѣзю Стославоу** в Изборнике 1073 г., при **Стославѣ князи роусьскы землѣ** в Изборнике 1076 г. На редкость роскошное Мстиславово евангелие начала XII в. (до 1117 г.) возвеличивает князя-заказчика: писец Алекса говорит, что бог сподобил его написать это евангелие благоверному и христоробивому и богом честному князю Феодору, а мирски — Мстиславу, внуку Всеволода, сыну Владимира (Мономаха), князю новгородскому. Наслав, возивший евангелие в Царьград для сооружения драгоценного переплета, называет Мстислава цесарем; златописец Жаден поминает просто князя Феодора, а мирски Мстислава. Позднее, в XIII в., титул снова прост. Только с начала югославянских влияний титул становится торжественнее. В лаврентьевском списке Летописи 1377 г. о суздальском князе говорится: при **блговѣрно^м и х^олюбно^м кнзи велнко^м Дмитрии Константиновнѣ**, а еще ранее — в Летописи Сийского евангелия 1339 г. Иван Калита по югославянскому образцу называется царем⁵⁸. Польские короли в западно-русских и южно-русских рукописях называются по большей части великими, а русские цари в московских рукописях — благоверными. Полноты царский титул достигает только в документах, а пышности — в послесловиях старопечатных книг.

Глагол «писать» имеет формы **пѣсалъ**, **псалъ**, **ѡсалъ**, **напѣсахъ**, **напсахъ** в датах новгородских и псковских памятников, начиная с Архангельского евангелия 1092 г. и новгородских миней 1095 и 1096 гг. и кончая XIV в., а равно в Смоленских грамотах XIII в. Однако в рукописях тех же русских областей возможны, а в остальных исключительно господствуют формы **пнсахъ**, **пнсалъ**, **пнслана**. Последние формы исключительно господствуют также в датах сербских и среднеболгарских памятников.

При дипломатической проверке для справок служат: печатные описания различных рукописных собраний (из коих каждое содержит некоторое количество датированных памятников), затем также — специальные собрания дат, записей, надписей. Для русской письменности важны: Сведения и заметки Срезневского и его же Древние памятники русского письма и языка,

⁵⁷ Слово «рок» в значении «год» впервые отмечено в тексте западно-русской грамоты 1388 г., а в дате — в 1463 г. (грамота короля Казимира городу Ковну). В XVI в. «року» встречается нечасто.

⁵⁸ Затем царский титул находим на новгородских монетах Ивана III.

Палеографические альбомы Саввы («Specimina»), академика Соболевского, Погодина, Иванова, Каманина. Для старопечатных книг важны Описания Каратаева и Ундольского. Для сербской письменности существует прекрасное издание Л. Стояновича «Стари српски записки и натписи» Белград 1902, 8°. Образцы летописей и других записей даются также в руководствах по палеографии, например в «Очерке» проф. Карского.

СПИСКИ СИНОДИЧНЫЕ

1. Именной

- Агафия Симеоновна Грушевская, царица, первая жена Федора Алексеевича, ум. 1681.
- Адриан, патриарх 24.VII 1690—1700.
- Александр Петрович, царевич, сын Петра I, 1691—1692.
- Алексей Алексеевич, сын Алексея Михайловича, 1654—1670.
- Алексей Михайлович, род. 9.III 1629, ум. 30.I 1676, царь с 13.VII 1645 г.
- Алексей Петрович, царевич, род. 1690, ум. 26.VI 1718.
- Анна Алексеевна, царица, ум. 1655.
- Анна Иоанновна, род 28.I 1693, ум. 17.X 1740, царица с 19.I 1730 г.
- Анна Михайловна, в монашестве Анфиса, царица, 1630—1692.
- Анна Петровна, царица, герцогиня Голштейн-Готторпская, дочь Петра I. род. 29.I 1708, ум. 4.V 1728.
- Борис Феодорович, в схиме Боголеп, царь, 1598—1605.
- Василий Иванович Шуйский, царь с 19.V 1606—17.VII 1610 г., ум. 1612.
- Василий Михайлович, царевич, ум. 1639.
- Гермоген, патриарх 3.VI 1606, ум. 17.II 1612.
- Дмитрий Алексеевич, царевич 1648—1649.
- Дмитрий Иоаннович, род. 19.X 1581, ум. 15.V 1591.
- Евдокия Алексеевна, царица, первая, род. и ум. 1650.
- Евдокия Алексеевна, царица, вторая, 1669—1712.
- Евдокия Лукьяновна Стрешнева, царица, вторая жена Михаила Федоровича, ум. 18.VIII 1645.
- Евдокия Михайловна, царица, род. и ум. 1637.
- Евдокия Федоровна Лопухина, в монашестве Елена, первая жена Петра I, род. 30.VI 1670, ум. 27.VIII 1731.
- Екатерина I Алексеевна Скавронская, род. 5.IV 1683, ум. 6.V 1727, царствовала с 28.I 1725 г.
- Екатерина II Алексеевна, род. 21.IV 1729, ум. 6.XI 1796, царствовала с 28.VI 1762 г.
- Екатерина Алексеевна, царица, 1658—1718.
- Екатерина Иоанновна, царица, дочь царя Иоанна Алексеевича, 1692—1733.
- Екатерина Петровна, царица, дочь Петра I (б. г.).
- Елизавета Петровна, род. 18.XII 1709, ум. 25.XII 1761, царствовала с 25.II 1741 г.
- Илья Феодорович, царевич, сын царя Федора Алексеевича, род. и ум. 1681.
- Ирина Михайловна, царица, 1627—1679.
- Ирина Феодоровна Годунова, царица, жена царя Федора Иоанновича, ум. 1603.
- Иоанн Алексеевич, род. 27. VIII 1666, ум. 29.I 1696, царь с 26.V 1682 г.

- Иоанн Михайлович, царевич, 1633—1639.
- Иоаким Савелов, патриарх с 26.VII 1674—1690.
- Иоасаф I, патриарх с 6.II 1634—1640.
- Иоасаф II, патриарх с 10.II 1667—1672.
- Иов, патриарх с 26.I 1589 — низложен в 1605 г.
- Иосиф, патриарх с 27.III 1642—1652.
- Ксения Борисовна Годунова, царица, в монашестве Ольга, ум. 1622 г.
- Маргарита Петровна, царица, дочь Петра I, 1714—1715.
- Мария Алексеевна, царица, 1660—1723.
- Мария Владимировна Долгорукая, царица, первая жена царя Михаила Феодоровича, ум. 7.I 1626.
- Мария Ильинична Милославская, царица, первая жена Алексея Михайловича, род. 1.IV 1626, ум. 3.III 1669.
- Мария Иоанновна, царица, дочь царя Иоанна Алексеевича, род. 1689.
- Марфа Ивановна Романова, в монашестве Ксения, мать царя Михаила Феодоровича, ум. 1631.
- Марфа Матвеевна Апраксина, царица, вторая жена царя Федора Алексеевича, род. 1664, ум. 31.XII 1715.
- Марфа Михайловна, царица, 1631—1633.
- Марфа Алексеевна, в монашестве Маргарита, царица, 1652—1707.
- Михаил Феодорович, род. 12.VII 1596, ум. 12.VII 1645, царь с 21.II 1613 г.
- Наталья Алексеевна, царица, 1673—1716.
- Наталья Кирилловна Нарышкина, царица, вторая жена царя Алексея Михайловича, род. 1651, ум. 25.I 1694.
- Наталья Петровна, царица, дочь Петра I (б. г.), первая.
- Наталья Петровна, царица, дочь Петра I (б. г.), вторая.
- Никон, патриарх с 25.VII 1652 г., сложил сан 10.VII 1668, низложен Собором 12.XII 1666, ум. 1680.
- Павел Петрович, царица, сын Петра I (б. г.).
- Пелагея Михайловна, царица, 1628.
- Петр I, род. 30.V 1672, ум. 28.I 1725, царь с 27.IV 1682 г.
- Петр II, род. 13.X 1715, ум. 10.I 1730, царь с 7.V 1727.
- Петр III, род. 10.II 1728, ум. 6.VII 1762, царь с 25.XII 1761—28.VI 1762 г.
- Петр Петрович, царица, первый сын Петра I, 1715—1719.
- Петр Петрович, царица, второй сын Петра I (б. г.).
- Питирим, патриарх с 7.VII 1672—1674.
- Прасковья Иоанновна, царица, дочь царя Иоанна Алексеевича, 1695—1731.
- Прасковья Феодоровна Салтыкова, царица, жена царя Иоанна Алексеевича, род. 12.X 1664, ум. 13.X 1723.
- Симеон Алексеевич, царица, 1663—1669.
- Софья Алексеевна, в монашестве Сусанна, царица, род. 5.IX 1658, ум. 3.VII 1704, соправительница, 1682—1689.
- Софья Михайловна, царица, 1634—1636.
- Татьяна Михайловна, царица, 1636—1706.
- Филарет, в мире Феодор Шикитич, патриарх с 24.VI 1619—1633 г.
- Феодор Алексеевич, род. 30.V 1661, ум. 27.IV 1682, царь с 30.I 1676 г.
- Феодора Алексеевна, царица, 1674—1678.
- Феодосия Алексеевна, царица, 1662—1713.

Феодор Борисович Годунов, царь,
ум. 1605.

Феодор Иоаннович, царь, 1584—
1598.

Феодосия Иоанновна, дочь царя
Иоанна Алексеевича, род. 1699.

2. Погодный

1591. Дмитрий, царевич, сын царя
Иоанна Грозного.

1598. Царь Феодор Иоаннович.

1603. Царица Ирина Феодоровна Го-
дунова.

1605. Царь Борис Годунов, в мона-
шестве Боголеп.

1605. Феодор Годунов, царевич, сын
царя Бориса Годунова.

1607. Умер Иов, патриарх.

1612. Царь Василий Иванович Шуй-
ский.

1612. Гермоген патриарх.

1622. Ксения Годунова, в монаше-
стве Ольга, царевна.

1626. Мария Владимировна, царица,
первая жена царя Михаила Феодо-
ровича.

1631. Марфа Ивановна, в монашестве
Ксения, мать царя Михаила Феодо-
ровича.

1633. Марфа Михайловна, царевна.

1633. Филарет Никитич, патриарх.

1636. София Михайловна, царевна.

1637. Евдокия Михайловна, царевна.

1639. Иоанн Михайлович, царевич.

1639. Василий Михайлович, царе-
вич.

1640. Иоасаф I, патриарх.

1645. Михаил Феодорович, царь.

1645. Евдокия Лукьяновна Стреш-
нева, царица, вторая жена царя
Михаила Феодоровича.

1649. Дмитрий Алексеевич, царевич.

1650. Евдокия Алексеевна, царевна,
первая (вторая ум. 1712).

1652. Иосиф, патриарх.

1655. Анна Алексеевна, царевна.

1669. Мария Ильинична Милослав-
ская, царица, первая жена царя
Алексея Михайловича.

1669. Симеон Алексеевич, царе-
вич.

1670. Алексей Алексеевич, царевич.

1672. Иоасаф II, патриарх.

1674. Питирим, патриарх.

1676. Алексей Михайлович, царь.

1678. Феодора Алексеевна, царевна.

1679. Ирина Михайловна, царевна.

1680. Никон, патриарх.

1681. Агафия Сямеоновна Грушев-
ская, царица, первая жена царя
Феодора Алексеевича.

1681. Илья Феодорович, царевич.

1682. Феодор Алексеевич, царь.

1690. Иоаким Савелов, патриарх.

1692. Александр Петрович, царевич,
сын царя Петра I.

1692. Анна Михайловна, в мона-
шестве Анфиса, царевна.

1694. Наталия Кирилловна Нарыш-
кина, царица, вторая жена царя
Алексея Михайловича.

1696. Иоанн Алексеевич, царь.

1700. Адриан, патриарх.

1704. София Алексеевна, царевна.

1706. Татьяна Михайловна, царевна.

1707. Марфа (в монашестве Мар-
гарита) Алексеевна, царевна.

1712. Евдокия Алексеевна, царевна,
вторая (первая ум. 1650).

1713. Феодосия Алексеевна, ца-
ревна.

1715. Маргарита Петровна, царевна.

1715. Марфа Матвеевна Апраксина,
царица, вторая жена царя Феодора
Алексеевича.

1716. Наталия Алексеевна, царевна.

1718. Алексей Петрович, царевич.

1718. Екатерина Алексеевна, царевна.

1719. Петр Петрович, первый, царе-
вич, сын Петра I (второй б. г.).

1723. Прасковья Федоровна Салтыкова, царица, жена царя Иоанна Алексеевича.
 1723. Мария Алексеевна, царевна.
 1725. Петр I, царь.
 1727. Екатерина I, царица.
 1728. Анна Петровна, царевна, дочь Петра I, герцогиня Голштейн-Готторпская.
 1730. Петр II, царь.
 1731. Евдокия Федоровна Лопухина, в монашестве Елена, первая жена Петра I.
 1731. Прасковья Ивановна, царевна, дочь царя Иоанна Алексеевича.
 1733. Екатерина Ивановна, царевна, дочь царя Иоанна Алексеевича.
 1740. Анна Иоанновна, царица, дочь царя Иоанна Алексеевича.
 1761. Елизавета Петровна, царица.
 1762. Петр III, царь.
 1796. Екатерина II, царица.

XVIII. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

§ 104. Печатная книга выходит в большом количестве экземпляров и расходясь становится доступной большому кругу читающих. Всякая рукопись есть уник (единственный экземпляр); она хранится в одном месте и таким образом доступна только небольшому числу лиц. Изданная печатью, фотографией или иными способами, сама рукопись не перестает быть уником, ибо никакое воспроизведение не передаст все особенности оригинала: пергаменная рукопись обыкновенно издается на бумаге, бумажная — на бумаге иного характера, цвет чернил и краски не могут быть воспроизведены с полной точностью. А между тем всякая рукопись и в мелких частностях своих может представить специальный интерес для самых различных лиц в самых различных частях мира. Редкая рукопись содержит в себе новое (т. е. ранее неизвестное) произведение по какой-нибудь отрасли научных знаний или литературы. Но каждая рукопись есть первоисточник, или новый факт знания, который имеет значение для специалистов. Прежде всего рукопись интересует филологов: лингвист, историк литературы, палеограф могут найти новый частный факт в каждой новой рукописи. Но то же справедливо и относительно специалистов не филологов. Даже приписки, находимые в рукописях, могут дать указания относительно эпидемий, природных явлений, верований, состояния цен, юридических обычаев и т. п. факты, важные для медика, естествознателя, экономиста, этнографа, юриста и т. д. В интересах всех тех специалистов, кои вынуждены извлекать из первоисточников необходимые им единичные факты, рукописные собрания и отдельные рукописи описываются, и такие описания издаются.

Описание рукописи может быть и очень кратким, но оно должно отвечать на все главные вопросы, с коими могли бы обратиться к самой рукописи ученые различных специальностей. Описывающий чрезвычайно облегчит исследователей, если определенно отметит, что в каждой рукописи есть и чего в ней нет: последнее

избавит специалистов от бесплодных поисков. Описывающий будет ссылаться на отдельные места рукописи и поэтому для точности ссылок ранее, чем приступить к описанию, он обязан произвести нумерацию листов рукописи или, если она уже нумерована, — проверить и исправить существующую нумерацию. Метаясь по старой традиции в рукописях не страницы, а листы. Листы метаясь в правом верхнем углу с recto (т. е. с лица, или границы, лежащей направо); verso (т. е. оборот, или страница, лежащая влево) остается без всякой пометы; в ссылках пометы л. 1, л. 2, л. означают recto, пометы л. 1 об., л. 2 об., л. 3 об. обозначают оборот, или verso.

§ 105. Самое краткое описание должно содержать следующее: Название памятника. Год или век. Материал. Размер или формат. Характер алфавита и почерка. Счет листов. Извод. Водяные знаки. Вязь. Орнамент. Миниатюра. Чернила и краски. Вытисненные в рукопись гравюры. Литературный состав. Прямые и косвенные даты. Позднейшие записи и приписки. Переплет (дерево досок и их покрытие; металлические части; тиснение; обрез; корешок). Ясно, что кроме названия и состава все остальные рубрики описания заимствованы из палеографии и отвечают на все вопросы, которые ставит эта дисциплина. Вот примерное описание по этой схеме: Четвероевангелие XVI в. писано на бумаге в 1^о, искусственным уставом молдавского характера, на 451 листе. Правописание — юго-западное русское со следами среднеболгарского оригинала и подражаниями ему. Пред каждым евангелистом предисловие Феофилакта болгарского и оглавление. Водяной знак во всей рукописи — кабан. В начале текста каждого евангелиста, в начале предисловий и синаксаря (т. е. календаря) — заставки балканского плетеного типа на золотом фоне и по большей части такие же инициалы, исключая л. 336 (начало евангелия от Иоанна), где инициал на золотом фоне тератологический: птица с веткой в клюве, ноги оплетены жгутами. В тех же и других местах заглавия сложной золотой вязью. Четыре миниатюры изображают евангелистов, — фон золотой, рисунок и раскраска довольно грубы, но в духе старого византийского искусства. Вокруг миниатюр и первых листов текста каждого евангелиста — рамки на золотом фоне, большей частью италийского рисунка XVI в. Переплет поздний — картонный, покрыт тонкой (резаной) кожей. На л. 1 (переплетном) — дарственная запись 1800 г.»

Дать рукописи название, значит указать то название, под коим рукопись данного содержания известна в науке. А в науке принято по возможности сохранять за рукописью то название, которое присвоено ей старой традицией и всего чаще читается в начале

⁵⁹ Во избежание ошибки теперь нередко пользуются нумератором, автоматически меняющим цифры. Чтобы цифры отпечатывались отчетливо, под нумеруемый лист подкладывается кусочек сукна.

самой рукописи. Однако нередки и такие случаи, когда рукопись сама не содержит названия, или заглавия; иногда традиционное название, читаемое в рукописи, заменено в науке иным; иногда, наконец, название в рукописи отсутствует потому, что утрачен начальный лист, заключавший его. Во всех этих случаях описывающему необходимо знать научную терминологию названий и соответствующее каждому названию содержание рукописи. Многие памятники легко определяются с первого взгляда ввиду типичности своего содержания, таковы евангелие, апостол, псалтырь, летопись, лечебник и пр. Сборник обыкновенно не носит никакого названия и узнается потому, что состоит из многих статей, каждая под своим особым заглавием. Состав сборника может быть случайным, т. е. отдельные статьи его могут иметь мало общего между собой. Но очень часто подбор статей в сборнике бывает более или менее однородный, и тогда следует давать сборнику более точное заглавие: Сборник житий, Сборник поучений, Сборник повестей и т. п. Состав некоторых сборников бывает очень типичен, т. е. мало варьируется; различные списки такого сборника имеют приблизительно один и тот же состав. Нередко это объясняется тем, что такие сборники составлены из произведений какого-нибудь одного писателя, объединены одною общей идеей, или служили для определенной практической цели. Сборники типичного состава носят свои особые названия. Так, например сборник слов и поучений из Иоанна Златоуста получил название «Златоуст», другой сборник того же рода называется «Златоструй». Сборник чрезвычайно кратких житий и поучений, дающий как бы конспекты для устной проповеди, называется «Пролог». Сборник очень кратких наставительных рассказов из жизни подвижников называется «Патерик». Один сборник поучений аввы Дорофея называется «Диоптра». Сборник поучений византийского аскета Иоанна называется «Лествицей», а сам Иоанн — Лествичником (по гречески Климакс) на том основании, что отдельные поучения этого сборника суть наставления в различных добродетелях, которые подобно ступеням, возносят подвижника к совершенству. «Хронограф» есть название систематического сборника сведений по иностранной истории (древней, византийской, средневековой, западной) — в хронологическом порядке, начиная от сотворения мира. Сборники, составленные для определенных практических целей, со временем меняют свой состав по требованию самой жизни: в Пролог входят жития новоуставленных святых, в Златоуст — слова и поучения, не принадлежащие Иоанну Златоусту, но подходящие по общему тону и направлению к первоначальному Златоусту. Хронограф пополняется новыми историческими статьями, и кроме иностранной истории в него включается история русская. Таким путем возникают различные редакции одного и того же памятника. Редакцией называется преднамеренная литературная переработка памятника,

все равно — состоит ли она в изменении формы или содержания. Изводом (см. стр. 30), как мы видели, называются непреднамеренные изменения литературного языка памятника. Преднамеренной переработке подвергаются самые различные памятники: Жития отдельных святых сокращаются или пополняются, и таким образом, возникая краткая и пространная редакции жития. В разных редакциях известны в старой письменности и чисто литературные памятники — Александрия (сказание о подвигах Александра Македонского), повесть об Акире Премудром и др. Хронограф делится на несколько редакций, которые различаются между собою постепенными дополнениями, а равно частичной заменой одних статей другими. Даже такой, казалось бы, неизменный текст, как евангелие, является в различном виде: существует евангелие Апракос, или изборное (оно содержит отрывки, читаемые в церкви, и расположено в порядке церковного круга) и евангелие Тетр, или четвероевангелие (полный текст четырех евангелистов), которое в свою очередь с известной эпохи (у южных славян с XIX в., в России — с XV в.) является с предисловиями Феофилакта, архиепископа болгарского. Таким образом точно определить рукопись и дать ей название часто можно только на основании ранее приобретенных знаний или путем справок в книгах, ранее прочитанных. Из систематических справочных руководств особенно рекомендуются В. С. Иконников. Опыт русской историографии и Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Справки приходится производить также в существующих печатных описаниях рукописных собраний. Классическими по точности и по глубине исследования считаются два описания: Востоков. Описание рукописей Румянцевского Музея; А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. Востокское описание удобнее изложено, имеет указатели предметов и лиц и разнообразнее по составу рукописей, почему оно до сих пор остается главным образцом для начинающих. Однако необходимы справки и в остальных, особенно — в новейших описаниях, ибо за последние десятилетия открыто и описано немало рукописей нового типа, не встречавшихся старым исследователям, а кроме того отчасти изменилась терминология и даже стиль описаний. Для быстрой справки очень полезно двухтомное описание рукописей Соловецкой библиотеки, благодаря разнообразному, хорошо комментированному составу и подробным указателям. Справка исходит из тех фактов, кои содержит сама рукопись, причем наиболее полезными оказываются наиболее частые факты. Сюда относятся собственные имена, и всякие специальные термины, находимые в заглавии или тексте. Эти термины стараемся мы отыскать в указателях печатных описаний.

§*106. Очевидно, что часто невозможно дать название рукописи, не ознакомившись с ее составом и литературной историей. При

подробном описании рукописи это является обязательным. Состав рукописи характеризуется перечислением всех входящих в нее статей, или отделов. Указывается лист рукописи, на коем начинается статья, затем приводится точно то заглавие, какое статья имеет в рукописи, а равно начальная и конечная фразы статьи⁶⁰. Последнее делается, во-первых, на том основании, что под одним и тем же заглавием в рукописях встречаются совершенно различные статьи, которые и могут быть различены по своему началу и концу. Во-вторых, возможен и обратный случай: одна и та же статья является в рукописях с различными названиями, например, в одной рукописи приписывается одному, в другой — другому автору; в этом случае тождество статьи может быть открыто по тождеству начала и конца ее. В-третьих, возможен случай, когда две редакции одной и той же статьи различаются началом или концом. Очень часто две редакции одного и того же произведения различаются между собою вставками или пропусками внутри текста; поэтому в подробном описании необходимо ознакомиться со всем содержанием данной статьи, сверив ее с той или другой редакцией ее, уже известной в науке. А для этого необходимо узнать, издана ли данная статья, где именно и в какой редакции. Указания о том, что и где издано, очень часто даются в описаниях рукописей при соответствующих статьях, а эти статьи могут быть отысканы в указателях. Указатели при описаниях рукописей даются обыкновенно предметные и именные; таким образом, например, статья «Слово Кирилла мниха (Кирилла Туровского) о душе и телеси» может быть отыскиваема в предметном указателе под словами «слово» и «душа», в личном — под словом «Кирилл». Только в самое последнее время при описаниях рукописей начинают появляться алфавитные указатели статей по их начальным фразам. Следует иметь в виду то, что уже указано выше: отдельные памятники (а таковые могут иметь размеры небольшой статьи) не всегда носят в рукописях то самое название, которое им дается в науке, так, например, Историческая палея (краткое изложение библии) носит в рукописях заглавие «Очи палейные», Задонщина (Повесть о Куликовской битве) в рукописях называется «Поведанием» о брани с царем Мамаем.

Таким образом иногда приходится определять название не только для отдельных рукописей, но также для отдельных статей: в описании выписывается из рукописи подлинное заглавие статьи и указывается ее научное название, если таковое расходится с рукописным. Затрудняясь определить статью и узнать, издана ли она, не находя на то указаний в библиографических трудах и указателях описаний, иногда можно помочь себе справкою в сло-

⁶⁰ Произведения старой литературы часто оканчиваются какой-нибудь обычной молитвенной формулой; приведя последнюю литературную фразу, можно дать заключительную молитвенную формулу в сокращении, например: «Ему же слава ныне» и пр.

варе церковно-славянского и древнерусского языка: из статьи мы выбираем особенно оригинальную фразу, содержащую редко встречаемое слово или оборот; под таким словом мы справляемся в словаре, и из помещенной там ссылки иногда непосредственно узнаем, с каким памятником мы имеем дело и издан он или нет. К сожалению, пригодные для таких справок словари: церковно-славянский Миклошича (Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Вена, 1862—1865) и древнерусские Срезневского и Дювернуа (небольшой, 1894 г.) не дадут указаний на печатную литературу последних десятилетий. Кроме того, при справке в словаре следует помнить, что избранная нами фраза может оказаться цитатою, т. е. фразой, заимствованной автором статьи из иного памятника: к нему, а не к нашей статье приведет тогда ссылка словаря. Занимающемуся описанием рукописей совершенно необходимо известное знакомство с священным писанием, ибо из этого источника почерпнуто значительное большинство цитат в старой славяно-русской письменности. Для справок по священному писанию может служить уже указанный церковно-славянский словарь Миклошича, а равно различные «Конкорданции» и «Симфонии» (т. е. специальные лексические указатели) к книгам священного писания.

§ 107. Итак, чтобы дать название статье или рукописи, мы иногда уже бываем принуждены касаться содержания и истории памятников письменности. Литературная история памятника обнимает его возникновение, его размножение списками, его переделки, его перенос из одной литературы на другую. В подробном научном описании мы должны коснуться литературной истории памятника, все равно — будет ли это памятник новый, нами впервые открываемый, или памятник ранее известный исследователям: мы должны помнить, что и каждый новый список памятника есть уник, индивидуальный научный факт, увеличивающий общую литературную историю данного памятника: вновь открытый список может представить совершенно новую редакцию памятника — очень древнюю или совершенно позднюю, вновь возникшую под рукой последнего писца; список может содержать неизвестное другим спискам разделение на главы, или чтения, а это может служить указанием на то, что памятник некогда причислялся к религиозно-поучительным и читался в церкви или в монастырских трапезных. Такое деление на чтения имеют, например, некоторые списки апокрифического первоевангелия Иакова. Наконец, список может заключать отдельные написания и формы, которые указывают, что памятник возник или по крайней мере уже существовал в известную отдаленную эпоху. Впрочем, этот последний вопрос удобнее относить не к литературной истории памятника, а к истории его текста. Ценные указания на историю литературного памятника могут заключать, наконец, приписки, например, указания на редкость памятника, его отреченность

(запретность), его популярность, авторитетность — вообще или в определенную эпоху. Новый список может заключать правильные чтения в таких местах, где другие списки представляют искажение, подновление или пропуск: список может заключать ценные недоразумения и ошибки, сделанные самим писцом или перенесенные им из оригинала и бросающие новый свет на историю всего памятника.

§ 108. Памятники могут быть оригинальные и переводные. В последнем случае возникает вопрос о языке оригинала, о времени и месте перевода, о числе переводов того же памятника. Вопросы о влиянии одного перевода на другой и о следах сверки старого перевода с оригиналом отходят в отдел «истории текста». Большинство переводов славяно-русской письменности сделано с греческого языка; несравненно реже переводы с латинского; они возникали в Паннонско-Моравскую эпоху славянской письменности, затем у хорватов и в западной Сербии, в западной России с XIV, в Московском государстве с конца XV в. У хорватов возникали и переводы с италийского, кои в отдельных случаях передавались югославянам православным. Такое происхождение приписывают, например, особой «Троянской истории», перешедшей в Россию непосредственно из болгарского источника (Прѣту еже о кралѣхъ). В западной России с XV, в Московском государстве с XVI в. начинаются первые переводы с польского, в XVII в. они становятся чаще. До конца XVII в. в Московском государстве очень редки переводы с немецкого и различных других языков, романских и германских. Чрезвычайно полезна работа академика А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» СПб., 1903. При переводе язык оригинала устанавливается по так называемым варваризмам, т. е. чужим словам и оборотам: грецизм, латинизм, полонизм и т. д. Чужие слова переносились в переводы для передачи понятий, чуждых переводчику и не имеющих слова в его родном языке: такие понятия, как епископ, дьякон, литургия, проскомидия, епитимия и прочие, восприняты из греческого в эпоху создания славянской литургии; позднее некоторые из этих слов получали славянский перевод: епископ — святитель, литургия — обедня, а еще позднее греческие слова снова утверждались в литературном языке. Чужие слова, прочно утвердившиеся в литературном или разговорном языке, разумеется, перестают служить указанием на язык оригинала; так, греческие слова «епископ», «литургия» могут быть употреблены в настоящее время в оригинальном русском произведении или при переводе с любого языка. Древнейшие латинизмы находим в глаголических Киевских отрывках, которые и по составу представляют католическую богослужебную книгу; здесь встречаются слова *прѣфация* (лат. *praefatio* «предисловие») и *миша* (лат. *missa* «обедня»). Находимые в других старославянских памятниках литургические термины западного происхожде-

яля: кръсть «крест» (лат. *christus*), крижь «крест» (лат. *stux*), комъкати «причащать» (лат. *communicare*) и другие уже не указывают на непосредственный перевод с латинского: эти термины были приняты в литургический язык в Моравии, переходили отсюда вместе с славянской литургией к хорватам, сербам, болгарам и русским и сохранялись как старые заимствования, сравни народную болгарскую клятву: «да ме изгори света та комка» = «да сожжет меня святое причастие». Равным образом полонизмы в западнорусском и южнорусском тексте сами по себе не означают непосредственного перевода с польского, ибо полонизмы в большом количестве рано вошли в литературный церковнославянский язык западной и южной России, а равно в живой язык белорусов и украинцев. Так, например, в западнорусском и южнорусском памятнике слова рок «год» или крок «шаг» отнюдь не будут указывать на перевод с польского, хотя второе из этих слов во всяком случае заимствовано из польского языка. Напротив того, в великорусском тексте ошибочное «пять годов» вместо «пять шагов» будет прямо свидетельствовать о переводе с польского, причем переводчик, очевидно, не вполне владел польским языком, ибо понял форму *kroków* «шагов» за неупотребительную форму *roków* «годов», вместо чего по-польски говорится *lat* «лет». Чужие синтаксические обороты переносятся в переводы или как сознательное насилие над языком или по своего рода инерции — вследствие пассивного отношения к тексту подлинника. Сознательное насилие над живою речью часто объясняется необходимостью создать литературный язык для определенной цели. Так, очень рано, вероятно, еще при первоучителях, введено местоимение кже («которое», «что») для передачи греческого члена при неопределенной форме глагола, например кже сѣсти одеснижъ в значении «то, чтобы сесть по правую сторону». В более редких случаях сознательное насилие над языком вызвано принципом слепого подражания; так, перевод Нового Завета, неосновательно приписываемый Алексею, митрополиту Московскому, старается всюду буквально передавать греческую конструкцию фразы. В качестве образца инертного переноса оборотов из подлинника можно указать на латинскую конструкцию дополнительных предложений в виде винительного с неопределенной формой глагола, *accusativus cum infinitivo*. Такую конструкцию сохраняет русский перевод латинской средневековой истории Троянской войны (автор Гвидо де Колумна, итальянец XIII в.). Эта история включена во вторую редакцию русского Хронографа взамен болгарской «Притчи еже о кралех», находимой в том же месте в первой редакции. В русском переводе Истории Гвидо де Колумны встречаются такие фразы: «слышаше бо Елену безмерною красотою прести».

Язык оригинала всего надежнее устанавливается по ошибкам и недоразумениям особого характера, возможным только при

перевод с одного определенного языка. Так, например, ошибочный перевод «православие» вместо «правоверие» указывает на греческий оригинал, ибо по гречески слово δόξα (читай dōksa) имеет два значения «вера» и «слава». Или: в очень древних глаголических Киевских отрывках вместо звательной формы «Божэ» ошибочно употребляется форма «Богъ», сходная с именительным падежом; то же совпадение двух форм находим в латинском Deus; мы видели, что Киевские отрывки и иными чертами указывают на латинский оригинал.

Если факт перевода и язык оригинала установлены, необходимо произвести сличение с оригиналом, чтобы выяснить особенности перевода. Почти всякий перевод содержит ошибки и недоразумения, нарушающие смысл, который и может быть восстановлен только справками в оригинале. Далее перевод может быть более или менее свободным и заключать в себе как пропуски, так и вставки. Наконец, при сличении с оригиналом быстрее и легче схватываются стилистические особенности перевода: язык перевода может быть хорошо выработанным, т. е. иметь строго установленные термины и обороты; в этом случае одно и то же слово оригинала всегда передается одним и тем же словом в переводе; иногда одно и то же слово оригинала передается разными словами в переводе, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что переводчик вносит в текст такие оттенки значения, которые остались невыраженными в оригинале. И наоборот, литературный язык переводчика может быть невыработанным, — шатким и непоследовательным в переводе терминов оригинала и в передаче его синтаксических оборотов. Переводчики могут различаться большим и меньшим знанием чужого языка, большим и меньшим количеством чужих слов, перенесенных в перевод. Как раз различие такого рода установлено между переводами ученого филолога Кирилла первоучителя и переводами его брата Мефодия, деятельного подвижника, знавшего греческий и славянский языки главным образом практически. Переводы литературной школы болгарского царя Симеона отличаются от кирилло-мефодиевских особым выбором слов как для многих основных религиозных понятий, так и для некоторых частиц. Позднейшие переводы — болгарские, сербские, русские тоже могут быть различены по выбору слов, ибо новые слова не переставали вторгаться в церковнославянский литературный язык из живых славянских наречий. Старое кирилло-мефодиевское риза «рубашка» в русских текстах может быть передано русскими терминами «сорочка», «рубаша», в болгаро-македонском Добромировом евангелии XII в. находим кошъла, которое известно и западнославянским языкам. Вообще переводы разных эпох и разных территорий всего резко различаются между собою своим лексическим составом (словарем). Фонетические и морфологические особенности оригинала быстро сглаживаются переписчиками.

Церковнославянский язык много веков оставался литературным и литургическим языком на обширной территории; обмен литературными памятниками не во все эпохи был одинаково живым. Переводы терялись или не распространялись за пределы известной территории. Поэтому случалось, что один и тот же памятник переводился дважды, в отдельных случаях — трижды: в разное время и в различных местах. Описывая рукописи и встречая в них переводные памятники, мы обязаны указать, какой перевод лежит перед нами: тот же, который был известен ранее, или иной; если ранее было известно два перевода, мы должны указать, к какому из них относится наш памятник. Кроме различий лексических и синтаксических, кроме различий в пропусках и ошибках, переводы иногда различаются тем, что они сделаны с различных редакций оригинала. Так, например, апокрифическое первоэвангелие Иакова было переведено на церковнославянский язык дважды и в основе этих переводов лежат различные редакции греческого текста, каждая с типичными особенностями. Однако, как мы увидим ниже, касаясь истории текста, различные литературные редакции и различные переводы влияют друг на друга и иногда дают в результате смешанный текст, а иногда первоначальные особенности скрываются и сглаживаются вследствие позднейшей сверки с иным оригиналом или вследствие переделки языка и стиля. Это случилось, между прочим, и с текстом первоэвангелия Иакова, вследствие чего при анализе позднего списка факт существования двух первоначальных переводов ускользает от взгляда специалистов. Чтобы сличить славянский перевод с его греческим, латинским или иным подлинником, необходимо знать, где издан этот последний; если оригинал не издан, его приходится отыскивать в рукописях, т. е. прежде всего — обращаться к печатным описаниям греческих и латинских рукописей или к капитальным изданиям греческих и латинских текстов (Migne, *Patrologiae cursus completus*, также *Acta sanctorum*). Для переводов более поздней эпохи, сделанных с живых западных языков — польского, немецкого, голландского и других, обращаться приходится обыкновенно не к рукописям, а к старым и новым печатным текстам, которые несравненно доступнее, ибо самые редкие издания лишь в исключительных случаях бывают представлены одним, а обыкновенно несколькими экземплярами.

§ 109. Памятник письменности может сокращаться и дополняться для различных целей. В этом состоит его литературная история. Независимо от этого даже такие памятники, смысл и содержание коих остается неизменным (каково, например, все священное писание), претерпевают изменения текста, т. е. изменения отдельных форм, слов и оборотов на всем протяжении памятника. История текста состоит в порче и исправлении. Под порчей в широком смысле следует понимать не только случай-

ные описки, ошибки, пропуски и недоразумения, вносимые в текст переписчиками. Сюда относятся также изводы первоначального текста (ср. выше, стр. 20—25). В самом деле, подлинный текст первоучителей может быть восстановлен только при устранении болгаризмов, сербизмов или руссизмов, внесенных писцами не только по недосмотру, но в конце концов также для собственного удобства (ср. полное устранение знаков ж и л в хорватском и сербском изводах). К порче относятся также все ошибочные или неудачные исправления. Так, например, повелительное от глагола датн звучало (2 л. ед.) в старославянском даждь; в русском должно было соответствовать «дажь»; но уже в древнерусском (послесловие Остромирова евангелия) находим вместо того иное образование: дан; встречая старославянское даждь в сокращенных написаниях дажь^х и да^ж русский писец, в своем живом говоре имевший только форму дан, осмысливал написание да^ж в значении словосочетания данже и писал это последнее. Всем известно ошибочное исправление, находимое в тексте Задонщины; литературный текст эта повесть черпает из «Слова о полку Игореве»; в этом последнем памятнике мы находим фразу «о, русская земле, уже за шеломенем еси», что значит «о, русские (воины), вы уже (скрылись от глаз) за холмом». В Задонщине вместо «за шеломенем» находим «за Соломоном». Рукописи вообще полны неудачными домыслами переписчиков: непонятное (устаревшее, чуждое или искаженное) писцы по догадке исправляли в понятное. Поэтому при восстановлении первоначального текста руководятся правилом: «из двух разночтений непонятное и испорченное заслуживает тщательного внимания и часто большего, чем понятное и правильное». Исправления текста бывают различного рода. Один список памятника может быть исправлен на основании другого списка, лучшего или считаемого таковым. Цель исправляющего может быть различна: исправить смысл до ясности; исправить стиль, сделав его совершеннее или проще; исправить язык, подновив его, — сделать его более понятным и современным (смена одних синонимов другими) или более архаичным и торжественным (смена синонимов, введение архаичных форм, например, нестянутых форм прилагательного сложного и имперфекта: добраго, писаше вм. добраго, писаше); исправить правописание, сделав его более удобным и единообразным или более архаическим и торжественным. Исправление смысла иногда требует кратких вставок или кратких пропусков. Так, например, в известном Рассуждении черноризца Храбра о славянских письменах содержалась фраза, относящаяся к Кириллу и Мефодию: сѣтъ бо кце живн нже сѣтъ их видѣн. Эта важная фраза датирует рассуждение Храбра: оно было написано, когда ученики первоучителей были уже стариками, сам Храбр принадлежал к следующему за ними поколению. Но при списывании Рассуждения в последующие века эта фраза звучала

странным анахронизмом и устранялась; из всех дошедших списков статьи Храбра она сохранена только одним, древнейшим (Сб. Публ. библ., 1348 г.). Если текст одной редакции «правится» (исправляется) на основании текста иной редакции, то это — факт, относящийся к литературной истории памятника, а не к истории его текста.

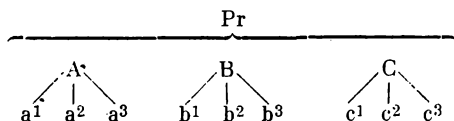
Черты местных языков и говоров, постепенно проникающие в текст и образующие изводы, или разновидности литературного языка, бросают свет на внешнюю историю памятника, т. е. на место и время его возникновения и на его дальнейшие странствования. Обыкновенно черты далекого оригинала сохраняются в тексте памятника только случайно, часто — лишь по недоразумению писцов. Так, например, простой аорист (особая форма прошедшего времени недлительного вида) уже в XI в. был свойствен только македонскому разряду старославянских памятников: в восточноболгарском разряде Саввиной книги известны почти исключительно те формы простого аориста, которые не совпадают с формами настоящего. В Супрасльской рукописи и в Остромировом евангелии (древнейшем русском списке — с восточноболгарского оригинала) формы простого аориста устранены, причем в том и другом памятнике, очевидно, по недосмотру еще восточноболгарских редакторов, сохранилось по одной форме простого аориста, — эти формы были приняты за формы настоящего. В таких русских списках, кои не подвергались систематическому пересмотру со стороны языка, иногда встречаются сильные аористы; относительно таких текстов можно быть уверенным, что они возникли не в Восточной Болгарии и восходят если не к эпохе первоучителей, то во всяком случае к македонской письменности X в. Возьмем другой пример. Свойственное новгородской письменности смешение знаков у и ц исчезает в XV в. Таким образом, в рукописи XVI или XVII в., с чертою аканья, спорадичные случаи смешения ч и ц (коньцати, но на конце) указывают на то, что данный текст не позднее XV в. был известен и списывался в Новгородской области.

§ 110. Если описывается памятник, ранее по тому же списку изданный, указывается факт издания и степень его точности; может быть произведена сверка издания с оригиналом и даны исправления ошибок и опечаток издания.

Если описывается памятник, ранее изданный по иному списку, необходимо указать отношение обоих списков между собою, о чем смотри ниже. Кроме того, ссылкой точно указывается факт издания и производится сравнение двух текстов — изданного и нового. При этом указывается, какой текст следует признать лучшим и приводятся такие варианты или разночтения из нового текста, которые его характеризуют. Если новый текст хуже изданного, даются образцы его ошибок (пропусков, описок, недоразумений) сравнительно с правильными чтениями изданного

текста. Если новый текст лучше изданного, приводятся варианты, исправляющие изданный текст (варианты, устраняющие пропуски, ошибки и недоразумения). Абсолютно хороших текстов не существует, и потому два списка всегда кое в чем дополняют друг друга, если только не окажется, что один из них (непосредственно или через посредство других списков) списан с другого. В этом последнем случае копия имеет значение только при одном условии: если после составления копии оригинал утратил часть своих листов, утраченное восполняется по копии.

Если описанию подлежит памятник, известный во многих списках, то желательно установить родственные связи данного списка со списками, известными ранее. Под термином «родственные связи, родство списков» разумеют большую или меньшую близость их общего оригинала. Первый возникающий экземпляр памятника называется протографом. С протографа (Pr) могло быть сделано несколько копий (списки А, В, С, D и т. д.). Из списков этого первого ряда (поколения) каждый мог быть списан тоже несколько раз: А дает существование спискам a^1 , a^2 , a^3 ., В — спискам b^1 , b^2 , b^3 ., С — спискам c^1 , c^2 , c^3 и т. д. В свою очередь, списывались и эти списки второго поколения. Списки следующих поколений могут быть обозначаемы удвоением буквы: aa^1 , ba^1 , ca^1 обозначают три списка, сделанные с a^1 . При списывании каждый писец неизбежно делает ошибки, вследствие чего из поколения в поколение текст протографа постепенно искажается. Однако одни писцы делают ошибок меньше, другие больше, и таким образом списки сильно разнятся между собою по качеству. Описывая новый список известного памятника, важно указать, хороший ли это список или плохой; это узнается легко — по количеству ошибок, недосмотров, пропусков. Изобразим родство списков схемой:

Протограф Pr доходит очень редко. Если он дошел, списки, с него сделанные, могут указывать на степень, время и место распространения данного памятника, но для восстановления его текста они не имеют значения (кроме восполнения листов текста, утраченных протографом в позднейшее время). Но предположим, что протограф погиб, а до нас дошли списки А; b^1 , b^2 , b^3 ; cc^3 (т. е. список четвертого поколения, сделанный с c^3). Всякий из этих списков повторяет недостатки протографа, но присоединяет к ним и свои собственные: А имеет, например, пропуски в начале текста и ошибку *реуѣтъ* «скажет» *вм. реуѣ* «сказал», список cc^3 имеет пропуски в конце текста и ошибку *молаще* «умоляя»

вм. *молаше* «умолял», а списки b^1 , b^2 , b^3 имеют один и тот же пропуск в середине текста и одну и ту же ошибку *новѣда* «сообщил» вм. *пронвѣда* «проповедал», так как все они восходят к недошедшему списку В, в коем уже имелся этот пропуск и та же ошибка. Представим себе, что список А вообще плох: писец его плохо читал, был малограмотен и писал механически, мало вникая в смысл; что список cc^3 очень исправен и восходит к очень исправному списку c^3 , а этот — к столь же исправному списку С. Список cc^3 , хотя и самый поздний из всех и всего дальше стоящий от протографа, окажется самым важным по чтению текста, но не по правописанию и не по начертанию букв, — в этом он отражает свою позднюю эпоху, между тем как список А, как наиболее древний, дает всего больше понятия о правописании и начертаниях протографа и это тем более, что писец А многое переносит из протографа механически. Представим себе далее, что все три списка b^1 , b^2 , b^3 одинаково хороши, потому что все сделаны одним и тем же опытным писцом-ремесленником с посредственного оригинала В. Конечно, писец списков b^1 , b^2 , b^3 в разное время мог читать отдельные места своего оригинала лучше и хуже и делать в списке b^3 такие ошибки, каких он избегал в списках b^1 и b^2 ; но все это будут редкие и небольшие разночтения; в общем из трех списков b^1 , b^2 , b^3 для восстановления текста протографа на практике достаточно услуг какого-нибудь одного, например, списка b^1 . Но совсем игнорировать списки b^2 и b^3 все же невозможно. Ведь, если бы до нас дошло только три списка: b^1 , b^2 , b^3 , хотя и крайне близкие, мы были бы принуждены восстанавливать оригинал по всем трем. Если бы b^1 , b^2 , b^3 были писаны различными писцами и потому резче расходились бы между собою, мы были бы обязаны систематически пользоваться ими даже при наличии иных списков. Ясно, что списки недошедшего протографа Pг делятся на три группы: А, В, С. Первая группа представлена списком А, родство коего с протографом всего ближе, вторая — списками b^1 , b^2 , b^3 , родство коих между собою очень близкое, а родство с протографом более далекое. Группа С представлена единственным списком cc^3 , родство коего с протографом всего дальше. Мы должны определить, в каком отношении стоит новый, нами встреченный список, к ранее известным спискам А, b^1 , b^2 , b^3 и cc^3 .

Родство, или общее происхождение, всего точнее определяется общими ошибками и общими пропусками. Сравнивая в этом отношении новый список с ранее известными, мы убеждаемся, что он не имеет ни пропусков, ни ошибок, свойственных группам В и С, что он разделяет с группой А ошибку *реуетъ* вм. *реуе*, но не имеет характерного для А пропуска в начале. Что это значит? Одно из двух: или новый список лишь случайно сходится с А в указанной ошибке и представляет собою новую группу D, или новый список восходит к А, получил из А указанную ошибку,

но не получил пропуска, потому что списан в такое время, когда сам список А пропуска еще не содержал: пропуск в списке А может объясняться не оплошностью писца, копировавшего протограф P_г, а утратой списком А одного листа в позднее время. Если окажется, что новый список совпадает с А в целом ряде других ошибок, второе предположение будет оправдано. Это нужно будет отметить в описании. Но ближайшее исследование может привести к такому предположению, что между P_г и А находился промежуточный древний список, уже содержавший ошибку речеть, но не содержавший пропуска. Наконец, пропуск в нашем новом списке мог быть восполнен писцом из иного списка того же памятника. Доказательны для родства списков, разумеется, только очень характерные или необычные ошибки, а не такие, какие легко делались всеми писцами, и потому случайно могут встретиться на том же месте в двух списках, мало родственных. Очень типичные ошибки суть так называемая *диттография* (т. е. двоенаписание) и *гаплогграфия* (т. е. единонаписание). Гаплогграфия есть пропуск отрывка, заключенного между двумя тождественными словами или выражениями. Диттография есть двойное написание такого отрывка. Представим себе (а это встречается очень часто), что две соседние фразы текста начинаются одним и тем же словом или два соседние отдела — одной и той же фразой; назовем эти начала «начало А» и «начало А¹». Дойдя до А, писец может оторваться от работы (хотя бы на мгновение), запомнив, однако, что продолжать следует словом А. Вот он возвращается к работе; но взгляд его случайно падает на слово А¹ (тождественное с А); с него и продолжает он писать, пропуская все, что стоит между А и А¹ (гаплогграфия. А написано однажды). Но предположим, что писец оторвался от работы, дойдя до А¹ и заметив, что этим словом следует продолжать; его глаза при возобновлении работы могут упасть на слово А (тождественное с А¹, но уже переписанное); писец начинает с этого слова и вторично пишет весь отрывок от А до А¹ (диттография. А написано дважды). При обилии лирических (псалтырь) и ораторских (пучения) повторений в старой литературе эти два вида ошибок возникают нередко.

При критическом издании, т. е. таком, которое стремится дать восстановленный текст протографа, списки делятся на группы вышеуказанным способом, и чтения (т. е. показания) отдельных списков принимаются в расчет в той мере, в которой они заслуживают внимания. Есть два способа критического издания. В одном случае печатается восстановленный текст, в таком виде ни одному из списков не свойственный, а в подстрочных примечаниях указывается, в каких именно местах, как и на основании каких списков и соображений исправлен текст. В другом случае печатается один из существующих списков, — тот, который по совокупности своих особенностей будет найден лучшим, а в под-

строчных примечаниях ошибки этого текста исправляются, с указанием тех списков, которые дают правильное разночтение. Если ни один из текстов такого не дает, ошибка нередко может быть исправлена обоснованной догадкой (конъектурой). От простой догадки конъектура отличается тем, что она основана на точном знании обычных, повторяющихся, а не случайных ошибок. Вариантом, или разночтением, называется всякое словесное расхождение списков, т. е. слово или группа слов, находящаяся в одном и том же месте текста не во всех списках, а только в одном или в нескольких. Для открытия истории текста и родства списков важны все варианты, но к восстановлению текста привлекаются только хорошие варианты, т. е. такие, которые устраняют ошибку и позднейшую вставку или восполняют пропуск в тексте. Филологи-ремесленники часто грешат против этого правила, приводя под строкою в великом обилии, но без всякой мысли ненужные варианты из плохих списков. Если литературные редакции памятника резко разошлись между собою и различаются, например, большими пропусками и большими вставками или какой-нибудь иной систематической переработкой текста, в основу критического издания кладется только одна из редакций памятника. Главные вставки другой редакции могут быть даны в примечании.

Среди вставок существуют такие, которые сделаны по недоразумению. Это — вставленные глоссы и замечания. Глосса (греческое γλῶσσα — значит «язык», «слово») есть приписанный на поле или над строкою перевод слова или его пояснение. В тексте евангелия над грецизмом **пαρακάντѣ** редактором или читателем может быть надписан славянский перевод **вѣдѣшитель**. Писец, который должен или сохранить старый текст или заменить все устаревшие выражения новыми, может по недоразумению внести в свой список и то и другое. Таков известный список евангелия (Син. библ., № 26, 1383 г.), где в строку

рядом вписаны такие синонимы, как **ѡноу^х** и **всако**, **лицемѣри** и **(н)нокрити** и т. д. в целом ряде случаев. В текст могут быть внесены с полей и более или менее посторонние замечания. Там, где мы теперь с поля отчеркиваем текст карандашом или ставим знак **NB** (что означает латинские слова *Nota Bene*, т. е. «заметь хорошо»), югославянский и русский писец старой эпохи писал на поле **зри** (т. е. «смотри!»); такая отметка выделяла не только важные, но часто просто непонятные слова и выражения. Иногда такая отметка по недоразумению вносились в текст. По-видимому, это имело место в «Слове о полку Игореве» в известной фразе **«зри день канчеть върхъ древа»**; **зри** первоначально возникло на поле одного из списков и тпосилось к непонятному слову **день**. «Вставка в подлинный текст, сделанная с практической целью» носит специальное техническое название — **интерполяция**. **Интерполяция**, подобно всем

другим отклонениям, может служить средством для выяснения родственных связей между списками.

§ 111. При описании рукописей огромное значение имеет точность языка: все сообщаемые факты должны быть выражены в суждениях, которые ничего не оставляют недосказанным, а сами допускают только одно понимание, а не несколько. Иначе те лица, которые будут пользоваться описанием, вчитают в наши слова неверный смысл, искажающий факты, и впадут сами или вовлекут других в ошибку. В лучшем случае читатель откроет неясность, иногда двусмыслие наших слов и удостоверит невозможность пользоваться ими. Возьмем пример (вымышленный). Вполне ясной кажется на первый взгляд формула: «В этой рукописи буква *z* употреблена только восемь раз». На самом деле такая формулировка оказывается совершенно неудовлетворительной. Она не отвечает на следующие вопросы: 1) употреблено ли *z* только в значении цифры «шесть» или также в значении звука (аффиката *dz*) при обычном для данной рукописи *z* (фрикативная *z*), 2) не употребляется ли в той же рукописи знак *ẓ* (вариант знака *z*) притом — в значении цифры и буквы? 3) не встречен ли при *z* и редком *z* в значении звука *dz* также равнозначный знак *z* с крючком? 4) если *z* в данной рукописи выражает только цифру, счет случаев («восемь») не имеет значения. Если *z* выражает букву, необходимо привести все восемь случаев, в коих *z* найдено, и указать, 5) пишется ли *z* только на месте старой аффикаты *dz*: если да, то необходимо указать, 6) не пишется ли в других случаях, совершенно подобных, чаще *z*, чем *z*, т. е. при написаниях *o vozъ*, *o vrazъhъ*, *stъza*, *podvizati sa* не пишется ли гораздо чаще *o vozъ*, *o vrazъhъ*, *stъza*, *podvizati sa*. Если условие 6-е имеет место, то станет ясным, что писец перенес несколько написаний с *z* из оригинала (непосредственного или более отдаленного), в коем выразился живой говор (древнеболгарский, среднеболгарский), знавший звук *dz* в старом употреблении. Если при *stъza*, *o vozъ* и др. нет ни одного написания *stъza*, *o vozъ* и др., т. е. если данный текст содержит всего восемь таких случаев, в коих могло бы быть употреблено *z*, и во всех этих случаях стоит *z*, а не *z* (этот случай может иметь место при малом объеме текста, например, в отрывке, обнимающим один-два листа), то фонетическую черту «сохранение старого звука *dz*» можно приписать говору самого писца, а не говору оригинала; можно, но не должно, ибо объем текста незначителен, и потому могло случиться, что ошибки против старого употребления знака *z* только случайно отсутствуют, — они могли содержаться на следующих, недошедших листах. Этим не оканчивается анализ: кроме старого (праславянского *dz*, полученного из *g* (*z*), в среднеболгарских говорах возникает новое *dz* из *z* (*z*) в начале слога: **зндѣтъль**

вм. **зИЖДИТЕЛѦ**, **ПРОЗЪВАТИ** вм. **ПРОЗЪВАТИ**. Поэтому необходимо отметить 7) нет ли и в числе восьми случаев **з** таких написаний, как **зИЖДЖ**, **зИЖДИТЕЛѦ**, так как такое правописание является новшеством, от него нельзя требовать последовательности, и таким образом параллельные написания **зИЖДЖ**, **ПРОЗЪВАТИ** в качестве старых и натверженных не колеблют той возможности, что перед нами среднеболгарский текст (или точный список с него), коего писец произносил **dzǐždítel** и пр. Возможно, наконец, 8), что писец употребляет **з** вместо **ж** при всяком положении, — в виде каллиграфического варианта или по господствующей орфографической моде, всюду произносим (з). Все эти возможности выяснятся для читателя сразу, если мы перечислим случаи, в коих написано **з** и одновременно укажем есть или нет колебания в сторону **ж** при написании случаев совершенно подобных. Ясно таким образом, что для описания славянских рукописей необходимо некоторое знакомство с историей славянских языков. В случае, подобном нашему, Востоков дает следующую исчерпывающую формулировку факта: «**з** вместо **ж** служит для числа 6-ти» (описание рукописи митроп. Евгения). В нашем случае исчерпывающей будет следующая формула: «**з** встречается только в смысле цифры, а другие знаки звука **dz** совсем не встречаются».

Характеристика языка не ограничивается определением извода; характеризуется по возможности диалект или говор писца, если он сказывается типичными чертами. Чтобы открывать за написаниями выговор, необходимы известные знания по истории языка и по физиологии звуков. Необходимо также знакомство с тем, как ранее нас осмысливали графические явления. Фонетический смысл многих написаний остается спорным. Но это не мешает отмечать оригинальные графические явления, как факты рукописи. Описание графики и орфографии должно содержать только характерные черты, минуя общераспространенные явления и такие мелочи, которые не заключают приметы, т. е. не бросают света на время (или на место). Подробно описывать начерк чуть не каждой буквы допустимо только в том случае, если перед нами памятник очень оригинального письма или очень древний; в последнем случае необходимо указывать, какие из ранее известных памятников содержат такие же или подобные начерки. Изучая язык старых образцовых описаний, следует заимствовать только его точность и простоту, избегая ненужных архаизмов и отнюдь не подражая манере языка. Точность языка, в конце концов, дается предварительным знанием фактов и привычкой формулировать их принятыми терминами. Знание тех явлений языка и словесности, какие вообще могут встретиться в рукописи, позволит нам резко отличить встреченный нами факт от массы иных, возможных. Выработанная терминология для явлений рукописи дает ясность выражению. Точность языка, составляющая основное

требование филологии, в высокой мере необходима и для описания рукописей: и здесь требование точности вытекает из основного принципа внимательной и верной передачи чужого слова, чужой мысли. Простейшим способом избежать неточностей при палеографическом описании является, между прочим, прием суммации, или суммарное перечисление фактов, без обобщения, — во всех тех случаях, когда исчерпывающее исследование места не имело. Мы верим авторитету Востокова, когда он говорит: «юс большой в данной рукописи не употребляется». Но мы должны осторожно относиться к нашим собственным наблюдениям, и обобщающую формулу «не употребляется» предпочтительно заменять суммирующей формулой «не встречен». Если мы, ища ж, прочли внимательно первые десять листов рукописи и затем быстро облистали остальное, иногда читая целые страницы на выбор, мы все еще должны сказать: «ж не встречен», ибо это суммирует нашу работу, но еще не имеем право писать «не употребляется». Другим долгом точности является то, что мы оговариваем отсутствие фактов противоположного характера: отсутствие тех или других интересных или распространенных фактов не умалчивается, а удостоверяется: мы пишем, например: «без переплета», «вязи нет», «нет киновари в заглавиях», «писано без разлиновки» и пр. Некоторые рубрики в известных случаях опускаются. Так, издавая целое описание кирилловских рукописей, под каждым № описания не сообщается, что это рукопись (а не печатная книга) и что она писана кириллицей. Но, обходя молчанием отсутствующие факты, необходимо оговорить в предисловии, что упоминание переплета, вязи, миниатюр, приписок всегда означает их отсутствие. При описании отдельной рукописи отсутствие фактов, как мы видели, не умалчивается, а удостоверяется.

Все сведения, кои составляют описание рукописи, могут быть даны в том или ином порядке, начиная от самых общих и важных (т. е. нужных для большинства специалистов) или изменяя очередь сообразно специальным целям ради удобства или ради сжатости изложения. Надо, однако, помнить, что описание всегда начинается названием. Точная дата и точное происхождение рукописи, где бы они в ней ни были указаны, следует тоже выносить вперед.

При описании целого собрания рукописей оконченный труд располагается в алфавитном порядке названий, т. е. в печатной книге рукописи следуют, например, так: Азбуковник, Альфа и Омега, Апокалипсис, Апостол, Евангелие, Житие Антония Римлянина, Житие Василия Нового, Житие Феодосия Печерского, Книга о вере, Лечебник, Минея служебная, Минея четья, Пролог, Сборник, Синодик, Страсти Христовы, Уложение царя Алексея Михайловича, Фацеции, Хрисмологий, Цветник, Часослов, Ядро российской истории. Описанию, так расположенному, дается сплошная нумерация, которая в виде ярлычков (этикеток) повто-

ряется на самих рукописях. Если собрание рукописей уже ранее имело нумерацию, уже привившуюся в науке, эти старые номера в печатном описании ставятся в скобках тотчас же после номера алфавитного порядка; а в начале или конце труда дается «ключ» для перевода старых номеров на новые. Описываются рукописи в какой угодно очереди, но, имея в виду будущий алфавитный порядок всего труда, необходимо каждую рукопись описывать на отдельном листе или в отдельной тетради. Решительно не следует давать описанию рукописей вместо алфавитного порядка порядок по содержанию, т. е. не следует, например, группировать рукописи на отделы: I. Священное писание. II. Толкование св. писания. III. Творения отцов церкви. IV. Богослужебные книги. V. Жития. VI. Исторические сочинения. VII. Повествовательные сочинения. При таком расположении описания справки затруднены, а материал отчасти разбросан по произволу: псалтырь, псалтырь толковая, псалтырь следованная (т. е. с богослужебными текстами) окажутся в разных отделах, «Варлаама и Иоасафа» придется искать в житиях и в повестях, «Александрию» — и в повестях, и в истории и т. п. Описание рукописей издается главным образом не для прочтения, а для справок. Поэтому предисловие должно быть коротко и давать полное и точное указание: как следует пользоваться книгой; что она содержит и чего не содержит; как расположен материал; какие приняты сокращения; какие применены шрифты; с какой точностью передаются различные мелкие особенности письма рукописей (надстрочные значки, мелкий курсив букв, правописание). Если мы желаем издать при описании рукописей некоторые тексты целиком или дать научное исследование, то все это печатается отдельно от предисловия, всего лучше — в конце книги, в виде приложения.

Есть известная граница для размеров описания. Подробного описания заслуживает не всякая, а только интересная или редкая рукопись. Автограф замечательного писателя может быть описан подробно — с указанием, что было набросано сразу, приписано потом, вычеркнуто и вновь восстановлено самим автором: в этих изменениях перед нами лежит творческая работа. Но если, например, рукопись содержит только выписки из хорошо известного печатного источника — Синописа (исторической компиляции, изданной в Киеве в 1674 г.) или Кормчей (книги канонического права) и т. п., то было бы смешно кропотливо указывать, из какой главы и из какого отдела взята всякая строка. Достаточно более общих указаний. Необходимо, впрочем, посмотреть, не имеют ли выписки одной общей мысли или цели; это должно быть отмечено. Вообще описывающий должен все время думать о действительных интересах читателей-специалистов и твердо помнить, что его собственная роль — прежде всего осведомительная.

§ 112. Для передачи печатью подлинных написаний рукописи существуют различные шрифты, коими написания рукописи передаются в печати с большей и меньшей точностью. Возможно точнее передаются древние рукописи, менее точно — поздние, причем неточность передачи допускается только в смысле неполноты: подлинные факты рукописи по возможности не искажаются и не заменяются иными фактами, но воспроизводятся не все факты рукописи, а только главные; второстепенные же, насколько возможно, оговариваются или просто опускаются. Для разных целей требуется различная степень точности: для целей палеографии точность требуется большая, чем для целей языкознания, для языкознания — большая, чем для целей историко-литературных и исторических. Здесь следует снова припомнить, что почерки рукописей делятся на три больших разряда — уставные, полууставные и скорописные и что в каждом из этих разрядов различают изводы (ср. стр. 30). Всякий почерк и всякий извод имеют свои особенности письма и требуют некоторых особых знаков.

В эпоху уставных рукописей старославянские (древнеболгарские) памятники, а равно их древнейшие русские списки содержат такие письма, каких нет более в современном русском гражданском, а отчасти даже в современном русском церковном («старопечатном») шрифте. Таковы, напр., юсы простые ж, л и йотованные ѡ, ѡ, а равно йотованное е: к и пр. Юсы простые у болгар, а к у сербов употребляются и в позднейшие эпохи, почему полууставные среднеболгарские и сербские почерки вообще требуют для издания почти такого же шрифта, как и самые древние славянские рукописи. Сербским и болгарским рукописям XIII—XIV вв. подражают русские рукописи XV в.

Для всей этой группы существуют различные шрифты.

1. Шафарик, шрифт, созданный чешским ученым Шафариком в 30-х годах прошлого века. Образцом послужил ему почерк Остромирова евангелия, но от уменьшения и сжатия буквы потеряли монументальный характер XI в. Этот характер сохранили только заглавные буквы «шафарика», но и они слишком широки и крупны для передачи целых текстов. Заглавный шафарик незаменим для передачи памятников эпиграфики: славяно-русской и византийской, — монументальных надписей на камне, металле, дереве и пр. При этом греческое υ («ипсилон») передается славянским заглавным ҃ («червь»). По своему виду «шафарик» (как и его прототип — Остромирово евангелие) очень походит на греческий искусственный устав X в. и позднейших веков и содержит все нужные для него буквы.

2. Венский шрифт, менее сжатый, чем шафарик, но угловатый и мало напоминающий округлые уставные почерки. Этим шрифтом печатают древние славянские и русские памятники типография Академии наук в Петрограде.

3. Синодальные прифты. Они выработаны Московской синодальной типографией, содержат все нужные знаки; но страдают безличностью, — это скорее несколько скругленный русский старопечатный шрифт, чем уставный почерк древней эпохи.

4. Гербек. Шрифт, выработанный в 1902 г. московским ученым типографом О. О. Гербеком по образцу почерков среднеболгарской Болонской псалтыри. Красивый широкий шрифт, несколько манерный, как и его прототип, но удобный для передачи текстов всей древней эпохи (включая XIV в.). Шрифт не получил распространения.

5. Новый Венский шрифт, коим заслуженный славист Ягич напечатал в роскошном издании текст Болонской псалтыри. Шрифт тонкий, не сжатый, подражает древнейшим начеркам XI—XII вв. Мало распространен. Имелся в ограниченном количестве в типографии Варшавского учебного округа (для нужд «Варшавского филологического вестника»).

При передаче текста даже этими шрифтами, специально созданными для памятников уставного письма, приходится мириться с разными неудобствами: не хватает некоторых надстрочных знаков; титла не всегда имеют тот рисунок, как в рукописи; надстрочные буквы в печати оказываются несколько передвинутыми влево или вправо в сравнении с рукописью; иногда недостает некоторых букв, которые и приходится брать из иного шрифта или отливать вновь ⁶¹.

Для передачи русских рукописей более поздних существуют различные старопечатные шрифты, т. е. скопированные с различных образцов старой церковной печати. Указанные выше мелкие неудобства представляют и старопечатные шрифты; в них, например, типы надстрочных выносов нормированы: существует **ѣ^х**, **ѣ^н** без титла, но не существует **ѣ^х ѣ^н** с титлом, некоторые буквы (например высокое **ѣ**, совершенно не допускают над собой выноса, между тем как в русских рукописях с XV в. существует низкое **ѣ**, допускающее над собой вынос (надстрочную букву). Вообще рекомендуется входить самому в технику печатного дела и знакомить печатников с особенностями рукописной графики; нередко опытный печатник лучше филолога находит простейший выход из затруднения. Русские полууставные рукописи XVI, XVII и XVIII вв., не заключающие ни юсов, ни йотованного **ѣ**, ни знаков зело: **ѕ**, **ѕ**, пере-

⁶¹ Выше мы видели, что юсовые знаки в болгарских рукописях имеют очень разнообразный рисунок; в перечисленных шрифтах мы найдем только **ѣ**, **ѣ** и их йотованные варианты. Этим обыкновенно и приходится довольствоваться, оговорив в предисловии издания, что в оригинале рисунок юсов иной. Иногда нужный нам тип можно получить, срезав часть существующей печатной буквы или распорядившись припаять к ней нужную надстрочную букву, или наоборот, — срезав с существующей надстрочной буквы титло п т. п.

даются обыкновенно довольно удобно русскими старопечатными шрифтами. Для тех же русских рукописей, если их интерес заключается главным образом в содержании, а не в графике, принята передача русским гражданским шрифтом, причем передаются все особенности чтения, но не написания. Этот целесообразный принцип без труда применяется к каждому отдельному случаю. Этот принцип принят особенно для передачи памятников скорописи (по большей части административных, юридических и хозяйственных). Все графические варианты, чуждые современному правописанию, устраняются: **вм. оуже** или **уже** пишется **уже**, **вм. вко** пишется **око**, **вм. алезын** пишется **Алексѣй**, но написания **скаска**, **пятнатцать**, **память**, **памѣсный**, **чудо**, **пустошь**, **тѣерского** и т. п. не исправляются в «сказка», «пятнадцать», «память», «поместный», «чудо», «пустошь», «тверского», ибо в принципе такие исправления меняют чтение. Во всех случаях, когда подлинник содержит сокращения, издатель при передаче славянскими шрифтами не должен брать на себя прочтения сокращенных мест даже в таких бесспорных случаях, как **црѣ** «царь», **гдрю** «государю», **кнѣга** «книга», **сынѣ** «сын». Так как гражданский шрифт не имеет тител и надстрочных букв, то при передаче гражданским шрифтом все в оригинале сокращенное помещается в издании в строку, однако в скобках: **ц(а)рь**, **г(осу)д(а)рю**, **кн(и)га**, **с(ы)н**. Буква, в подлиннике стоящая над строкою, вносится в строку без скобок: **а^хнмарн^а**, **во^унна**, **ф^ер^лл^а**, **велико^о**, **ходн^о** передаются через: **архимарит(а)**, **вотчина**, **февраля**, **великог(о)**, **ходил**. Из последнего примера видно, что **ъ** и **ь**, если не значатся в рукописи, должны быть совершенно опущены; приписывать их от себя, хотя бы в скобках, вообще не следует, ибо во многих случаях это может изменить чтение, так, например, **вѣде^е** может быть прочитано и как **будеть** и как **будеть**, **стрѣле^е** как **стрѣлецъ** и как **стрѣлецъ**, — судя по говору. Равным образом следует точно воспроизводить употребление знаков **ѣ** и **ѣ**.

§ 113. Более полное и точное понятие о подлинной рукописи могут дать только снимки, прилагаемые к печатному изданию. Для того существует много различных технических способов.

Число снимков бывает значительно только в роскошных изданиях и таких, которые специально посвящены палеографии. В обычном описании рукописей только самые интересные памятники получают по снимку. Если все остальные условия равны, для снимков предпочтаются рукописи датированные. При описании или издании отдельной рукописи число снимков бывает больше, но все же ограничено. Поэтому следует стараться на одном снимке дать как можно более характеризующих рукопись фактов, например, заставку, вязь, инициал, образец почерка и дату или иную записку.

ХРОНОЛОГИЯ СЛАВЯНСКАЯ И РУССКАЯ

IX век

- 842 Неделя Православия (окончательное падение иконоборчества)
 852 Борис-Михаил — царь болгарский; первое упоминание о Руси
 863 Кирилл-первоучитель (Константин-философ) составляет в Царь-граде азбуку для славян
 864 Крещение болгар
 865 Кирилл и Мефодий в Моравии
 867 Константинопольский собор
 869 Смерть первоучителя Кирилла в Риме
 885 Смерть первоучителя Мефодия, епископа моравского
 888 Владимир — царь болгарский
 893 Симеон — царь болгарский

X век

- 907 Смерть Бориса, бывшего царя болгарского; Олег под Царьградом
 913 Игорь — князь русский
 927 Петр — царь болгарский
 945 Ольга и сын ее Святослав в Киеве
 955? Крещение Ольги, княгини русской
 963 Разделение болгарского царства: царь Петр в восточной Болгарии, царь Шишман — в западной Болгарии.
 967 Князь Мешко польский принимает христианство
 969 Борис II — царь Болгарии; смерть русской княгини Ольги
 972 Смерть князя Святослава; Ярополк Святославич — князь русский.
 976 Падение восточноболгарского царства; Самуил — царь западной Болгарии
 980 Владимир Святославич — князь киевский
 988 Крещение Руси 1 августа
 990 Построение Десятинной церкви

XI век

- 1015 Ум. великий князь Владимир Святославич; Святополк Окаянный в Киеве, Иоанн Владислав — царь западной Болгарии
 1018 Падение западноболгарского царства

- 1019 Великий князь Ярослав Мудрый в Киеве
 1024 Болеслав, князь польский, принимает королевский титул
 1026 Канонизация князей Бориса и Глеба охридским архиепископом
 1034 Разгром печенегов князем Ярославом; ум. князь Мстислав Удалой
 1037 Построение собора св. Софии в Киеве
 1039 Митрополит Феопемпт-грек в Киеве
 1043 Последний набег Руси на Царьград
 1051 Илларион, митрополит русский, в Киеве
 1052 Построение новгородской Софии. Приход Антония печерского в Киев
 1055 Ум. князь Ярослав Мудрый; великий князь Изяслав Ярославич в Киеве
 1056—1057 В Новгороде написано Остромирово евангелие
 1061 Первое появление половцев на Руси
 1062 Феодосий — игумен печерский
 1068 Киевское восстание против князя Изяслава
 1073 Князь Святослав Ярославич в Киеве; написан Изборник Святослава 1073 г.; ум. Антоний печерский 7 мая
 1074 Ум. Феодосий, игумен печерский, 3 мая; Стефан — игумен печерский
 1076 Написан Изборник 1076 г.; ум. князь Святослав Ярославич киевский; князь Всеволод Ярославич в Киеве
 1077 Великий князь Изяслав Ярославич в Киеве; Никон — игумен печерский
 1088 Ум. Никон, игумен печерский; великий князь Всеволод Ярославич в Киеве
 1093 Великий князь Святополк Изяславич в Киеве
 1096 Первый крестовый поход
 1097 Съезд русских князей в Любече

XII век

- 1113 Великий князь Владимир Мономах в Киеве; паломничество игумена Даниила
 1114 Ум. Нестор печерский, летописец
 1116 Сильвестр — игумен Выдубицкого монастыря
 1125 Ум. великий князь Владимир Мономах; великий князь Мстислав Владимирович в Киеве
 1133 Великий князь Ярополк Владимирович в Киеве
 1139 Князь Всеволод Ольгович в Киеве
 1140 Князь Изяслав Мстиславич в Киеве
 1147 Второй крестовый поход; первое упоминание Москвы; ум. Антоний Римлянин, игумен
 1152 Князь Ярослав Осмомысл в Галиче
 1154 Князь Ростислав Мстиславич в Киеве
 1155 Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий
 1156 Второе упоминание Москвы
 1157 Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский
 1158 Князь Изяслав Давыдович в Киеве

- 1160 Князь Ростислав Мстиславич в Киеве
 1168 Разгром Киева ратью Андрея Боголюбского; князь Мстислав Изяславич в Киеве
 1169 Осада Новгорода суздальцами
 1175 Убийство Андрея Боголюбского
 1176 Великий князь Всеволод III Большое гнездо во Владимире; третье упоминание о Москве
 1180 Стефан Неманя объединяет сербские земли
 1185 Поход князя Игоря на половцев
 1187 Второе болгарское царство: цари Петр и Асень
 1187 Ум. князь Ярослав Осмомысл Галицкий
 1190 Третий крестовый поход; ум. Варлаам, игумен хутынский
 1197 Калоян — царь болгарский
 1199 Князь Роман Мстиславович присоединяет к Волыни Галич; написанные фрески Спаса Нередицы

XIII век

- 1200 Ум. Стефан Неманя в Хиландаре; основание г. Риги
 1201 Конец Киевской летописи, начало Волынской летописи
 1202 Основание ордена Меченосцев
 1204 Четвертый крестовый поход: взятие Царьграда крестоносцами
 1205 Ум. князь Роман Галицкий
 1207 Ум. Калоян, царь болгарский
 1212 Ум. великий князь Всеволод III Большое гнездо
 1216 Липицкая битва; великий князь Константин Всеволодович во Владимире
 1218 Иоанн Асень II — царь болгарский; князь Юрий Всеволодович во Владимире
 1219 Савва, первый архиепископ сербской церкви
 1221 Заложен Нижний Новгород
 1222 Стефан Первопечатный, король сербский
 1223 Битва при Калке
 1230 Победа Иоанна Асеня при Клокотнице; основание тевтонского ордена
 1237 Разорение Рязани, Москвы, Владимира, Суздальской земли татарами
 1238 Ум. князь Юрий Всеволодович в битве на Сити; великий князь Ярослав Всеволодович во Владимире
 1239 Разорение Чернигова и Переяславля татарами
 1240 Разорение Киева татарами, с 9 декабря; победа князя Александра Невского на реке Неве над шведами
 1242 Победа князя Александра Невского над меченосцами на Чудском озере
 1245 Князь Даниил Романович Галицкий; черниговский князь Михаил и боярин его Федор убиты татарами в Орде
 1247 Князь Святослав Всеволодович во Владимире
 1250 Князь Александр Ярославич Невский на великом княжении
 1257 Ум. Михаил Асень, царь болгарский
 1258 Константин Асень — царь болгарский
 1262 Михаил VIII Палеолог занимает Царьград

- 1263 Ум. князь Александр Невский; князь Ярослав Ярославич во Владимире
 1272 Князь Василий Ярославич во Владимире
 1274—1275 Серапион — епископ Владимирский
 1276 Князь Дмитрий Александрович во Владимире
 1277 Ум. царь Константин Асень болгарский
 1283 Митрополит Максим в Киеве
 1292 Конец Волынской летописи и начало Суздальской
 1294 Князь Андрей Александрович во Владимире
 1299 Перенесение митрополии во Владимир митрополитом Максимом; ум. псковский князь Тимофей-Довмонт

XIV век

- 1304 Князь Михаил Ярославич Тверской
 1305 Ум. митрополит Максим во Владимире
 1308 Митрополит Петр Волынец во Владимире
 1316 Князь Гедимин на Литве
 1320 Князь Юрий Данилович в Москве; построение церкви Спаса на Бору в Москве; Краков — столица Польского государства
 1325 Перенесение митрополии в Москву
 1326 Ум. митрополит Петр в Москве; князь Александр Данилович московский
 1328 Иван Данилович Калита — великий князь московский; митрополит Феогност-грек, с 11 марта
 1331 Стефан Душан сербский и Иоанн Александр болгарский
 1339 Сийское евангелие, древнейший дошедший памятник московского книжного искусства и «акающего» московского говора
 1341 Великий князь Симеон Иванович Гордый в Москве
 1346 Стефан Душан принимает царский титул
 1348 Псков по договору становится независимым от Новгорода
 1349 Законник Стефана Душана
 1352 Ум. митрополит Феогност; ум. Василий Калика, архиепископ новгородский; построение новгородской церкви на Волотовом поле
 1353 Турки укрепляются на европейском берегу; великий князь Иван Иванович Красный в Москве
 1354 Митрополит Алексей московский; дополнение Душанова законника
 1355 Ум. Стефан Душан
 1359 Князь Дмитрий Иванович Донской в Москве
 1360 Великий князь Дмитрий Константинович суздальский; построение церкви Феодора Стратилата в Новгороде
 1362 Дмитрий Донской — великий князь
 1365 Иоанн Шишман, последний царь болгарский
 1366 Построение каменного Кремля в Москве
 1374 Построение церкви Преображения в Новгороде на Ильине улице
 1375 Поход Дмитрия Донского на Тверь
 1377 Князь Ягелло на Литве
 1377 Лаврентьевская летопись
 1378 Ум. митрополит Алексей 12 февраля; Феофан Грек расписывает церковь Преображения в Новгороде; поражение татар на реке Воже

- 1380 Куликовская битва 8 сентября
 1381 Приезд митрополита Киприана на Русь
 1382 Разорение Москвы Тохтамышем
 1386 Киприан — митрополит московский. Соединение Литвы с Польшей браком Ягеллы с Ядвигой
 1389 Битва с турками на Косовом поле; Ум. Лазарь, царь сербский; ум. великий князь Дмитрий Иванович Донской; великий князь Василий Дмитриевич в Москве
 1397 Ум. Сергей, игумен Радонежский, 25 сентября; Князь Витовт начинает княжить на Литве отдельно от Польши
 1393 Взятие г. Тырнова турками, увод в плен патриарха болгарского Евфимия; ум. царь Иоанн Шишман
 1395 Перенесение в Москву Владимирской иконы. Феофан Грек с товарищами расписывает церковь Рождества богородицы в Московском кремле
 1397 Написана в Киеве лицевая псалтырь (ГПБ ОЛДП Г-6)

XV век

- 1405 Феофан Грек и Андрей Рублев расписывают Благовещенский собор в Московском кремле
 1408 Андрей Рублев расписывает Успенский собор во Владимире
 1409 Ум. Киприан, митрополит
 1410 Митрополит Фотий-грек из Морей в Москве. Победа поляков и литовцев (с 11 сентября) над Тевтонским орденом при Грюнвальд-Танненберге
 1415 Сожжение Иоанна Гуса на соборе в Констанце
 1422 Построение собора Троицы в Троице-Сергиевом монастыре
 1424—1426 Андрей Рублев и Даниил Черный расписывают Троицкий собор
 1425 Великий князь Василий II Васильевич Темный с 27 февраля
 1427 Ум. Кирилл Белозерский 9 июня
 1430 (около) Ум. Андрей Рублев в Москве
 1430 Ум. князь Витовт
 1431 Ум. митрополит Фотий
 1436 Митрополит Исидор-грек в Москве
 1438 Ум. Савватий, основатель Соловецкого монастыря, 26 сентября
 1439 Флорентийский собор
 1442 Флорентийская уния отвергнута Москвой; митрополит Исидор бежит из Москвы
 1444 Поражение и смерть Владислава Ягеллоновича в битве с турками при Варне
 1448 Иона — митрополит московский, русский
 1453 Взятие Царьграда турками
 1461 Разделение русской митрополии: на московскую (митрополит Феодосий с 13 мая) и киевскую с пребыванием митрополита в Вильне
 1462 Великий князь московский Иоанн III Васильевич, с 27 марта
 1463 Завоевание Боснии турками
 1464 Митрополит московский Филипп, с 11 ноября
 1471 Появление ереси жидовствующих в Новгороде; Аристотель Фиоравенти в Москве

- 1466—1472 Путешествие Афанасия Никитина в Индию
- 1472 Брак Ивана III с Софией Фоминишной Палеолог
- 1473 Митрополит московский Геронтий, с 29 ноября
- 1477 Иосиф Санин — игумен Пафнутьева боровского монастыря
- 1478 Ум. Зосима, игумен Соловецкий; покорение Новгорода Москвой
- 1479 Освящение Успенского собора в Москве, построенного Аристотелем Фиоравенти; основание Успенского Волоколамского монастыря Иосифом Саниным
- 1480 Свержение татарского ига; отступление хана Ахмата
- 1481 Брак Ивана Ивановича Молодого, старшего сына великого князя Ивана III с дочерью молдавского воеводы Стефана Великого Еленой
- 1484 Начало славянского книгопечатания — хорватский глаголический миссал
- 1485 Присоединение Твери к Москве 22 февраля; Иван Иванович Молодой — великий князь в Твери
- 1489 Завоевание Вятки Москвой
- 1490 Ум. великий князь Иван Иванович Молодой; Митрополит московский Зосима, с 26 сентября; первый собор против еретиков в Новгороде; ум. дьяк Казенного приказа Василий Мамырев
- 1491 Начало славянского кирилловского книгопечатания: Швайпольт Феоль издает в Кракове книги: осмогласник, часослов, псалтырь, триоди постную и цветную
- 1492 Составление новой пасхалии в Новгороде
- 1493 Издание хорватского глаголического breviария; часословец кирилловской печати в Венеции
- 1494—1495 Издание славянских книг в Цетинье: октоих 1494, псалтырь 1495, евхологион 1495 гг.
- 1495 Митрополит московский Симон, с 22 сентября; великий князь Иван III выдает свою дочь Елену замуж за великого князя литовского Александра
- 1498 Венчание на великое княжение Дмитрия Ивановича, внука Ивана III
- 1499 Полная славянская библия архиепископа новгородского Геннадия (ГИМ Син. № 915)

XVI век

- 1500—1502 Дионисий с сыновьями Феодосием и Владимиром расписывает Ферапонтов монастырь
- 1502 Соборное решение в пользу монастырского землевладения; опала и заключение в тюрьму князя Дмитрия Ивановича внука и матери его, княгини Елены Стефановны Волошанки
- 1503 Ум. великая княгиня Софья Фоминишна Палеолог
- 1504 Соборное решение против жидовствующих и сожжение еретиков; ум. княгиня Елена Стефановна Волошанка; ум. архиепископ Геннадий
- 1505 Великий князь московский Василий III Иванович, с 27 октября
- 1508 Ум. в заключении князь Дмитрий Иванович внук; ум. Нил Сорский
- 1510 Окончательное падение независимости Пскова
- 1511 Митрополит московский Варлаам, с 3 августа
- 1512 Начало книгопечатания в Молдавии, издано евангелие в Терговишти
- 190

- 1514 Взятие Смоленска Москвой; поставление Смоленского собора в Покровском монастыре в Москве
- 1515 Ум. Иосиф Санин, игумен Волоцкий
- 1517 Окончательное присоединение Рязани к Москве
- 1518 Приезд Максима Грека с Афона в Москву для переводов
- 1517—1519 Доктор Франциск Скорина издает в Праге библию на русском (белорусском) языке в 22-х книгах
- 1519—1520 Издание церковнославянских книг в Венеции для сербов Божидаром Вуковичем: 1. Служебник, 2. Псалтырь
- 1522 Митрополит московский Даниил
- 1523 Присоединение Северских уделов Москвою с 27 февраля
- 1525 Соборное осуждение и заточение Максима Грека в Волоцком монастыре; Франциск Скорина издает в Вильно «Малую дорожную книжицу»
- 1526 Макарий — архиепископ Новгородский с 4 марта
- 1531 Перевод Максима Грека в Тверской Отрочь монастырь
- 1532 Построение церкви Вознесения в селе Коломенском по образцу русского деревянного зодчества
- 1533 Ум. Василий III; Великий князь Иоанн IV Васильевич, с 3 декабря
- 1538 Ум. мать Ивана Грозного, великая княгиня Елена Васильевна Глинская
- 1539 Митрополит московский Иоасаф Скрипицын, с 6 февраля
- 1540 Учреждение ордена Иезуитов
- 1542 Митрополит московский Макарий, с 19 марта
- 1547 Великий московский пожар; 1-й церковный собор для канонизации русских святых
- 1549 Венчание Грозного на царство; росписи московских соборов; 2-й церковный собор для канонизации святых
- 1550 Царский судебник Ивана Грозного
- 1551 Стоглав
- 1552 Покорение Казанского царства
- 1552—1553 Великие Миней-четыи митрополита Макария
- 1553 Освобождение Максима Грека и перевод его в Троице-Сергиеву лавру
- 1553—1564 Начало московского книгопечатания: триоди цветная и постная, три евангелия, две псалтыри напечатаны первопечатником Иваном Федоровым с товарищами
- 1554 Собор против дьяка Ивана Висковатого одобряет новые росписи кремлевских церквей. Построение Покровского собора.
- 1555 Поставление в Казань архиепископа Гурия
- 1556 Покорение Астраханского царства. Ум. Максим Грек Троице-Сергиевой лавре
- 1558 Начало Ливонской (25-тилетней) войны
- 1560 Распадение Ливонского ордена
- 1563 Начало московской типографии; ум. митрополит Макарий 31 декабря
- 1564 Митрополит московский Афанасий, с 5 марта; издание первопечатного Апостола Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Москве; бегство князя Андрея Курбского в Литву
- 1565 Учреждение опричнины; издание часовника Иваном Федоровым в Москве 29 октября

- 1566 Митрополит московский Филипп Колычев, с 25 июня отъезд первопечатника Ивана Федорова и Петра Мстислава в Литву
- 1567 Низложение Филиппа митрополита 8 ноября; митрополит московский Кирилл, с 11 ноября
- 1568 Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа издают в Москве псалтырь
- 1569 Евангелие учительное издано в Заблудове Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем; Люблинская уния Польши и Литвы
- 1570 Ум. митрополит Филипп в Тверском Отроче монастыре 28 декабря; псалтырь издана Иваном Федоровым в Заблудове; разгром Новгорода Великого Иваном Грозным
- 1571 Набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву 15 мая
- 1572 Ум. король польский Сигизмунд II Август; митрополит московский Антоний, с мая
- 1574 Изданы Иваном Федоровым во Львове апостол и букварь
- 1575—1576 Петр Мстиславец в Вильне в типографии Мамоничей издает евангелие и псалтырь
- 1577 Псалтырь издана в Новом граде Слободе Андроником Тимофеевым Невежей
- 1580—1581 Издана библия Иваном Федоровым в Остроге
- 1581 Митрополит московский Дионисий (февраль); смерть царевича Ивана Ивановича 22 июля
- 1582 Мир Иоанна Грозного с Стефаном Баторием; начало покорения Сибири; рождение царевича Димитрия Иоанновича
- 1583 Мир Грозного со шведами; начало торговли с англичанами; ум. Трифон, основатель монастыря на реке Печенге
- 1584 Ум. царь Иван Грозный; царь Феодор Иоаннович, с 17 марта; построение Архангельска
- 1586 Ум. Стефан Баторий; патриарх антиохийский Иоаким утверждает устав Львовского братства; открытие школы и типографии во Львове; митрополит московский Иов, с 11 декабря
- 1588 Печатное издание Литовского статута в окончательной редакции; приезд патриарха константинопольского Иеремии в Москву
- 1589 Установление патриаршества в Москве и четырех митрополий: в Новгороде, Казани, Ростове и на Крутицах, а также шести архиепископий: в Вологде, Суздале, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани, Твери; патриарх московский Иов, с 26 января; основание Киевской братской школы (с 1631 — моголянская Коллегия, с 1701 г. — Академия)
- 1591 Издание грамматики Еллино-Словенской во Львове; набег крымского хана Казы-Гирея на Москву; ум. Димитрий-царевич в Угличе 15 мая
- 1596 Отпадением православных епископов возникает Униатская церковь в Польше (Брестская уния); уничтожение Киевской митрополии отпадением в Унию; построение крепостной стены в г. Смоленске
- 1594—1600 Лицевые псалтыри боярина Димитрия Ивановича Годунова
- 1598 Ум. царь Феодор Иоаннович 6 января; царь Борис Феодорович Годунов, с 21 февраля

- 1605 Ум. царь Борис Феодорович 13 апреля; Лжедмитрий, с 20 июня; низложение патриарха Иова
- 1606 Царь Василий Иванович Шуйский, с 19 мая; патриарх Гермоген, с 3 июня; принесение мощей Димитрия-царевича в Москву 3 июля; восстание Болотникова
- 1608 Второй самозванец в Тушине
- 1609 Осада Троицкой лавры
- 1610 Свержение Василия Шуйского 17 июля; семибоярщина; избрание королевича Владислава, с августа; Делягарди в Новгороде; убит Тушинский вор 11 декабря
- 1611 Первое земское ополчение
- 1612 Ум. патриарх Гермоген; второе земское ополчение
- 1613 Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова, 21 февраля
- 1614 Льготы иностранным торговцам
- 1615 Осада Пскова Густавом Адольфом
- 1617 Столбцовский мир со шведами, Балтийское побережье остается за шведами, Новгород возвращен Москве
- 1618 Деулинское перемирие с Польшей
- 1619 Патриарх Филарет Никитич, с 24 июня; первое издание грамматики Мелетия Смотрицкого в местечке Евье
- 1620 Восстановление православной митрополии в Киеве
- 1627 Издание славяно-русского лексикона Памвы Беринды в Киеве
- 1632 Ум. Сигизмунд III, король польский; Москва начинает войну с Польшей; капитуляция Шеина
- 1633 Митрополит киевский Петр Могила с 8 апреля; ум. патриарх Филарет 1 октября
- 1634 «Вечный мир» с Польшей; патриарх Иоасаф московский, с 6 февраля
- 1637 Ваяние Азова казаками; издание жития Варлаама и Иоасафа в Кутеине
- 1642 Патриарх Иосиф, с 27 марта
- 1645 Царь Алексей Михайлович, с 3 июля
- 1646 Петр Могила издает требник в Киеве
- 1647 Петр Могила издает краткий катехизис в Киеве
- 1648 Восстание Богдана Хмельницкого на Украине; московское издание грамматики Мелетия Смотрицкого; московское восстание в связи с соляной пошлиной
- 1649 Зборовский мир с Польшей; издание соборного Уложения в Москве
- 1652 Патриарх Никон, с 25 июля; великий Ярославский пожар; Иона Сысоевич — митрополит ярославский и ростовский, начало украшения городов Ярославля и Ростова
- 1654 Присоединение Украины (Переяславская рада); начало войны с Польшей; собор одобряет исправление церковных книг; чума в Московском государстве
- 1656 Начало войны со Швецией; основан патриархом Никоном Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим)
- 1657 Ум. Богдан Хмельницкий; начало войны с Украиной и Польшей
- 1658 Патриарх Никон слагает сан 10 июля
- 1659 Разгром московского войска гетманом Выговским под Конотопом; конец войны со Швецией

- 1660 Собор по делу патриарха Никона
 1662 «Медный бунт» в Москве
 1663 Издание печатной славянской библии в Москве
 1664 Протопоп Аввакум возвращен в Москву из первой ссылки
 1666 Собор низлагает патриарха Никона, с 12 декабря, но одобряет его нововведения и предает анафеме упорствующих; расстрижение протопопа Аввакума
 1667 Патриарх Иоасаф II, с 10 февраля; Андрусовский мир; раздел Украины между Польшей и Москвой; окружная царская грамота об иконном писании принципиально подчиняет иконопись контролю царских иконописцев; окончательная ссылка Аввакума
 1672 Патриарх Питирим, с 7 января; рождение Петра Великого 30 мая
 1673 Патриарх Иоаким Савелов
 1674 Издание синописа в Киеве; грамота патриарха Иоакима против продажи печатных гравированных икон грубой немецкой «фрязи»
 1676 Ум. царь Алексей Михайлович; царь Федор Алексеевич, с 30 января; взятие Соловецкого монастыря правительственными войсками
 1680 Ум. Симеон Полоцкий — писатель, проповедник и основатель Заиконоспасского училища
 1681 Ум. патриарх Никон в Толгском монастыре в Ярославле 17 августа; мир с турками; издание жития Варлаама и Иоасафа в обработке Симеона Полоцкого; сожжение Аввакума в Пустозерске 1 апреля
 1682 Отмена местничества; ум. царь Федор Алексеевич
 1683 Ян Собеский отражает турок от Вены
 1685 Греческие монахи Иоанникий и Софроний Лихуды вызваны в Москву для преподавания в Славяно-греко-латинской Академии
 1686 Ум. Симон Ушаков, царский иконописец; «вечный мир» с Польшей на условиях Андрусовского (1667) мира, но с возвращением Киева Москве
 1687 Первый Крымский поход; начало гетманства Мазепы
 1689 Второй Крымский поход; свержение царевны Софьи; Нерчинский договор с Китаем
 1690 Патриарх Адриан, с 12 июля; рождение царевича Алексея Петровича; выселение сербов из Старой Сербии под предводительством сербского патриарха Арсения Черноевича; ум. Сильвестр Медведев, ученик и продолжатель дела Симеона Полоцкого; ум. митрополит ростовский Иона Сысоевич
 1692 Издан гравированный лицевой букварь Кариона Истомина
 1694 Ум. царица Наталия Кирилловна
 1695 Первый Азовский поход
 1696 Ум. царь Иоанн Алексеевич; царь Петр I, с 29 января; второй Азовский поход
 1697 Первое путешествие Петра I в Европу
 1698 Стрелецкий бунт
 1699 Указ о переходе на январский год от Рождества Христова, 20 декабря

XVIII век

- 1700 Мир с Турцией; начало великой Северной войны; поражение русских под Нарвой; издан гравированный лицевой синодик Леонтия Бунина; ум. патриарх Адриан

- 1701 Митрополит рязанский Стефан Яворский — местоблюститель патриаршего престола, с 16 декабря
- 1701 Дмитрий — митрополит ростовский
- 1703 Основание Петербурга и Кронштадта; начало издания «Ведомостей»; издание арифметики Леонтия Магницкого
- 1705 Восстания в Астрахани и Башкирии
- 1707 Булавинское восстание на Дону; издание Миней-четьех Дмитрия, митрополита ростовского
- 1708 Учреждение губерний и провинций; издание геометрии гражданским шрифтом; отпадение Мазепы
- 1708 Конец Донского восстания; победа под Левенгауптом, близ Лесной
- 1709 Полтавская победа над шведами 27 июня; конец Башкирского восстания; ум. Дмитрий, митрополит ростовский
- 1710 Взятие Риги, Пернова, Ревеля, Выборга
- 1711 Прутский поход; Азов сдан туркам; учреждение Сената
- 1717 Второе путешествие Петра I в Европу
- 1718 Ум. Карл XII; ум. царевич Алексей Петрович
- 1721 Учреждение Синода (президент Стефан Яворский); нингедтский мир со Швецией — 30 августа; Петр I принимает императорский титул 22 октября
- 1722 Табель о рангах; война с Персией
- 1723 Мир с Персией
- 1725 Ум. Петр Великий 28 января

РУКОВОДСТВО ПО ДАТИРОВКЕ РУКОПИСЕЙ НА ОСНОВАНИИ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ БУМАГИ

I

Водяными знаками или филигранями называются те прозрачные знаки, которые видны на бумаге на свет ¹.

До конца XIX в. палеографы различали два вида бумаги — «бомбицину» и «собственно бумагу» и по их внешнему виду предполагали, что «бомбицина» вырабатывалась из хлопка, а «бумага» — из льняного тряпья. В 80-е годы работами Брике, Карабасека, Визенера было установлено, что бомбицина является древнейшей льняной бумагой ². Она характеризуется волокнистостью, большей толщиной, отсутствием специальных водяных знаков или филиграней.

Признаки, которые приобретаются листом бумаги благодаря форме, Брике делит на четыре вида: 1) формат, 2) горизонтальные линии (*vergeures*), 3) вертикальные линии (*pontuseaux*) и 4) филигранные, которые из всех четырех наиболее значительны для палеографа.

Формат, т. е. размер бумаги, очень изменялся в зависимости от эпохи и потребностей. Арабы знали и употребляли девять форматов бумаги, на западе же количество форматов менее значительно.

Количество вертикальных прозрачных линий (*pontuseaux*) так же, как и расстояние между ними, менялось с течением времени.

Наибольшее сближение вертикальных линий свидетельствует о прогрессе, улучшении техники; поэтому, когда встречается один и тот же водяной знак на двух различных бумагах, надо считать за более старую ту, на которой вертикали наиболее удалены друг от друга. Сорта бумаги могут быть различаемы и по горизонтальным линиям. Но все эти три приметы по своей важности значительно уступают четвертой.

Филигранные, наиболее типичные и важные из всех особенностей, разнообразящих бумагу, меняя свои очертания, эволюционируют с известной

¹ Подробнее об этом см. § 48—55. — *Прим. ред.*

² Ch. B r i q u e t. La legende paleographique du papier de coton. «Journal de Genève du 29 octobre 1884»; о н ж е. Recherches sur les premiers papiers employes en Occident et en Orient du X-e au XIV-e siècle. «Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France», t. XLVI. Paris, 1881; J. K a r a b a s e k. Das arabische Papier. Wien, 1887; I. W i e s e n e r. Studien über angebliche Baumbaspapiere. «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Bd. CXXXVI. Wien, 1892. В работе Н. В. Пигулевской «Филигранные сирийских рукописей» (в сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937) автор показал, что в XIII в. были сирийские рукописи, написанные на бумаге из хлопка — бомбицине. — *Прим. ред.*

правильностью и тем дают основания для определения времени создания бумаги, на которой они имеются. Палеографы ставили вопрос, с каким намерением были изобретены и употреблялись филигранны, и пришли к заключению, что они были одинаково нужны и фабриканту и потребителю бумаги, так как при помощи филигранного рисунка метились сорта и форматы. Но почему данная бумажная фабрика избрала именно этот знак, предпочитая его другому? Было ли это делом личной фантазии или здесь являлся какой-нибудь серьезный мотив? Ответ на этот вопрос, — говорит Брик в предисловии к своему труду «Филигранны» (1907), — не может быть абсолютным, он изменяется соответственно эпохе и стране, но надо совершенно устранить плохую обоснованную догадку, будто водяные знаки имели символическое значение и употреблялись, например, членами тайных и религиозных обществ³.

Гарольд Бейлей (книга его появилась в 1903 г.), поддерживая этот взгляд, приводил в подтверждение рисунки некоторых водяных знаков: змея, кусающая свой хвост, будто бы символизирует круг вечной мудрости; цветок лилии — эмблема «Троицы», и т. п.⁴ Другой ученый, Вильям Криш, тоже утверждал, что есть класс филигранных, являющихся символическими знаками тайных обществ и братств⁵. Он берет, например, знак кувшина с двумя ручками, вчитывает в эти ручки две буквы SS, из которых одна перевернута, и считает их инициалами слов Spiritus Sanctus («Дух Святой»). В том, что следует рассматривать, как инициалы фабрикантов, он тоже видит отрывки слов и фраз, например буквы SJ он считает Salutē (ко спасению) и т. д.⁶ Все это само по себе мало доказательно; есть документальные сведения, что буквы, включенные в рисунок водяных знаков, не более как инициалы фабрикантов. В 1567 г. во Франции появилось интересное для нас постановление суда, а в 1582 г. — приказ Генриха III санкционировал это постановление, которое гласит: «Пусть каждый мастер печатает свое имя и свой знак как на листах, и на стопе, и пусть на каждом листке стоят две буквы — имени и прозвища того мастера, который их делал»⁷.

Фабриканты употребляли водяные знаки как клейма, чтобы отличить производство своей фабрики от производства конкурентов.

Водяные знаки появляются в конце XIII в. и представляют собой изобретение всецело европейское — восточная бумага их не имеет.

Первый нам известный водяной знак, по свидетельству Брик, относится к 1282 г. — это крест; в 1285 г. встречаются лилия и буква B; в 1286 г. — J; в 1289 г. — сомнительная филигрань, которую можно принять за три буквы — SJP.

Могут, конечно, возникнуть сомнения, действительно ли и эти первые знаки были инициалы фабрикантов, а не обозначения чего-либо другого. Но если обратиться к первым годам следующего XIV столетия, мы получим ответ более точный: с этого времени филигранны украшают бумагу почти постоянно и вот какие сведения можно извлечь из них: в бумаге 1307 г. в качестве водяных знаков встречаются уже полностью имена некоторых фабрикантов; в 20-х годах XIV столетия на бумаге известны уже имена 20 фабрикантов, по-видимому, уроженцев Фабриано (Италия) или его окрестностей. Однако этот обычай, видимо, местный (решительно доказывающий,

³ Ch. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. 1. Genève, 1907.

⁴ H. B a y l a y. Hidden symbols of the rosicrucians. «Baconiana, a quarterly magazine», N 1, 2. London, 1903.

⁵ W. K r i s c h. The raison d'etre of mediaeval paper marks. «Baconiana, a quarterly magazine», N 4. London, 1903.

⁶ Ch. Briquet. Les filigranes, t. 1, p. 10.

⁷ «Que chascun maistre fera et imprimera son nom et marque tant aux feuilles et sur les rames ou pliages et seront en chascun feuillet mises les deux lettres du nom et surnom du dit maistre qui fera» (Ch. Briquet. Les filigranes, t. 1, p. 10).

что филигрانی — только индивидуальные клейма) был скоро оставлен. Фабриканты обратились к различным изображениям, которые сделались заменой их имен, легко всем понятной.

Часто водяные знаки были не только индивидуальным клеймом фабриканта, но являлись знаком местного, областного происхождения; таковы, например, подлинные гербы городов, государств, фамилий, сопровождаемые инициалами фабрикантов, что позволяет точнее различать производство различных фабрик; такого происхождения, например, башня — герб фамилии Турнейсен (Thurneysen), три кольца — герб фамилии Дюринг (Düring).

Другое назначение водяного знака — дать указание потребителю на формат и качество бумаги. В XVII в., например, герб Франции («французская лилия»), «посох» города Базеля или «лев», несущий герб Цюриха, помещались обычно на бумаге определенного размера и мало-помалу потребитель начал обозначать разницу форматов при помощи водяного знака, находящегося на бумаге. В результате названия: щит, лев, посох употребляются в Швейцарии и сейчас как обозначения трех форматов бумаги. Пользовались фабриканты водяными знаками и для обозначения качества бумаги. Выделяли, например, два сорта бумаги и, чтобы их отличить один от другого, на одном из них осложняли первоначальное клеймо; так, например, обыкновенная бумага имела водяным знаком просто щит, а бумага лучшего качества — щит с подставкой, таковы сорта цюрихской бумаги XIV в. Очень возможно, что и позднее фабриканты употребляли различные водяные знаки для обозначения различного качества бумаги. До нас дошли, например, образцы бумаги вюртембергской, которая в середине XV столетия имела три клейма: башня — для хорошей бумаги, голова быка без глаз, увенчанная крестом на стержне — для менее хорошей и охотничий рожок — для самой обыкновенной.

Таким образом, можно удостовериться, что филиграны имели несколько назначений и обозначали то имя фабриканта, то бумажную фабрику (ее место — страну, город), то качество бумаги, то ее формат.

Наконец, в последнюю очередь появляется обычай употреблять филигрань для обозначения года выделки бумаги. Сюда не относятся распоряжения Людовика XV от 27 января 1739 г. и 18 сентября 1741 г., ибо они обязывали фабрикантов метить всю вновь появляющуюся бумагу 1742 годом, и эта дата действительно фигурирует в продолжении целого ряда лет на бумаге французского производства. Но существовал также обычай ставить подлинный год выделки на бумажную форму, таким образом появлялся водяной знак с цифрами определенного года (так называемая *millesime*) «светлая» или «белая дата». Однако первоначально цифры годов не явились как даты выделки; так, например (задолго до французской бумаги с неподвижным годом — 1742), знаки «1545 со щитом и другой щит с двумя буквами и годами 1545 и 1547 г.» в течение долгого времени не менялись и, следовательно, не могли обозначать год выпуска данной бумаги с фабрики. И только к концу XVI в. целая серия подвижных годов с моравским областным гербом и с пнем моравского города Ольмюца не оставляет больше сомнения относительно цели этих дат: они обозначают год выделки бумаги. Этот герб (моравская орлица) встречается с 1578, 1579, 1582, 1583, 1584, 1586, 1587, 1598 и 1599 гг. Встречаются подвижные даты и во Франции, например, — кувшин с 1596, 1598 и 1609 гг.

Сюжеты, избранные для водяных знаков, очень разнообразны и представляют более двухсот типов. В наибольшем количестве встречаются гербовые щиты и вообще гербы, потом — названия местностей, обозначения фабрикантов, вплоть до девизов; есть просто иллюстрации, лучшие из них — изображения фантастических животных: грифоны, драконы, сирены и т. п., встречаются и изображения религиозные: ангелы, святые, святой апостол Петр, увенчанный тиарой, сцена благовещения.

Обычай ставить в качестве водяного знака имя фабриканта, проявившись в XIV столетии (1307—1320), снова встречается в XVI столетии. Имена

фабрикантов этой эпохи включены чаще всего в обычные водяные знаки — круга, собаки, колокола, герба.

В эпоху своего появления в конце XIII и начале XIV вв. филигранные размещались на листе бумаги по-разному, но мало-помалу обычай дал им определенное место. Водяной знак помещается приблизительно в центре одной из половинок листа, причем вертикальная ось филигранны идет в направлении вертикальной перемычки (*fontuseaux*); для краткости такая филигрань называется вертикальной. Филигрань помещается то на одной вертикали, то между двумя, но всегда — в центре одного из полулистов. Во многих местностях был другой обычай — располагать ось филигранны по направлению вержеров (*vergeures*); такие филигранные называются горизонтальными. Некоторые филигранные помещаются на сгибе листа или около края или в углу. В Женеве постановление от 27 января 1562 г. требует, чтобы клеймо было поставлено в середине раскрытого листа (на сгибе); многие фабрики имели традицию ставить филигрань около края полулиста; в Генуе в конце XVI столетия был обычай помещать филигранные в одном из нижних углов листа; в Венеции в конце XV столетия это место было оставлено для контрамарки фабриканта, в то время, как главная филигрань помещалась в центре одного из полулистов. Русская бумага появляется очень поздно, а иностранная бумага, утвердившаяся в России с XV в., обыкновенно имеет вертикальные филигранные в центре полулиста. Это различное размещение филигранны на плоскости листа помогает при определении местностей производства. Ибо кроме указаний на время выделки бумаги для палеографа важно и место ее происхождения.

II

Точное определение местонахождения фабрики возможно только путем исследования архивов и идет медленно. Но как раз в этом отношении заслуги Брикке весьма значительны. Давно уже, до Брикке, удалось определить, что Италия была в Европе старейшим очагом бумажного производства и снабжала своей бумагой в течение XIV в. всю Европу. Но мало-помалу сначала Франция, а потом и Германия развили бумажное производство, и в XIV в. за итальянскими фабрикантами остались только рынки Испании и Англии, областей южной Австрии и восточной Европы. В самой Италии иностранная бумага встречена как редкое исключение.

Франция уже с середины XV в. не нуждалась в привозной бумаге, а с конца этого столетия французская бумага появилась на иностранных рынках и в XV в. встречается в Испании, Англии, Нидерландах и в областях Германии, лежащих по Рейцу. Можно сказать, что XVI век — время господства французской бумаги.

Бумажное производство в Германии начинает развиваться с конца XV столетия, и к концу XVI привозная бумага была в Германии вытеснена местной. Голландия прославилась своей бумагой главным образом в XVIII столетии, а ранее, вплоть до второй половины XVII в., сама она была только главным складочным местом для французской бумаги. Впрочем, рынок Московского государства Голландия завоевала еще с середины XVII в.: две голландских филигранные — голова шута и герб Амстердама — в это время получили в России широкое распространение. Образцы бумаг — французской, итальянской, голландской — теперь различаются благодаря некоторым характерным для них филиграммам. Признак итальянской бумаги — водяной знак, изображающий тиару или голову быка во всех вариантах; французской — кувшинчик, французская лилия; голландской — голова шута, герб Амстердама, аллегорическая группа *Pro Patria*.

В настоящее время издан уже весьма значительный материал по водяным знакам. Однако продолжают открываться в рукописях новые водяные знаки, неизвестные издателям. Еще чаще открываются новые разновидности типов, известных ранее. Это заставляет предполагать, что общее количество неизвестного материала остается огромным. А пока исследователи привуж-

дены ограничиться справками в существующих альбомах, тщательно избегая всяких «выводов из молчания».

В деле пользования альбомами филиграней большое значение имеет их классификация. Издатели водяных знаков применяли различные системы. Стоппелаар⁸, например, группировал водяные знаки по основным типам, помещая вместе изображения одинаковых предметов, начиная с древнейших знаков. Н. П. Лихачев, заимствуя водяные знаки из первоисточников и изданий, располагал их хронологически, лишь по мере возможности группируя их по типам⁹. Накопив новый материал, Лихачев в конце альбома снова начинает с древнейших знаков. Его альбому предшествует систематическое описание знаков, а равно и указатели — алфавитный и хронологический. Но в целом структура книги Лихачева громоздка, и справки затруднены.

Пекозинский собранные им филигранные расположил на три группы — «по приблизительному сходству с природой». Кирхнер разделил свой альбом довольно произвольно на 14 классов: а) буквы, б) гербы, в) фантастические фигуры и т. д.¹⁰ Имел своих сторонников и строго хронологический порядок расположения филиграней: Цонья¹¹ дает свое собрание водяных знаков в порядке их появления. Группировка филиграней по столетиям, которой держались Миду и Маттон¹², имеет большое неудобство, ввиду механического расторжения групп водяных знаков при переходе от столетия к столетию, ибо фактически на каждом рубеже двух веков филигрань 99 г. часто ничем не отличается от филигранны 100 и 101 г. Некоторые пробовали располагать водяные знаки по странам производства. Этот способ имеет свои достоинства, но при современном состоянии знаний является преждевременным. Такую попытку делал и Лихачев в своем более раннем и кратком труде («Бумажные мельницы»), оперируя немногочисленным материалом. Все перечисленные приемы издания не вполне отвечают практическим требованиям, ибо для справок прежде всего нужна такая классификация, которая дала бы возможность быстро находить в альбомах нужный знак по его внешнему виду. Только швейцарским исследователем французом Брике был применен наилучший способ расположения материала. Его четырехтомный труд «Les Filigranes» (1907) представляет в строго алфавитном порядке своеобразный словарь как названий, так и изображений; причем каждый том вначале дает для своей части алфавита словарь названий с точным указанием места и времени датированных памятников, из коих заимствована каждая филигрань, а в конце тома под теми же номерами расположены самые изображения. Справка может быть сделана в пределах каждого тома, как в алфавите его названий, так и в алфавите изображений, ибо этот последний вверху слева по всем страницам снабжен алфавитом названий. Алфавитный способ распределения материала является наиболее практичным. Почти единственной его неудобство заключается в том, что для многих изображений существует больше одного названия даже в таком точном языке, как французский. Так, например, «охотничий рог» имеет четыре названия (cor, cornet, huchet, trompe). Но из этого затруднения словари выходят путем ссылок. Если в датированном памятнике на листе бумаги находятся две или три филигранны, то одна из них, большая по размерам, принимается за главную и она ставится в алфавит.

⁸ J. H. Stoppelaar. Het papier de Nederlanden gedurende de Middeleeuwen. Middelburg, 1868.

⁹ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I—III. СПб., 1899.

¹⁰ E. Kirchner. Die Papiere des XIV Jahrhunderts im Stadtarchive zu Frankfurt am Main. Frankfurt a. M., 1893.

¹¹ A. Zonghi. Le marche principali delle carte Fabrianesi. Fabriano, 1881.

¹² E. Midoux et A. Matton. Etude sur les filigranes des papiers employes en France aux XIV et XV siecles. Paris, 1868.

Нередко филигрань бывает сложной: рисунок представляет соединение двух или нескольких фигур, таковы орел, несущий письмо на груди, комбинации круга и креста, всего чаще это бывает в гербах. Во всех подобных случаях для алфавита избирается наиболее значительная из фигур рисунка. В сборнике Брикe филигранн расположены по основным типам и эти «ставки» получили точные названия, каковы и расположены в алфавит. Таковы — «герб», «рука», «животные» и т. д. Но объем некоторых типов (ввиду усложняющей эволюции) иногда очень обширен и потому в пределах каждой алфавитной ставки Брикe дает типологическую классификацию: рука раскрытая, рука с зажатými пальцами (одним, двумя и т. д.), рука в мавжетке (перчатка), рука с буквами, рука с фигурой вверху (розеткой, короной и т. п.).

III

Главной целью исследования и собиpания филиграней является датировка рукописей. К этой цели всего проще приводит бумага, содержащая водяной знак с цифрами определенного года или белую дату — «millesime», по французской терминологии Брикe. Но надо сказать, что это — сравнительно редкий случай, по крайней мере для старого времени, ибо «светлой датой» всего чаще метилась бумага более позднего происхождения, главным образом — XVIII в.; более раннее производство, как мы видели, не часто держалось этого обычая, ограничиваясь обыкновенно рисунками. Но и в этом, наиболее частом случае наука нашла возможность производить хронологическую классификацию, благодаря большому разнообразию рисунков, каковое объясняется тем, что продолжительность употребления бумажной формы очень коротка, а при возобновлении формы рисунок мог меняться. Брикe говорит, что, по свидетельству старых фабрикантов ручной эпохи производства, даже в руках опытного мастера форма могла служить не более двух лет; к этому сроку проволочные линии смещались и надо было обновлять филигрань, причем она нередко получала частичные преднамеренные изменения и поэтому разновидности одного и того же водяного знака очень многочисленны. И сами филигранн убеждают в том, что преднамеренное видоизменение знаков шло непрерывно, причем весь собранный палеографами материал ставит вне сомнения важнейший факт: преднамеренное видоизменение типа имеет в громадном большинстве случаев усложняющую эволюцию и очень редко — упрощающую. Поэтому в пределах типа хронологические границы разновидностей не только поддаются определению, но и удобно заключаются в рамки небольшого периода времени; некоторые разновидности знака датируют полустолетия, четверть века, иногда — десятилетия. Не все водяные знаки эволюционируют одинаково быстро и одинаково заметно. В этом отношении палеография делит знаки на более и менее «благодарные». Здесь следует напомнить, что по общему принципу палеографии эти сведения извлекаются из памятников, точно датированных, т. е. из печатных книг с годом выхода, из документов и других рукописей, содержащих подлинную дату их написания («черную дату»). На черной дате приходится основываться потому, что она — самая частая; белая дата или год выхода бумаги с фабрики, как мы видели, до XVIII в. является почти редкостью. Филигранн, найденные под черными датами, издаются в альбомах водяных знаков. Это приводит нас к вопросу о залежности бумаги, т. е. о том, сколько времени могло пройти от изготовления бумаги и до написания рукописи. Бумага могла быть использована и в самый год выхода и позднее, и, таким образом, один и тот же рисунок может встретиться под различными черными датами. Как опеределить год написания недатированной рукописи, если ее филигрань ранее встречена под черной датой только однажды. Здесь важно установить максимум залежности, а еще более — среднюю норму, которая составила бы постоянную практическую поправку к черным датам филиграней, изданных в альбомах. Занимаясь этим вопросом, Брикe выработал статистический прием, предварительно классифицировав для своих операций все разновидности типа на три класса. Он различает: 1) филигранн

тождественные (*identiques*), совпадающие контуром и, следовательно, принадлежащие листам, вышедшим из одной и той же формы; 2) филигранные сходные (*similaires*), имеющие только легкую разницу в форме и размере; 3) филигранные различные, отклоняющиеся (*divergentes*), но все же относящиеся к тому же основному типу, почему мы предпочитаем называть их «подобными». Брике построил свой анализ на тождественных водяных знаках, исходя из бесспорной мысли, что 1) две филигранные, вполне совпадающие контурами, могут происходить только из одной и той же формы; что 2) формы портятся очень быстро и при подправке филигрань неизбежно получает несколько иной контур; что 3) два листа с тождественной филигранью, расходясь в черной дате на 10—15 лет, не могли выйти с фабрики с таким же промежутком времени (ибо вполне тождественная форма не могла существовать так долго) и что, следовательно, оба листа должны были выйти с фабрики одновременно или почти одновременно, но один из них попал в употребление вскоре же, а другой залежался. Таким образом, для тождественных филиграней предельные черные даты указывают и пределы залежности, или времени, прошедшего от выхода листа с фабрики и до употребления. Исследовав тождественные знаки, Брике пришел к следующим выводам.

Из 16 112 изданных в его альбоме филиграней под черной датой (найденных в рукописях и печатных книгах определенного года) 2558 тождественны; они расположены исследователем по столетиям, а в пределах столетий разделены на две группы: одна содержит бумагу обыкновенных форматов (размером от 35 до 50 см), другая — бумагу более редких, больших форматов. По столетиям это дает следующие таблицы залежности:

1. Конец XIII и XIV столетие

Обыкновенные форматы	от 1 до 5 лет	— 212 случаев (около 70%)
»	» 6 » 10 »	— 84 » (» 30%)
»	» 11 » 14 »	— 19 » (» 6%)
Всего .		. 315 из 352 рассмотренных случаев

Большие форматы от 1 до 22 лет: 23 случая из 26.

2. XV столетие

Обыкновенные форматы	от 1 до 5 лет	— 512 случаев (около 60%)
»	» 6 » 10 »	— 255 » (» 30%)
»	» 11 » 15 »	— 115 » (» 10%)
Всего .		. 882 из 978 рассмотренных

Большие форматы от 1 до 29 лет: 50 случаев из 56.

3. XVI столетие

Обыкновенные форматы	от 1 до 5 лет	— 596 случаев (около 60%)
»	» 6 » 10 »	— 264 » (» 28%)
»	» 11 » 15 »	— 122 » (» 12%)
Всего .		. 982 из 1086 рассмотренных

Большие форматы от 1 до 32 лет: 54 случая из 60¹³.

Эти таблицы показывают, что на протяжении трехсот лет максимальная залежность остается приблизительно одинаковой: для большей части обычных форматов срок ее исчисляется в 5 лет, для значительно меньшей — в 10 лет

¹³ Ch. Briquet. Les filigranes, t. I, p. XX.

и только для незначительной — в 15 лет. В итоге Брикe за максимум залеж-ности признает 15 лет для обычных форматов; для больших форматов залеж-ности доходит до 30 лет. Как увидим ниже, Брикe основой для датировки принимает именно максимум. Но этот максимум не представляет палеогра-фическую середину, ибо в нем приняты в расчет также случаи значительного меньшинства (3-я категория). Между тем палеография в своих «приметах» или обобщениях стремится прежде всего к практической вероятности, кото-рая характеризует не редкие исключения, а главное господствующее русло фактов. Палеография не в состоянии на основании каждой отдельной своей приметы датировать редкий случай, ибо сами приметы выводятся из случаев наиболее частых и таким образом только к ним и применимы. И тем не менее палеограф не должен бояться слишком точной датировки по фили-грану (как и по всякой другой примете), ибо в его распоряжении всегда нахо-дятся и другие приметы: почерк, орнамент, миниатюра, язык и содержание памятника. Сопоставление всех таких частных примет между собою всегда дает палеографу возможность судить о том, имеет ли он дело с обычным явлением данной эпохи или с исключением. Ясно, что для значительного большинства рукописей обычного формата залежность будет не выше 5 лет, а средняя залежность для всех таких рукописей равна 10 годам. Такую именно десятилетнюю норму принимал Тромонин¹⁴ для русских рукописей на западной бумаге, откуда вытек практический прием датировать русские рукописи по Тромонину, причисляя 10 лет к черным датам его альбома. Этот простейший способ практически самый полезный: он указывает предел, позднее которого рукопись почти не могла возникнуть, что на практике вполне достаточно для палеографа, археолога и словесника, которые, как мы сказали, кроме водяных знаков располагают и иными критериями. Та-кая предельная датировка рукописи и должна считаться наиболее точной. Вводя во все расчеты не среднюю, а максимальную залежность и, в качестве узкого специалиста, игнорируя все остальные приметы, кроме филиграну, Брикe в сущности достигает датировки не наиболее точной, а наиболее без-ответственной: он определяет не конечный предел, а широкое поле возмож-ности, что очень хорошо для судебного эксперта, но совершенно недостаточно для ученого. Лихачев в вопросе о залежности пытался исходить из условий быта и, различая местные и далекие рынки бумажного потребления, напал на любопытные (вероятно, совершенно единичные) факты, каковы, например, вполне одновременное появление тождественного знака на местном и на да-лекоом рынке или даже более ранее — на далеком. Лихачев нигде не гово-рит, что в таких случаях им установлена тождественная форма, т. е. совпа-дение контуров. И тем не менее на основании таких случаев он предлагал совершенно игнорировать залежность и условно датировать филиграну той черной датой, под которой ранее найдена тождественная филиграну. Остро-жность Лихачева в данном случае вытекает из столь редких случаев, что скорее походит на робость, но выход, предложенный Лихачевым, есть один из возможных практических выходов. Тромонин предлагает к черной дате постоянную поправку в 10 лет. Лихачев считает (и, кажется, неосновательно), что ввиду неясности условий никакой поправки быть не может. Против Ли-хачева говорит исторический и статистический материал, собранный у Брикe. Ибо, как мы видели, Брикe под целым рядом филиграней дает убедительные доказательства того, что поправка не только возможна, но даже обязательна. Неожиданности, на которые указывает Лихачев, представляют тот «редкий случай», с которым не может считаться палеография, выясняющая закономер-ные изменения большинства, а не меньшинства случаев и прибегающая к объяснению «случайностью», «исключением», «редким фактом» только тогда, когда все частные приметы, привлеченные к исследованию, не могут быть примирены хронологически.

¹⁴ К. Тромонин. Знаки писчей бумаги. М. 1844, стр. 2.

Рассмотрим подробнее статистический метод Брикe. Когда имеются с одной стороны, недатированный документ с филигранью, а с другой, тождественная филигрань под черной датой (документ датированный), то при сравнении надо помнить, что датированный документ мог быть написан на бумаге, только что вышедшей, и на бумаге очень залежной (через 15 лет после выхода), или — что то же — недатированный документ мог быть написан на 15 лет позднее или ранее датированного (максимум залежности); это дает период в 30 лет, который для больших форматов может удваиваться. При этом все выводы Брикe относятся к западной залежности. В России залежность иностранной бумаги бывала несколько больше, о чем (в довольно редких случаях) можно судить по альбому самого Брикe. При отсутствии более точных указаний мы и для русских рукописей должны обходиться средней десятилетней залежностью на основании достоверных наблюдений Тромонина.

Для метода «единой бумажной формы» или — что то же — для анализа тождественных филиграней под различными черными датами естественной поверкой являются белые даты, ибо они (по самому значению термина) обозначают год выхода с фабрики и, таким образом, поздняя черная поверка ранней белой может обозначать только залежность.

Сам Брикe не делает этой поверки, но под словом белые даты он дает весь нужный для того материал и статистические из него выводы. Все белые даты, какие нашел Брикe, относятся (кроме одной № 12886—1609 г.) к XVI в., для которого (в обычных форматах) тождественная форма дает исследователю уже приведенную выше статистику залежности:

1— 5 лет	около 60%
6—10 »	28%
11—15 »	12%

Для белых дат XVI в. из данных Брикe получаются выводы:

1— 5 лет.	около 72%
6—10 »	» 15%
11—12 »	» 13%

Статистика белых дат XVI в. несколько расходится со статистикой «единой формы» для того же столетия. Причина расхождения, по-видимому, двояка. С одной стороны, белые даты дают более точные выводы, чем метод единой формы без систематического наложения кальки. Брикe, как увидим, далеко не всегда устанавливал тождество формы приемом наложения кальки, почему среди тождественных знаков у него, без сомнения, оказалось и известное количество сходных. С другой стороны, белые даты, собранные у Брикe, относятся почти исключительно ко второй половине XVI в. (1545—1598) — эпохе, которая может иметь свою специальную формулу залежности (лучшую).

Нам важен общий вывод самого Брикe («Филиграния», III, стр. 587): 92,5% рассмотренной им бумаги с белыми датами потреблено средним счетом в 9 лет, что, примерно, соответствует принципу десятилетия, установленному Тромониным. Правда, окончательная средняя залежность (для всех 100% случаев) бумаг под белой датой 1545—1598 гг. составляет по Брикe 4,39 года. Но этой средней мы не можем принять для России. Принцип десятилетия важен нам именно потому, что он извлечен Тромониным на основании русских рукописей. Пробегаю у Брикe алфавит названий, мы убеждаемся из приведенных там данных места и времени, что для каждого водяного знака залежность постепенно увеличивается с переходом бумаги с запада на восток: для Франции она меньше, чем для всей Германии, для западной Германии меньше, чем для восточной; залежность возрастает при переходе бумаги в Польшу и далее в Россию. Обыкновенно наибольшую залеж-

пость находим у Брикe в конце ставки при отметке «Россия, Лихачев»¹⁵. Эта, хотя и небольшая, статистика «растущей залежности», собранная у Брикe, содержит ценный, еще не использованный материал для специальной работы о залежности по векам и странам. Известно, что германская и польская бумага появляются только в XVI в., а голландская — в XVII в. А так как Брикe заканчивает свой альбом 1600 годом, то, очевидно, главную массу его материала составляют бумаги Италии, Франции, Швейцарии и западной Германии. Таким образом, материал Брикe представляет значительное единство в смысле «движения на восток» — от мест производства к местам потребления.

В принадлежащем Государственному историческому музею (Москва) рукописном «Альбоме водяных знаков специально XVII-го столетия» число калек с белыми датами пока весьма ограничено, но эти даты извлечены из русских рукописей и их показания все же поучительны:

Д а т ы		
белая	черная	
1585	1604—1605	20 лет
1596	1606	10 »
1601	1610	9 »
1601	1610	9 »
1615	1630	15 »

63 года		

То есть в России для конца XVI—начала XVII столетия средняя залежность иностранной бумаги равна 12,5 годам. Быть может, дальнейший приток материала не увеличит, а уменьшит эту «среднюю», приведя ее к границам десятилетия.

IV

Все свои вычисления Брикe строит на тождественных знаках, т. е. на дублетах, точно совпадающих контурами. Но такие знаки непременно вышли из одной формы и потому отстоят друг от друга не более как на два года (годность формы). Следует строго отличать случай сходных знаков, т. е. подновляемых сравнительно долгое время (ибо есть знаки с очень слабой эволюцией) в том же самом виде путем исправления старой формы. Под «сходными» знаками мы прежде всего понимаем незначительные непреднамеренные варианты, возникающие при починке формы. В этом случае точного совпадения в контуре не может быть, а следовательно, — и точного статистического расчета. Однако «тождественный» и «сходный» знаки не могут быть различены простой справкой в альбомах: необходимо снятие кальки с филиграня недатированной рукописи и наложение такой кальки на изданный в альбоме знак (встреченный издателем под «черной датой»). Но при огромном количестве «сходных» знаков такой труд совершенно не оправдывается, особенно ввиду того еще, что «сходные» знаки возникали не только при исправлении формы, но также с самого начала — при изготовлении нескольких форм с одинаковым знаком для одного и того же сорта бумаги. Кроме того, среди «сходных» знаков могут оказаться и преднамеренные варианты или первые шаги усложняющей эволюции.

Статистика «подобных» знаков вообще не дает надежных данных для датировки рукописей. Практическое определение даты может быть построено, кроме знаков «тождественных», также на знаках «подобных», именно — на эволюции типа быстро изменяющихся знаков. Эволюция всего типа вы-

¹⁵ Ссылка на работу Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков».

ясняется через классификацию всех «подобных» знаков типа по степени их сложности. Известно, что не все знаки, изученные палеографией, эволюционируют одинаково быстро: так в почерках знак П почти не меняется в течение всей эпохи господства устава и полуустава, знак Ч в эпоху устава изменяется из века в век. И среди водяных знаков слабо эволюционируют знаки типа латинского R и P готического, между тем знак «голова быка» явно усложняется чуть не по десятилетиям. Уже Брикe, как увидим, не может строго ограничиться своим методом «тождественных» знаков и невольно привлекает к исследованию типы и разновидности. Но метод эволюции выдвинул и подчинил ему материал водяных знаков Н. П. Лихачев. В своем большом труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» он дает 14 примеров анализа по эволюции, не скрывая того, как может колебаться и при этом способе точность датировки: из его 14 примеров только 5 случаев удалось датировать с точностью десятилетия. Лихачев сам считает десятилетие предельной точностью и то — доступной только в лучшем случае, именно, когда рукопись заключает не один, а несколько водяных знаков. Из них одни могут относиться к отживающему типу, другие — к недавно возникшему, третьи — к главному типу своего времени и своей местности; их совместное существование может обнимать очень небольшой период времени, и в этом случае датировка будет довольно точной, ибо она будет основана на том «взаимоограничении примет», которое составляет самый ценный из специальных приемов палеографии.

V

Метод Брикe необходимо рассмотреть на его же примерах. Предположим, говорит Брикe, что перед нами недатированное письмо на бумаге с филигранью. Если в альбомах мы находим для сравнения только одну тождественную филигрань, например, филигрань документа, написанного в 1481 г., то по Брикe можно принять, что наше недатированное письмо написано в пределах периода «на 15 лет ранее или на 15 лет позднее 1481 года», т. е. между 1466 и 1496 гг. Таким образом, в этом случае Брикe довольствуется датировкой с точностью 30 лет или целого человеческого поколения. Ясно, как мало дает такая датировка для целей филологии. Припомним, что статистика обычных форматов дает для значительного большинства случаев залежность до 5 лет, для значительного меньшинства — до 10. И тем не менее вместо средней статистической формулы залежности $\frac{5+10+15}{3}=10$ и далее ± 5 , или при большой осторожности ± 10 , Брикe кладет в основу вычислений ± 15 .

Если же имеется в альбомах еще одна тождественная филигрань, например, под черной датой 1486 г., то по Брикe период можно сократить по расчету 1486—15 и 1481+15, т. е. принять, что письмо написано между 1471 и 1496 гг., датируя таким образом с точностью целой четверти века!

Обратим внимание, как применяет Брикe на практике формулу ± 15 при наличии тождественной филигрании под двумя черными датами: он всегда вычитает из поздней даты и прибавляет к ранней. Это значит, что под более поздней датой Брикe всегда видит бумагу залежную, под более ранней датой — свежую. Это и неизбежно принять, но только в том случае, если филигрании обоих документов действительно тождественны, т. е. если оба листа вышли из той же формы, что может быть удостоверено только совпадением контуров при наложении знака на знак (или кальки на кальку). Но мы уже говорили, что на практике Брикe, вероятно, чаще руководится глазомером, а иногда, вероятно, не пренебрегает и филигранями сходными, т. е. отстоящими друг от друга на несколько лет. А между тем относительно двух сходных филиграней A и A_1 мы не можем судить, какая из них происходит из первичной, какая из подновленной или подражающей черпальной формы. Следовательно, в этом случае расчет $A+15$, A_1-15 не оправдан, ибо не имеет под собой неизменной реальной основы. Вместо реального расчета при нали-

ности двух или нескольких филиграней должна быть применена средняя статистическая норма.

Обозначим две черные даты через D и D_1 , средняя статистическая M будет равна $\frac{D+D_1}{2}$, т. е. в нашем случае $\frac{1481+1486}{2} = 1483,5$ или 1483 84 г.

Говоря иначе, мы принимаем как факт, что тождественная филигрань D (или, быть может, две очень подобных филигранны D и D_1) встречается в границах 1481—1486 гг. Из этого факта выводим правило: «Ту же (или очень сходную) филигрань всегда относить к самой середине этого периода»¹⁶.

Этим расчетом, однако, не оканчивается палеографическая датировка по филиграммам. Мы должны еще применить статистическую поправку Тромбича и Лихачева. Первый (без сомнения, тоже на глазомер, т. е. на основании как тождественных, так и сходных знаков) пришел к выводу, что для старого времени русская залежность средним числом равна 10 годам; последний сделал наблюдение, что при наличии нескольких филиграней в одном и том же памятнике этот памятник может быть датирован в лучшем случае с точностью десятилетия. Итак, идет ли речь о знаках тождественных, сходных или подобных, нельзя датировать по филиграммам точнее десятилетия, или, что то же, округлять среднюю дату M до десятилетия. Следовательно, искомого дату X мы помещаем в середине десятилетия по формуле: $X = M \pm 5$.

Посмотрим теперь, как оправдывается наша формула X на другом примере, приведенном в книге Брикe. Когда дело идет не об одном листе бумаги, а о книге с целой серией филиграней, то определение даты, говорит Брикe, может заключаться в более тесных границах. Образцом для этого вида операций Брикe берет «Le roman de Fierabras le Geant», отпечатанный в Женеве в 1478 г. Датированный памятник взят с целью, так как это дает возможность проверить достигнутые результаты. Бумага этой книги содержит следующие шесть филигралей: 1) якорь в кругу; 2) буквы и монограммы; 3) рука с четырьмя скатыми пальцами и большим отклоненным; 4) виноградная кисть; 5) голова быка с посолом, глазами, с короной между рогами; 6) голова быка с глазами; между рогами — завитки и маленький круг.

По методу Брикe, эти знаки содержат следующие указания на время:

1-й отмечен два раза: в 1474 и 1488 гг.; следовательно, период употребления 1488 — 15 и 1474 + 15 заключается в границах с 1473 до 1489 г.¹⁷

2-й зарегистрирован 3 раза с 1478 по 1484 гг. Следовательно, период 1484 — 15 и 1478 — 15 заключен в границах с 1469 по 1493 г.

3-й зарегистрирован (в Неаполе) под 1485 г. Следовательно, употребление этой бумаги может охватывать период с 1470 по 1500 г.

4-й отмечен 80 раз¹⁸ между 1420 и 1487 гг., и по методу Брикe эти два

¹⁶ Ведь, разделив период залежности на три момента — начало, середину и конец — и при датировке всегда принимая среднюю залежность, мы всегда будем иметь вероятность в 33,3%, или $\frac{1}{3}$ периода. По стольку же случаев будет падать и на раннюю и на позднюю залежность. А принимая за правило относить недатированную филигрань, например, к концу периода, мы при 33,3% верного расчета получим только в 33,3% случаях ошибку на $\frac{1}{2}$ периода (при фактической средней залежности); а в 33,3% на целый период (при фактической ранней залежности).

Расчет может быть сделан также вычитанием: вместо средней статистической даты M мы выводим среднюю разницу $d = \frac{D - D_1}{2}$. Эта разница должна быть вычтена из поздней даты или приложена к ранней.

¹⁷ Из предельных черных дат Брикe всегда считает позднюю — на залежной бумаге, раннюю — на свежей.

¹⁸ Здесь Брикe, конечно, судит на глазомер, ибо невероятно, чтобы он произвел труд наложения восьмидесяти калек друг на друга. Таким образом, среди этих восьмидесяти знаков, вероятно, не все «тождественны» (впрочем, см. его книгу).

года можно рассматривать как границы употребления бумаги с данной филигранью именно на том основании, что разница между крайними датами более 30 лет. (Для Брикe, как мы видели, 30 лет — статистический максимум залежности.)

5-й отмечен 15 раз — между 1420 и 1483 гг., и эти даты составляют крайние границы употребления знака.

6-й. Разновидность¹⁹ этой филигрании зарегистрирована 6 раз между 1471 и 1480 гг. Значит, границы употребления должны заключаться между 1480—15 и 1471+15, т. е. между 1465 и 1486 гг.

* Таким образом, можно заключить по данным 1-го знака, что этот документ написан не ранее 1473 г., а по 5-му — не позднее 1483 г., что совершенно верно, так как он датирован 1478 г.²⁰ В данном случае Брикe фактически датирует документ с точностью до десятилетия. Претендовать практически на точность, большую, чем десятилетия, вообще не следует, ибо, как бы ни был ограничен статистический материал, на котором Тромонин и Лихачев первоначально основали этот вывод, дальнейшие наблюдения русских палеографов успели подтвердить его.

VI

У Брикe, кроме только что приведенных примеров, есть еще один, где ему изменяет его метод (± 15) и где мы, применив поправку, устраняем ошибку. Вот этот пример: Брикe берет книгу «Fasciculus temporum», отпечатанную Вельденером (Veldener) в Утрехте в 1480 г. По свидетельству Брикe, эта книга в шести рассмотренных им экземплярах содержит следующие 16 филиграней: 1) ягненок; 2) якорь с крестом; 3) герб Шампани; 4) гербовый щит со словом «Iado»; 5) гербовый щит со словом «Lile», 6) два сложенных крестом ключа; 7) серп; 8) буква А; 9) буква Р; 10) буква Р с цветком; 11) буква Р (готическая); 12) буквы «та», написанные в кругу; 13) единорог с очень коротким хвостом; 14) голова быка с глазами и носом; 15) голова быка с глазами, помещенная в гербе; 16) голова оленя.

Вот какие указания дают эти филигрании по Брикe:

1-й отмечен 27 раз между 1467 и 1504 гг. Это будут границы употребления данной филигрании.

2-й был в употреблении с 1392 по 1482 г.²¹ Дата 1482 есть крайняя граница употребления этой бумаги, установленная 400-ми рассмотренными случаями. (Нельзя предположить, что первопечатные книги позднее 1482 г.)

3-й употреблялся с 1461 по 1518 г.; важна очень ранняя дата — 1461 г.: она, очевидно, — самое начало употребления этой филигрании и не позволяет относить книгу ко времени более раннему, чем 1461 г.

4-й отмечен 26 раз между 1460 и 1480 гг. Эти две даты, по Брикe, считаются крайними границами употребления данной бумаги²².

5-й отмечен 25 раз между 1471 и 1487 гг. Сходство всех этих филиграней чрезвычайно заметно и можно думать, что оттиски произошли от одной формы²³. Эти две даты можно принять как границы употребления данной бумаги.

¹⁹ И здесь Брикe, по-видимому, отступает от основ своего метода, исходящего от тождества контура. Но, вероятно, Брикe имеет в виду разновидности непреднамеренные, т. е. такие, которые одновременны или разделены немногими годами.

²⁰ Ch. Briquet. Les filigranes, t. I, p. XXI.

²¹ Очевидно, Брикe пользуется здесь целым типом, а не тождественными вариантами, ибо невероятно, чтобы залежность могла продолжаться 90 лет!

²² Границы меньше тридцатилетия, но Брикe, вероятно, исходит здесь из фактических данных.

²³ Здесь Брикe косвенно дает понять, что кроме тождественных знаков оперирует также непреднамеренными вариантами.

6-й отмечен 9 раз между 1464 и 1477 гг. Это количество 9 раз по Брикке слишком незначительно, чтобы извлекать из него выводы непосредственно. Поэтому Брикке прибегает здесь к своей поправке, говоря, «примем, что бумага, приготовленная в 1464 г., могла быть употреблена на 15 лет позднее, т. е. в 1479 г., а бумага, использованная в 1477 г., могла выйти с фабрики на 15 лет раньше, т. е. в 1462 г. Следовательно, границы употребления этой бумаги будут находиться между 1462 и 1479 гг.»

7-й встречается один раз — в 1478 г. Очевидно, по Брикке период употребления этой бумаги растянется на 15 лет ранее этого года и на 15 лет позднее, т. е. будет заключаться между 1463 и 1493 гг.

8-й отмечен два раза — в 1472 и 1478 гг., что, по Брикке, дает для периода употребления этой бумаги даты 1478—15 и 1472+15, т. е. 1463 и 1487 гг.

9-й был в употреблении между 1463 и 1543 гг.

10-й был в употреблении с 1445 по 1559 г. Этот период так велик, что полезным указаний не дает.

11-й употреблялся с 1442 по 1527 г.²⁴ Период времени тоже слишком продолжительный для точных выводов.

12-й отмечен 3 раза с 1477 по 1479 г., что дает период употребления этой бумаги: 1479—15 и 1477±15, т. е. 1464—1492 гг.

13-й отмечен 3 раза: в 1477 и 1481 гг., что дает период употребления 1481—15 и 1477+15, т. е. 1466—1492 гг.

14-й был в употреблении с 1440 по 1499 г. Эти две даты и могут считаться крайними границами употребления данной бумаги²⁵.

15-й отмечен 3 раза между 1475 и 1480 гг., что дает период употребления этой бумаги 1480—15 и 1475±15, т. е. 1465—1490 гг.

16-й отмечен 14 раз с 1464 по 1475 г., что дает период употребления данной бумаги с 1475—15 и 1464+15, т. е. 1460—1479 гг.²⁶

Из всех достигнутых «максимальных» дат Брикке совершенно правильно выбирает такие, которые дают всему памяtnику наиболее тесные границы — именно данные 6-го и 16-го знаков дают 1479 г. как самый поздний для книги, а данные 5-го — 1471 г. как самый ранний. На основании этого Брикке заключает, что «филигранная дата» книги есть 1471—1479 гг. (по его методу). Датировка оказывается ошибочной, так как на самом деле книга вышла в 1480 г. Брикке указывает на этот случай как на доказательство шаткости филигранных дат вообще. Для нас же это только доказывает несовершенство метода Брикке.

Попробуем, оперируя черными датами, применить нашу поправку. Возьмем «натуральные» черные даты 1477—1479 гг. (12-го и 13-го знаков). Эти «парные» даты — самые «узкие» в нашей книге, т. е. покрывают самый краткий период времени, устраняя менее точные указания остальных. Выводим из них десятилетие по нашей формуле. Выше данная натуральная дата 1477—1479 дает среднюю статистическую 1478, а с поправкой ±5 определяется десятилетие 1473—1483, что совершенно верно, так как книга относится к 1480 г. Претендовать практически на точность большую, чем десятилетие, вообще не следует, а научная осторожность, очевидно, может заключаться только в том, чтобы не преувеличить древности нашего документа, относя его скорее к концу, чем к началу десятилетия.

²⁴ В случаях 9, 10 и 11-м Брикке явно оперирует не тождественными знаками и не вариантами непреднамеренными, а двумя типами (P), очень слабо эволюционирующими и поэтому вообще непригодными.

Применение наложения каллики, который мог бы обнаружить единство черпальной формы, здесь, разумеется, неприменимо вследствие обширности материала.

²⁵ Это снова целый тип (слабо эволюционирующий), а не продукт одной и той же формы. Таким образом Брикке, переходя к типологическому методу, не покидает поправки ±15, годной только для метода «единой формы».

²⁶ Отметим, что поправка Брикке в этом и подобных случаях бесполезна, ибо почти не меняет периода употребления знака.

VII

Такова в основных чертах теория и практика водяных знаков. Для научной датировки недостаточно простой справки в альбомах. Каждая научная справка предполагает предварительное знакомство с природой водяных знаков и с особыми методами этого отдела палеографии. Самостоятельная работа над сырым материалом может дать навыки точного распознавания и описания видимых в памятнике филигранных. Но без правильной палеографической школы поверхностные дилетантские справки в альбомах, во-первых, дают лишь очень неточные результаты, во-вторых, при кажущейся легкости они заставляют пренебрегать остальными палеографическими приметам (почерка, вязи, орнамента и пр.), а между тем точность датировки должна быть основана на совокупности палеографических примет ²⁷.

²⁷ С 1950 г. в Голландии основано Общество, которое издает труды по истории бумаги, а также альбомы филигранных: «The Paper Publications Society. Hilversum, Holland». — *Прим. ред.*

ДАТИРОВКА ИКОННЫХ НАДПИСЕЙ

Общие принципы

Анализу отдельных надписей считаю необходимым предпослать некоторые общие замечания главным образом методологического характера.

№ 0. Палеография определяет время недатированного письменного памятника и по возможности место его возникновения, — то и другое по внешнему виду знаков. Для этой цели палеография вырабатывает некоторые общие тезисы.

№ 1. Все общие выводы палеографии основаны на изучении точно датированных памятников. Из них палеограф извлекает начертания, типичные для какого-нибудь века исключительно или для какой-нибудь части этого века исключительно. Общие теоремы палеографии звучат однообразно и все по следующим схемам:

а) ѡ с высокой серединой встречено в русских датированных памятниках только XI в. и в них оно почти одно господствует как тип традиционный и еще ничем не смененный. Все недатированные русские памятники с такой «омегой» должны быть отнесены к XI в., если они на пергаменте. Замена старого ѡ новым ѡ как факт положительный, всегда указывает на переход из XI в XII в. или позднейшие. В бумажную эпоху такое ѡ было снова введено в России югославянским влиянием взамен русского ѡ XII—XIII вв., которое имело середину пониженную.

Или б) широкое, полулежащее в строке, свойственно русским памятникам только второй половины XIV в. Как тип еще новый, сменившийся широкое стоячее XIII в., это не обязательно, но оно весьма распространено в конце строк, как экономия места, взамен более старого и равноправного с ним . Следует пробегать глазами концы строк. Знак — специально русское изобретение, чуждое византийцам и южным славянам, в этом его важная территориальная показательность. Однако в качестве знака нового и факультативного может и отсутствовать даже в свою эпоху: сохранение старого как факт отрицательный, не может непременно указывать на эпоху более древнюю (на XIII в.).

№ 1а. Территориальное происхождение памятников определяется их внешними признаками далеко не всегда и далеко не точно. К этой цели не всегда приводит и язык надписей. Если несколько народов пользуются одним и тем же литературным языком, местные особенности выговора могут совсем не проявляться в надписи краткой.

№ 2. Большинство точно датированных памятников принадлежит книжной письменности. Точно датированные памятники быта и искусства в России чрезвычайно редки.

№ 3. Отсюда вытекает необходимость судить о недатированных памятниках быта и искусства по датированным памятникам письменности.

№ 4. Между тем родство почерков письменности и почерков утвари и икон имеет свои границы.

№ 5. Почерки утвари и икон носят декоративный характер, входя в общую декорацию памятников. Так, например, надписи на утвари и иконе являются лентой, ограниченной сверху и снизу одной общей чертой, которую не прерывают отдельные буквы. Из декоративных соображений Ъ, цищ, в рукописях давно вышедшие мачтой или хвостами из ленты строки, на утвари и иконах еще в XV и XVI вв. помещаются в строке целиком. Почерки письменности носят деловой и потому более простой характер. Исключение составляют строки заглавий.

№ 6. Поэтому почерки утвари и икон должны быть сравниваемы прежде всего не со строчными почерками письменности, а с заглавными, которые носят декоративный характер.

№ 7. Все частные выводы палеографии (т. е. датировка отдельных недатированных памятников) основаны на суждении по совокупности примет, куда кроме почерка относятся — орнамент, стиль изображений, техника обработки и материал памятника, а равно его содержание. Эти частные выводы разнообразны и, в зависимости от той или другой совокупности примет, звучат очень различно. Вот образцы их логических схем:

а) все приметы указывают на XI в.: пергамент, устав, византийский орнамент заставок, высокая омега ω , крестовое пси — Ψ , малое количество русизмов в старославянском языке текста, между прочим почти правильное употребление знака ж в смысле носовой гласной;

б) приметы расходятся между собой, ограничивая друг друга: одни указывают на XIII—XIV вв., другие на XIV—XV вв., а некоторые на самый конец XIV или самое начало XV в. На этом моменте и могут быть примерны приметы: перед нами памятник около 1400 г., с архаизмами в почерке, но с новшествами в орнаменте;

в) приметы противоречат друг другу: одна группа решительно указывает на XI в. (н, я, ѣ), другая столь же решительно — на XVIII—XIX вв. (берлинская лазурь и кармин в орнаменте и миниатюре), — перед нами памятник, подрисованный или подложный.

№ 8. Такая помощь со стороны истории искусства, литературы, археологии, истории необходима палеографу ввиду особого характера чисто палеографических примет, т. е. примет почерка, именно:

№ 9. Не все буквы эволюционируют одинаково быстро. Такие буквы, как п или о (в уставе и полууставе) остаются почти без перемен в течение нескольких веков. При краткости надписи все таким образом зависит от того, какие буквы в нее входят — устойчивые или быстро изменяющиеся. В первом случае палеограф почти не в состоянии датировать памятник по надписи. Сюда вообще говоря относятся иконные надписи ІГ ХГ и МР ОҮ.

№ 10. Но и в обширной надписи, дающей палеографу достаточный материал, редко содержатся данные для точной датировки. Такая надпись может подражать своему более древнему оригиналу; она может быть написанной в далекой и отсталой окраине; она может быть написанной стариком. Во всех этих случаях она содержит архаизмы письма и кажется древнее своего времени. При иных условиях она кажется моложе своего времени. Суждение по совокупности примет дает в таких случаях поправку, так как одни приметы могут содержать архаизмы, а другие напротив того — новшества. Из примирения примет вытекает средняя, т. е. истинная дата.

№ 11. С эпохи распространения бумаги является новая ценная примета, какой не имела пергаменная письменность. Я имею ввиду водяные знаки бумаги. Издано значительное количество водяных знаков, извлеченных из

датированных рукописей, и выработаны методы датировки рукописей, педатированных по водяному знаку. Этой ценной приметы лишены памятники быта и искусства.

№ 12. В течение XIV в. в русской письменности, дотоле звавшей лишь эволюцию, произошла своего рода революция: югославянское влияние, главным образом после завоевания Сербии и Болгарии турками и наплыва югославянских книжников в Россию, изменило характер русских почерков, правописания, литературного языка и стиля, орнамента, миниатюры и иконописи.

№ 13. Итоги югославянского влияния в русской письменности хорошо изучены и лежат перед нами в следующем виде: древнейшие подлинные документы югославянского влияния (конца XIV в.) до нас почти не дошли. Его результаты могут быть установлены как господствующая мода только со второй четверти XV в. — ранее памятники югославянского «стиля» были немногочисленны и почти все погибли. Ко второй четверти XV в. она распространилась в России повсеместно и все дошедшие памятники представляют именно эту моду.

№ 14. Итоги югославянского влияния в русской иконописи только теперь открываются и изучаются, причем уже сейчас возникают следующие соображения:

а) уже по данным истории можно заключать, что в иконописи югославянское влияние началось в России ранее, чем в письменности: в письменности оно началось под конец XIV в. не столько новой внутренней потребностью, сколько наплывом югославянских книжников-беженцев; в иконописи оно с начала XIV в. порождалось новой духовной потребностью самого русского народа — перенести на Русь итоги нового художественного развития: фреску и икону эпохи Палеологов; в Византии и у южных славян XIV в. русских паломников и русских эмиссаров всякого рода (светских и духовных) поражало прежде всего тамошнее новое искусство, а не тамошнее новое и старое идейное содержание (новая Афонская аскеза с ее литературой и памятники более старой письменности, ранее не перешедшие в Россию, главным образом по вине татарского ига и вызванного им перерыва духовных сношений).

Нил Сорский (1433—1508), отвергший искусство Византии и избравший ее аскезу, с большим опозданием следует за Феофаном и Рублевым: среди новых балканских влияний на Россию краска и линия значительно опередили мысль и книгу;

б) итоги гибели и сохранения не одинаковы для рукописей и для икон. Среди икон существует особый класс прославленных и чудотворных, охрана и сохранение коих составляли особую заботу. Такие иконы хранились тщательнее и первые выносились во время пожаров. Подобного отношения к рукописям вообще не было. Поэтому —

в) до нас могли дойти и, по-видимому, действительно дошли выдающиеся произведения определенных мастеров иконописи. Достаточно указать на прославленную икону Троицы в Сергиевой лавре;

г) такие образцовые иконы (среди них могли быть и произведения Феофана Грека и других греков, а равно и славных югославянских мастеров XIV в., т. е. первообразы новой русской иконописи) копировались особенно старательно как в изображениях, так и в надписях. Нас поражает один общий факт: на иконах русских почти не встречаются столь типичные, столь легко узнаваемые строчные почерки русских рукописей XIV в. и кажется совсем не встречены заглавные почерки русских рукописей XIV —

лине, квадратные и двойного контура (например **КНИГА**).

видно, в иконописи те и другие были очень рано вытеснены югославян-

ским влиянием (для книжных заглавий это будет тип: **КНИГА**).

В письменности это вытеснение закончилось только ко второй верти XV в.);

д) этим путем в иконописных надписях рано и надолго утверждались архаизмы, которые (при краткости надписи особенно) не позволяли палеографу точно отличить XIV в. от XV в. в сравнении с книгой. В рукописях это нетрудно, так как от XIV в. дошли почти исключительно традиционные русские почерки, от XV в. — главным образом новые югославянские. С этим фактом необходимо считаться как с кардинальным, и определения по надписям для рукописей XV в., для икон XIV—XV вв. составят, вероятно, повторяющийся факт ^{27а}.

Только приметы материала, художественной техники и художественного стиля (принцип суждения по совокупности примет) позволят историку искусства сделать выбор между XIV и XV вв.

Следовательно, главными затруднениями для палеографа должны явиться на иконах:

1) краткие традиционные надписи:

2) надписи русских икон XIV в., следующих новому «балканскому» течению иконописи.

Понятно, что и в этих двух случаях палеограф обязан произвести исследование. Но такое исследование приходится производить вновь, на основании особого, ранее не привлекаемого материала и отчасти с применением особых методов, особых путей мысли.

а) Краткие надписи типа $\overline{I\bar{G}} \overline{X\bar{G}}$ и $\overline{M\bar{P}} \overline{\Theta\bar{Y}}$ (в заглавных строках рукописей они совершенно или почти не встречаются!) должны быть объединены в группы и каждая группа должна быть приведена в логический ряд по принципу «усложняющей эволюции» — умственная операция, которая без всяких точных дат позволила историкам искусства установить группу «русских красочных икон XV в.». Само собой разумеется, что успех операции зависит от количества материала, заключенного в каждой группе.

б) Более длинные надписи икон «балканского» или «красочного» разряда (или что то же — надписи югославянского типа) должны быть сравниваемы не только с русскими датированными памятниками письменности (ибо при таком сравнении мы невольно отнесем все иконы этого рода к XV в.), но также с датированными памятниками югославянской письменности XIV в. (ибо, как сказано, среди икон гораздо чаще, чем среди рукописей, могли дойти до нас начальные образцы югославянского влияния) ²⁸.

Ягич установил тезис, что факты византийской и югославянской палеографии переходят в Россию с опозданием на 100 лет. Этот тезис, как мы видели, применим только к письменности, где начальные документы переноса, еще не многочисленны, обыкновенно не сохранились и до сознания палеографов доходят только факты давно утвердившихся влияний, из эпохи «полного распространения», всегда представленной многочисленными памятниками. Мы видели, что в иконописи факт переноса наступил ранее, документы переноса оберегались тщательнее и в повторениях воспроизводились точнее. Следовательно, для утверждения фактов иконной палеографии мы не можем принимать опоздание до 100 лет, а в известных случаях (по совокупности примет) можем приравнять опоздание к нулю. Это дает нам возможность непосредственно сравнивать русские иконные надписи с греческими и югославянскими заглавными строками XIV и XV вв. и при наличии очень большого сходства в чертах типичных и доказательных (т. е. в буквах, подверженных быстрому изменению) датировать русские иконные надписи то XIV в., то XV в.

^{27а} Сравни надписи на иконе великомученицы Варвары из собрания Силина (Третьяковская галерея) конца XIV в.

²⁸ Надписи эти родственны заглавной почерку болгарской псалтыри Томича середины XIV в. — *Прим. ред.*

Само собой разумеется, что для сравнения должны быть привлечены и русские вещевые надписи. Но датированных надписей этого рода очень немного (И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863; И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913) и попытка Шляпкина построить на них русскую вещевую палеографию, при всей правильности примененного им метода, не дала надежных результатов: при недостаточности материала он не мог различить типичное (повторяющееся) и случайное.

Таковы принципы, положенные мною в основу моей работы. Главные из них, конечно, следующие два:

1) всегда следует судить по совокупности примет;

2) когда речь идет о примете новой, сменившей старую, никогда не следует судить по отсутствию ее: новая примета не обязательна, пока старая не вытеснена ею окончательно, каковое вытеснение в целом ряде случаев не наступает совершенно (сравните старое «д» и новое «д» в наших скорописных почерках).

В применении принципов каждый отдельный случай, по качеству и количеству своего реального материала, представляет обыкновенно свою особую комбинацию и потому требует и особых логических операций. Поэтому при датировке каждой отдельной надписи приводятся различные специальные соображения, которые в своей сумме яснее освещают и самый принцип, но здесь в этом общем введении могли бы только затемнить его, перегрузив изложение детальными фактами.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Н. ЩЕПКИНА

I. Книги и статьи

1. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. Составил А. Л. Дювернуа, вып. 1—9, М., 1885—1889 (слова на букву «К» составлены В. Н. Щепкиным, см. вып. 4, 1888, стр. 903—1094. То же см. в издании 1889 г., т. I).
2. Памятник золотого шитья начала XV века. М., 1893, 34 стр., илл. То же — в кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 15, вып. 1, М., 1894, стр. 35—68.
3. Два лицевых сборника Исторического музея (XVIII и XVI вв.) — «Археол. известия и заметки». Изд. Моск. археол. об-ва, 1897, № 4, стр. 97—128, илл.
То же. — Отдельный оттиск. М., 1897.
4. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле. — «Археол. известия и заметки». 1897, № 12, стр. 374—378, илл.
5. Федор Иванович Буслаев (1818—1897). — «Этнографическое обозрение», кн. 35, 1897, № 4, стр. 99—111.
6. Федор Иванович Буслаев (1818—1897). — «Русские ведомости», 12 августа 1897 г.
7. Фигура пастыря-старца на иконе Рождества Христова. — «Археол. известия и заметки», 1897, № 1, стр. 1—9, илл.
8. Адам Мицкевич. — «Русские ведомости», 12 декабря 1898 г.; 23 декабря 1898 г.
9. Апокрифическое сказание о Лестнице в изображениях иконописи. — «Археол. известия и заметки», 1898, № 11—12, стр. 349—353, илл.
10. Рассуждение о языке Саввиной книги. — «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 3, 1898, стр. 157—227, 374—471, 1180—1268; т. 4, 1899, стр. 305—348.
11. Серебряный змеявик, найденный в Рязанской губернии. — «Археол. известия и заметки», 1898, № 3—4, стр. 132—133, илл.
12. Лицевой сборник имп. Российского исторического музея. — «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 4, 1899, стр. 1345—1385.
То же. — Отдельный оттиск. СПб., 1900.
13. По поводу замечаний проф. А. И. Соболевского (на работу В. Н. Щепкина о языке Саввиной книги). — «Журн. Мин. нар. просв.», 1900, апрель, стр. 392—396.
14. Франц Прешерн. — «Русские ведомости», 6 декабря 1900 г.
15. Загряжский воздух конца XV века. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 18. М., 1901, стр. 49—54, илл.
16. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901 (Сб. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук, т. 67, № 9) (по сравнению с предыдущим изданием 1898—1899 гг. дополнено предисловием и указателями).

17. Русские солнечные часы XVII века. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва т. 18. М., 1901, стр. 43—48.

18. Über die Sprache der altslavenischen Savvina Kniga (об языке старославянского текста Саввиной книги). — В кн.: Beiträge zur Kunde indogermanischen Sprachen. Bd. 26, Heft 2. Göttingen, 1901, S. 161—166.

19. Диалектическое деление языков старославянского и болгарского (краткое содержание доклада). — В кн.: Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве, 1899, т. 2. — М., 1902, стр. 71—72.

20. Листки Ундольского. — В кн.: Сборник статей, посвященный учениками и почитателями академику и заслуж. орд. проф. Филиппу Федоровичу Фортунатову, по случаю 30-летия его ученой и преподав. деятельности в Моск. ун-те. Варшава, 1902, стр. 249—269.

21. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры. В кн.: Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве, 1899, т. 2. — М., 1902, стр. 183—208, илл.

То же. — Отдельный оттиск. М., 1902.

22. II отчет Отделению русского языка и словесности. (О научной командировке в Италию.) — «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», 7, 1902, стр. 156—248.

23. Новгородские надписи Graffiti. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 19, вып. 3. М., 1902, стр. 26—46.

24. Эпоха новооткрытой Троицкой фрески. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 19, вып. 3. М., 1902, стр. 92—99.

25. Житие святого Нифонта лицевого XVI века. М., 1903. — Росс. ист. музей. Описание памятников, вып. 2.

26. Cyrillische Ligaturschrift (Кирилловская вязь). — «Archiv für Slavische Philologie». Bd. 25, Heft 1, (Berlin), 1903, S. 109—128, ill.

27. Вязь. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 20, вып. 1. М., 1904, стр. 57—80, илл.

28. Памяти А. И. Кирпичникова. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 20, вып. 2. М., 1904, стр. 1—4.

То же. — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 14. Харьков, 1905, стр. 101—105.

29. Хрестоматия русского языка для славян с ударениями и с чешско-сербским указателем (совместно с П. А. Лавровым). Прага, 1904.

30. Резное деревянное тьябло XIII века. СПб., 1905.

31. Болонская псалтырь. СПб, 1906 (Исследования по русск. яз. Акад. наук, т. 2, вып. 4).

32. Описание надгробий (Собрание 1-е). — В кн.: Отчет Российского исторического музея в Москве за 1906 г. М., 1907, стр. 72—94, илл.

33. Тверская летопись по списку имп. Российского исторического музея. — В кн.: Отчет Российского исторического музея. за 1906 г. М. 1907, стр. 137—144, илл.

34. Болгарский орнамент эпохи Иоанна Александра. — В кн.: Сборник по славяноведению, посвященный проф. М. С. Дринову его учениками и почитателями. Харьков, 1908, стр. 153—158.

35. Резное деревянное тьябло XIII века. — В кн.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, ч. 2. СПб., 1908, стр. 787—791.

36. Учебник болгарского языка. М., 1909, IV, 106 стр.

37. Трон или царское место Грозного в Московском Успенском соборе. М., 1909.

38. История южных славян. Курс, читанный в Моск. ун-те в 1909/1910 г. М. 1910. Литограф. изд.

39. Конспект курса славяно-русской палеографии. М., 1910—1911. Литограф. изд.

40. Московская иконопись. — В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем, т. 5. М., 1910, стр. 225—248, илл.

41. Старославянское чтение. Пособие для просеминария. М., 1911.
42. Иван Егорович Забелин как историк русского искусства, М., 1912 (отг. из «Отчета Российского исторического музея за 1883—1908 гг.»).
43. Обзор важнейших памятников Исторического музея. Исторический отдел. М., 1912.
44. История южных славян. М., 1913. Литограф. изд.
45. Описание надгробий (Собрание 2-е). — В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1911 г. Приложение. М., 1913, стр. 9—16, илл.
46. Рукописи Российского исторического музея. М., 1913.
47. Христос благословляет апостолов (миниатора Сийского евангелия 1339 г.). — «Голос минувшего», 1913, № 3, стр. 294—296, илл.
48. Введение в славяноведение. Курс, изданный по записям проф. В. Н. Щепкина. М., 1914. Литограф. изд.
49. Конспект курса славяно-русской палеографии. М., 1914. Литограф. изд.
50. Славянское возрождение. — В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 2. М., 1914, стр. 1—50.
51. Филипп Федорович Фортунатов (некролог). — «Русские ведомости», 21 сентября 1914 г.
52. Конспект лекций по старославянскому языку. Лекции, прочитанные на Высших женских курсах, 1914—1915 гг. М., 1915. Литограф. издание.
53. (Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова). — В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 27—44, илл. (Сместно с Г. Л. Малицким).
- То же. — Отдельный оттиск. М., 1915.
54. Slovensko Berilo. Uredila W. in W. Ščepkina. V Moskvi 1915. (Словенская хрестоматия. Сост. В. и В. Щепкины. М., 1915).
55. Забелин как историк русского искусства. — В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1883—1908 гг. М., 1916, стр. 35—48.
56. Источник иллюстраций (русских былин). — В кн.: Памятники мировой литературы. Русская устная словесность, т. 1. М., 1916, стр. 433—438.
57. Конспект лекций по истории польской литературы. М., 1916, На правах рукописи.
58. Памяти Владимира Ильича Сизова. — В кн.: Отчет Российского исторического музея за 1883—1908 гг. М., 1916, стр. 49—53, портрет.
59. Учебник русской палеографии. М., 1918.
60. Некролог А. А. Шахматова «Художественная жизнь», М., 1921, № 4—5; то же. — «Изв. отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 25, 1920.

II. Рецензии

61. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagić (Глаголица. Значение новооткрытых отрывков В. Ягича). — «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1891, кн. 1, отд. 4, стр. 1—5.
62. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка, сост. А. П. Лавров, М., 1893 (критический разбор). — СПб., 1896, 45 стр. То же. — В кн.: Отчет о присуждении премий проф. А. А. Котляревского в 1895 г. СПб., 1896, стр. 20—64 (Сб. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук, т. 64, № 10).
63. Сборник за народни умоворения, наука и книжвина издава Министерството на народното просвещение, кн. XII. София, 1895. — «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 1, 1896, стр. 798—803.
64. Macedonische Studien von Dr. Vatroslav Oblak nach dem Tode des Verfassers im Drucke besorgt und mit einem Anhang versehen von V. Jagić. (Македонские исследования доктора Ватрослава Облака, подготовленные к печати после смерти автора В. Ягичем с его же дополнением). Wien, 1896. —

«Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук», т. 2, 1897, стр. 216—231. То же. — Отдельный оттиск. СПб., 1897, 16 стр.

65. В. А. Жуковский. — «Русские ведомости», 7 февраля 1898 г.
66. Морозов Н. А. Откровение в грозе и буре. — В кн.: История возникновения апокалипсиса. СПб., 1907. — «Русские ведомости», 13 мая, 1907 г.
67. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache von A. Leskien. Heidelberg, 1909. (Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка А. Лескина). — Rocznik Slawistyczny (Kraków), t. 3, 1910, s. 203—220.

68. Графика у славян. СПб., 1911 (текст на польском языке). Rocznik Slawistyczny (Kraków), t. 5, 1912, s. 95—105.

69. Altkirchenslavische Grammatik von W. Vondrak. Zweite Auflage, Berlin, 1912 (Древнецерковнославянская грамматика В. Вондрака). — Rocznik Slawistyczny (Kraków), t. 6, 1913, s. 143—151.

III. Редактирование, публикации, предисловия, переводы

70. Сборник Чудова монастыря № 20. Из бумаг А. Н. Попова. — «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1889, кн. 3, стр. I—XXXI. — (Публикация и предисловие).

71. Лескин А. Грамматика старославянского языка. Пер. с нем. с дополнением по языку Остромирова евангелия. М., 1890, XIV, 192 стр. (Перевод А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина; в дополнении Щепкину принадлежит обзор спряжений).

72. Заметка о славянских инкунабулах на пергаменте (акад. И. В. Ягича). — «Русск. филолог. вестник», (Варшава), 1891, т. 25, № 1, стр. 138—140. (Пер. на русск. яз.)

73. Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г., вып. 1—2. М., 1892—1896. (Публикация учеников Н. С. Тихонравова, в числе их В. Н. Щепкин.)

74. Štiri Presernove pesmi v ruskem jeziku. (Четыре стихотворения Прешерна в русском переводе). «Ljublanski Zvon». Uredil A. Askerc, 1900, XX, 12, s. 814—817.

75. Ледеиевский И. Рунические надписи на Алекановских урнах. — В кн.: Древности. Труды Моск. археол. об-ва, т. 19, вып. 2. М., 1901, стр. 47—58, илл. (Пер. и примеч.)

76. Саввина книга. СПб., Изд. Отд. русск. яз. и словесности Акад. наук, 1903. (Памятники старославян. яз., т. 1, вып. 2). (Публикация, предисловие, словарь и указатель к тексту.)

77. Лескин (А). Введение в старославянскую грамматику, пер. с нем. под ред. проф. Щепкина. М., б. г., Литограф. изд.

IV. Переписка

1. Документы к истории славяноведения в России. (1850—1912). Под ред. акад. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1948 (переписка В. Н. Щепкина с П. А. Лавровым, В. Облаком, Ф. Пастернеком, Ю. И. Поливкой, С. Томичем, А. А. Шахматовым за 1886, 1890, 1892, 1897 гг. — 12 писем) (стр. 117—119, 135—136, 138—147, 160, 161, 181—182, 215—218).

2. А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947 (письмо В. Н. Щепкина А. А. Шахматову, 21 августа 1887 г., стр. 86—87).

V. Биографические материалы

1. Щепкин Вячеслав Николаевич. — В кн.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1811—1911. М., 1911, стр. 321—329.

2. Щепкин Вячеслав Николаевич (автобиографическая заметка). — В кн.: Русские ведомости. 1863—1913. Сб. статей. М., 1913, стр. 206—207.
3. Щепкин Вячеслав Николаевич. — В кн.: Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. 2. М., 1915, стр. 413—414.
4. Перечень сообщений и докладов, сделанных В. Н. Щепкиным в 1894—1909 гг. — В кн.: Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. 2. М., 1915, стр. 245—246.
5. Лавров П. А., В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918—1920. — «Русский исторический журнал», 1921, кн. 7, стр. 193—197.
6. Орлов А. Проф. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920. — «Задруга», 1921, декабрь, стр. 15.
7. Сперанский М. Н. В. Н. Щепкин (некролог). — В кн.: Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 135—137.
8. Памяти В. Н. Щепкина. Отчет о заседании кафедр русского языка и славянской филологии МГУ 8 января 1946 г. в связи с 25-летием со дня смерти В. Н. Щепкина. — В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2. М., 1947, стр. 80—81.
9. Бернштейн С. Б. В. Н. Щепкин — историк болгарского языка (к 25-летию со дня смерти). — В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2. М., 1947, стр. 84—87.
10. Кузнецов П. С. В. Н. Щепкин как исследователь старославянского и русского языков. — В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2. М., 1947, стр. 81—84.
11. Бернштейн С. Б. В. Н. Щепкин. Изд-во МГУ, 1955.
12. Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963, стр. 85—89.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
ГБЛ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
(Москва)
ГИМ Государственный Исторический музей (Москва)
ГПБ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салты-
кова-Щедрина (Ленинград)

Собрания рукописей Государственного Исторического музея:

- Арх. Архангельское
Барс. Барсова
Воскр. Воскресенское
Епарх. Епархиальное
Муз. Музейское
Син. Синопальное
Увар. Уварова
Усп. Успенское
Хлуд. Хлудова
Чертк. Черткова
Чуд. Чудовское
Щук. Щукина

В. Н. Щепкин и его книга по русской палеографии. *Статья чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова.*

I. Цели и метод палеографии.

Определение; родственные дисциплины. Собственный метод палеографии. Время и место написания памятников; что определяется ранее? Помощь со стороны других филологических дисциплин. — Примеры. Палеографические приметы, их сопоставление, выводы. Степень точности палеографических выводов; общий случай и случайность. Методологические ошибки в палеографии. Два отдела учебника палеографии: основной и вспомогательный

12

II. Старославянский язык и славянские азбуки.

Родина и родственные связи старославянского языка; термины глаголица и кириллица; исторические соображения. Гипотеза Шафарика, ее основания и ценность. Источник той и другой азбуки. Сравнение кирилловских знаков с глаголическими; два класса: знаки «греческие» и знаки «славянские». Зависимость кириллицы от глаголицы. Лингвистические выводы из анализа глаголических и кирилловских знаков

22

III. Изводы.

Определение, классификация, термины. Простейший способ различения изводов. Сложные изводы

30

IV. Материалы и орудия письма.

Пергамент и бумага. Чернила, краски и металлы. Процесс и орудия письма на изображениях; перо, кисть, ножи и пр.; разлиновка. Переплет, его части и украшения. Созрванность, как палеографическая примета

35

V. Вязь. Технические приемы и палеографические приметы.

Вязь византийцев. Причины малого развития византийской вязи; ее сравнение с кирилловской. Вязь югославянская: два стиля; вязь румынская. Русская вязь; время ее появления; дифференциация русской вязи. Приметы областные и хронологические: Псков, Новгород, Москва и Грозный, Феодор Иоаннович. Смутное время и Михаил Феодорович. Показатель вязи. Поморская вязь XVIII и XIX вв.

40

VI. Орнамент.

Определение и анализ. Источники и стили орнамента. Классификация и термины. Виды и термины рукописного орнамента: заставка, инициал, концовка, полевой цветок. Византийский орнамент. Заставки большие и малые. Рамы и мотивы. Инициалы византийских рукописей. Византийский стиль в славянских рукописях; «переходная», или «варварская», манера. Тератологический стиль славянских рукописей. Болгарская тератология «народная» и «техническая», краски этой последней. XIV век в Болгарии; вытеснение тератологии стилями «нововизантийским» и «балканским». Тератология в России. Отличительные черты XIII и XIV вв. Вытеснение русской тератологии стилями «нововизантийским» и «балканским» с начала XV в. Русский рукописный орнамент в XV и XVI вв. Территориальные различия. Вторжение мо-

тивше итальянского Возрождения и «старопечатный». Русский орнамент XVII в. Господство «старопечатного» стиля; раскраска. Сущность стиля барокко. Его первое появление в русских рукописях; его русские видоизменения; московский придворный барокко конца XVII в. и старообрядческий «поморский» стиль XVIII и XIX вв. Французские стили XVIII и XIX вв.: рококо, стиль Людовика XVI, стиль ампир. Их определение. Их отражение в русских рукописях XVIII—XIX вв.

VII. Миниатюра.

Определение и термины. Связь с иконописью. Палеографический анализ русской миниатюры. Изменения горного пейзажа. Изменения архитектурной обстановки. Изменение раскраски в русской миниатюре. Рисунк фигур 1000. Одежд. Фряж

86

VIII. Водяные знаки.

Определение. Бумага и так называемая «бомбицина». Форматы. Их старые названия. Происхождение водяных знаков, бумажная «форма». Варианты водяных знаков случайные и преднамеренные. Водяные знаки в качестве палеографической приметы. Залежность бумаги: срок от выхода с фабрики и до написания рукописи. Доступная точность палеографических выводов. Альбомы водяных знаков; Тромонин, Лизанье, Брижэ. Важнейшие типы водяных знаков с XV по XIX в. в России

96

IX. Кирилловские почерки.

Устав, полуустав, скоропись. Как различить эти почерки по виду и по цели. Древнейшие датированные памятники кириллицы. Соображения о недошедшей, древнейшей кириллице IX—X вв. Ее особенности

105

X. Русская письменность на пергаменте.

XI век, различия в начерках XI—XII вв. XIII век, начерки старые и новые. Новый стиль. XIV век, исчезновение начерков XI и XII вв., сохранение начерков XIII в. Новообразования самого XIV в. Появление полуустава и нового литургического устава. Распадение русской территории на два государственных союза — Московский и Литовский, расхождение начерков с конца XIV в.

110

XI. Югославянская письменность.

Судьбы болгарского государства и письменности до турецкого ига. Судьбы сербского племени и письменности до турецкого ига. Древнейшие сербские и болгарские памятники. Начерки болгарских рукописей. Правписание в Македонском разряде. Правписание в восточноболгарском разряде. Определение века югославянских рукописей по графике орфографии. Общее впечатление почерков сербских, болгарских и румынских. Югославянская каллиграфия. Книжная реформа патриарха Евфимия в Болгарии

120

XII. Югославянское влияние в России.

Исторические условия. Перемены в русской графике и орфографии. Вред и польза югославянского влияния. Особая польза знака *і* и крестовидного *ѣ*

XIII. Русский полуустав.

Полуустав XV и XVI вв. Полуустав XVII в. Различение трех веков по надстрочным буквам

132

XIV. Скоропись.

Цель и технические приемы. Русская скоропись XIV—XV вв. Московская скоропись XVI—XVII вв. Каллиграфическая скоропись. Скоропись виленская и киевская. Как следует учиться читать скоропись.

135

XV. Тайнопись, ее цели.

Системы: чуждые письма, измененные знаки, замена одних знаков другими. Счетная система; ее разряды: цифровой, описательный, значковый. Иные виды тайнописи

144

XVI. Летосчисление.

Обозначение цифр в греческом письме, в глаголице и в кириллице. Старые названия больших разрядов (10 000—10 000 000). Даты; ошибки в их написании и чтении. Система летосчисления; ее основание; начало года. Перевод дат; с сентябрьского счета на январский, с мартовского на январский, с мартовского на сентябрьский; индикт

149

XVII. Поверка дат.

Даты прямые и косвенные. Палеографическая поверка; историческая поверка; дипломатическая поверка: формула, очередь фактов в дате, термины. Справочные пособия. Списки для датировки синодиков: именной, погодный

154

XVIII. Описание рукописей.

Цель описания и основные требования. Схема описания. Название рукописи— справочные пособия. Характеристика общего состава рукописи и описание ее отдельных статей. Указатели. Справочные пособия. Литературная история памятника. Переводные памятники. Определение языка, с которого сделан перевод. Сличение с оригиналом. История текста и внешняя история памятника. Различные списки одного и того же памятника. Родственные связи списков; схема размножения и расхождения списков. Восстановление первоначального текста; варианты; глоссы, интерполяция. Описание рукописей требует точности языка; пример. Пути, ведущие к точности языка: специальные знания, изучение образцовых описаний, строгая терминология; суммирование, не обобщение наблюдаемых фактов. В описании целого собрания все рукописи располагаются в алфавитном порядке. Шрифты для печатания старых текстов. Техника типографского набора и его исправление, прим.: доступная степень точности при передаче текста печатью; передача поздних текстов гражданским шрифтом

162

Приложение I.

Хронология славянская и русская

185

Приложение II.

Руководство по датировке рукописей на основании водяных знаков бумаги

196

Приложение III.

Датировка иконных надписей: общие принципы

211

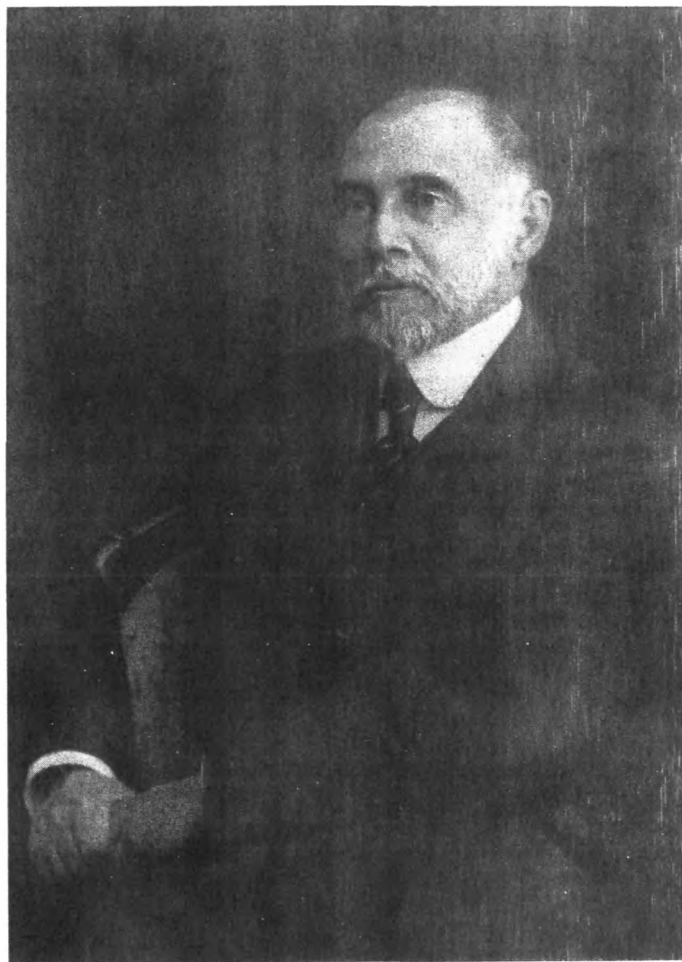
Приложение IV.

Библиография печатных трудов В. Н. Щепкина

216

Список сокращений

221

Вячеслав Николаевич Щепкин
(1863—1920)